

European Journal of Law and Political Sciences

Nº 4 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Law and Political Sciences

Scientific journal

Nº 4 2016

ISSN 2310-5712

Editor-in-chief

Orzechowska Kamila, Poland Doctor of Law

International editorial board

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law

Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law

Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Law, Doctor of Economics

Gromov Vladimir Gennadievich, Russia, Doctor of Law

Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences

Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law

Jovanović Lidija, Croatia, Doctor of Political Sciences

Kartunov Alexey Vasilevich, Ukraine, Doctor of Political Sciences

Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Olteanu Oana, Romania, Doctor of Political Sciences

Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law

Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences

Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Law and Political Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Administrative law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-3-6>

*Ponomarev Oleg Vladimirovich,
Far eastern federal university, Senior lecturer of department
of administrative and constitutional law*

E-mail: o.v.ponomarev@mail.ru

*Sitchikhina Valeriya Yevgenyevna,
Far eastern federal university,*

Student, specialty – economy, profile — tax and taxation

E-mail: v-sitchikhina@mail.ru

Magay Anjela Igorevna,

Far eastern federal university,

Student, specialty – economy, profile — tax and taxation

E-mail: publik64526452@bk.ru

Problems of administrative liability for contravention of tax law

Abstract: In this article the authors consider the basic problems of administrative liability for violation of tax legislation of the Russian Federation, with the theoretical and practical importance. The important issue of the independence of the tax liability are considered the various positions of science and practice, as well as the authors propose solutions to these problems.

Keywords: taxes, tax, administrative liability, tax law, tax control.

Taxes are the main source of the government revenues. Against the background of strengthening the financial and economic potential of the country the most important goal is to replenish the budgets of all levels through the timely collection of taxes required by applicable law.

The Tax Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the “TC RF”) constants the types of taxes, collection procedure, basic concepts used in the area of taxes and duties, rights and obligations of taxpayers, regulatory and law enforcement bodies exercising the powers in the field of taxation as prescribed by law, as well as establishes the misdeeds, which shall be referred to the tax offences, and prescribes liability for the commission of those offences. In addition to the tax legislation, the responsibility for the taxes-and-duties offences is set forth by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the “CAO RF”).

Administrative liability in the field of taxation is the responsibility of organizations, their officials and individual entrepreneurs for the tax offenses as prescribed by the Code of Administrative Offenses. The parties liable are officials of the organization should they commit administrative offenses in connection with the default on or improper execution of their duties. Thereat, an official of an organization means a person, which permanently, temporarily or in accordance with special powers performs organizational and executive or administrative and managerial functions: managers and other employees (CAO RF, Art. 2.4). As regards the organizations, the organizations themselves, as indicated above, may be made accountable for the taxes-and-duties offences according to TC RF and their officials — according to CAO RF.

Among scientists there is no common understanding of issues relating to the differentiation of

administrative liability and liability for tax offenses. There are various points of view expressed. Some scientists consider a tax liability as a particular type of a state compulsion in the field of taxation and as one of the types of responsibility in the legal liability system applicable to the taxes-and-duties payers, withholding agents and their officials for violations of the taxes-and-duties legislation.

For example, V.A. Kinsburskaya highlights a special separate legal nature in the tax liability, at the same time she points out that the tax liability inherently is a kind of the administrative responsibility [3, 2–3]. Cand. Sc. (Law) A.A. Gogin considers the tax liability as an independent kind of responsibility, which shouldn't be identified as the administrative one.

Other scientists specializing in the administrative law, on the contrary, believe that tax offenses may be of two types only: criminal and administrative offenses.

A. B. Agapov and Yu. M. Kozlov believe that the regulation of liability for taxes-and-duties offenses by any code, other than CAO RF, violates the integrity of the institution of administrative liability [2, 6].

Ye. V. Ovcharova points out that the so-termed “tax liability” for violations of the tax legislation envisaged by NC RF essentially is the administrative liability. This is confirmed by the legal determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.12.96 No. 20-P “In the Case of Verification of Constitutionality of Paragraphs 2 and 3 of Part 1 of Article 11 of Law of the Russian Federation dated June 24, 1993 “On Federal Bodies of Tax Police”. The Decree determines the punishment for the tax offenses as administrative and criminal one [5, 1].

According to S. G. Pepeliaev, liabilities envisaged by Chapters 16 and 18 of TC RF are the administrative liabilities applicable to special actors — taxpayers, banks, etc. Correct definition of appurtenance of tax sanctions will ensure the application legality in the process of enforcement of rules governing this type of coercion [1, 1].

So far, the framework of legal provisions of the current legislation is such that the liability for the tax offenses applies as envisaged by TC RF and liability for infringement of taxes-and-duties law applies in accordance with CAO RF. Confusion of these types of liability often results in wrong conclusions. Such complexity of frameworks of the current legislation causes

significant difficulties in administration of law both by regulatory and law enforcement bodies. Moreover, this legislation is constantly being modified with the changes affecting the basic conceptual approaches to the procedure of holding liable for tax offenses and crimes, as well as to the procedure for imposing the tax sanctions. Officials of tax and law enforcement bodies are faced with the challenge of deciding when, to whom, through what procedure and what legislation shall be applied. This situation is becoming more and more complicated taking into account that most of officials of tax authorities while having an economic expertise do not have a legal background, although not all the lawyers are able to gain insight of the nuances of the tax law. It results in numerous taxpayers' complaints of violations of their rights in connection with illegal decisions made by the tax authorities.

Administrative liability for tax-and-duties offenses is an important legal remedy to regulate economic relations. At present, however, it is clear that the administrative liability, while being an essential tool for the response to administrative offenses, does not complete inherent tasks in full as a consequence of some issues.

The major issue, as it has already been noted above, consists in the presence of significant gaps in the definition of administrative liability in TC RF.

Primary objective of the law-maker, when adopting the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, was to concentrate all components of administrative offenses in a single piece of legislation. In fact this task was not completed in full. This is caused by the fact that one part of the rules governing the administrative liability was transferred to CAO RF from the Tax Code of the Russian Federation, but the other part still remains in TC RF [2, 1].

In accordance with CAO RF, Article 1, Part 1, the legislation on administrative offenses consists of CAO RF and laws adopted thereunder by constituent entities of the Federation. At the same time, Chapters 14–16 and 18 of TC RF concerning the administrative liability of the parties of tax relations have not been repealed. Taxpayers and withholding agents shall be brought to administrative responsibility for contravention of tax law on the grounds and according to the procedure stipulated by TC RF, rather than CAO RF. CAO RF rules concerning the

administrative responsibility for the violation of the taxes-and-duties legislation shall apply only to the officials of the organizations, which are the parties of the tax relationships, as well as for the violation of the taxes-and-duties legislation during the movement of goods and vehicles through the customs territory of the Russian Federation [4, 222–264].

As opposed to CAO RF, the procedure for bringing to administrative responsibility for contravention of tax law envisaged by TC RF has significant gaps and shortcomings. As a result of this, there happen situations, where the interpretation of the TC RF rules concerning the administrative liability by the arbitration courts contradicts the Constitution of the Russian Federation and legislation; legal entities are brought to administrative responsibility in the absence of prescribed procedure for the proceedings in the cases of the administrative offenses in the legislation; when there is no person's fault on the commission of the administrative offense, when there are no or insufficient evidences of the commission of the administrative offense by the person. All of this shall be considered as a violation of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and principles of law.

Another problem consists in the fact that bringing payers of taxes and duties and withholding agents to responsibility for tax offenses revealed in the course of in-house tax audit contradicts the essence of this audit.

In-house tax audit consists in the tax authority's control over the correct completion of declarations in order to reveal errors and informing the taxpayers and withholding agents of the rules of tax calculation and payment, declaration completion and necessity to correct the mistakes made by them both when calculating and paying taxes while completing declarations. Such a conclusion should be made based on the content of TC RF Article 88, according to which following the results of in-house tax audit the authority shall send to the taxpayer a request to pay the amount of additionally charged tax and penalty. By implication of law, tax sanctions based on the results of in-house tax audit shall not apply to the taxes-and-duties payers and withholding agents.

In-house tax audit is the way of the realization of the taxpayers' right to receive the information on the calculation and payment of taxes and duties, comple-

tion of the tax declarations from the tax authorities where registered. However, the courts of arbitration exact from the taxpayers the penalties for tax offenses following the results of in-house tax audits.

According to A. B. Panov, another important problem claiming attention is the issue of the personification of liability for tax offenses. In the meantime, the personification of liability for tax offenses committed in the course of the organization's activities due to default on or improper fulfillment of job duties by an official is a very important factor, especially given the significant negative effects of bringing the person to administrative responsibility. The general requirements for bringing officials to administrative responsibility are laid down in Articles 2.4 (including notes) and 2.6 of CAO RF [6, 27–47].

Another problem of administrative liability for contravention of tax law is that legal precedents allow bringing people to the liability for tax offenses, despite the violation of the procedure for holding liable by the tax authorities. Emerging of such a practice started once Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation adopted Resolution No. 5 dated 28.02.2001, which instructed the arbitration courts to prosecute in the absence of a procedure established by law or its non-compliance.

In addition, taxpayers may be held liable following the results of additional tax control measures, about which TC RF gives no information, except for their names.

Bringing to administrative responsibility for tax offenses through the courts in the absence of procedures for holding liable is nothing more than obtaining evidences of the offense with no statutory order of obtaining, which contradicts the Constitution. Legal precedents of arbitration courts in cases of bringing to administrative liability for tax offenses (according to TC RF terminology — bringing to “tax liability”) following the results of in-house tax audits and other tax control measures use precisely such evidences: procedure for bringing to administrative liability following the results of the use of these forms of tax control is not established in TC RF.

Stipulation by law and compliance with the procedure for holding people liable is a guarantee of a thorough, full and unbiased investigation of all cir-

cumstances in the cases of tax offenses and adherence to constitutional rights of the persons held liable.

Thus, summarizing this article, the need for further improvement of the legislation should be noted. The most urgent issue is the regulation of the procedural rules governing the procedure for bringing to administrative responsibility. We suggest several solutions to address this issue.

The first solution is to develop an Administrative Procedural Code, which would regulate the public relations associated with the implementation of judicial control over the activities of the bodies empowered to bring to administrative responsibility.

The second solution involves the grouping of relevant components of tax offenses in the Tax Code of the Russian Federation under articles stipulating sanctions both for the subjects of taxation and for their officials. At the same time, we suggest relevant amendments to CAO RF, particularly, pointing out

that the issues of administrative liability for taxes-and-duties offenses shall be regulated by the provisions of TC RF, but provisions of CAO RF shall not apply.

And the third, in our opinion, better way to address this issue is to include rules of the administrative responsibility of all parties of tax relations in CAO RF with parallel abolition of Chapters 15, 16, 18 and certain provisions of Chapter 14 of TC RF concerning the so-called tax liability. The tax liability shall be considered as an administrative responsibility for the contravention of tax law and stipulated in the administrative offences legislation, as today the rules of the proceedings in the case of an administrative offense stipulated by CAO RF are based on the constitutional principles of administrative liability and rules of the proceedings in the case of an administrative offense, which are not observed in TC RF when regulating the tax control and tax prosecution procedures.

References:

1. “Business Partner” Audit Group Lawyers//“Business Partner” Consulting and Legal Center Issues of Application of Laws on Liability for Tax-and-Duties Collection Offenses. – M., – 2016.
2. Kalantarova E. I. Contemporary Issues of Legislative Regulation of Administrative Liability for Tax Offenses. Law Industries Analytical Portal. – 2015.
3. Kinsburskaya V. A. Tax Liability in State Taxation Compulsion System: – M., – 2010.
4. Kirin A. V. Administrative Tort Law: The Theory and Legislative Framework. – M., – 2012. – P. 266–267.
5. Ovcharova Ye. V.//Administrative Liability for Tax Offenses//Nalogoved (russian – “Налоговед”) Journal Issue – No. 3. – M., – 2005.
6. Panov A. B. Revisiting Issue of Administrative Liability for Tax Offenses. All-Russian Scientific and Analytical Journal “Bulletin of Ural Institute of Economics, Management and Law”. – 2011. Issue – No. 4.

Section 2. Commercial law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-7-9>

*Gupi Marsidi,
European University of Tirana,
PhD (c) in Law, the Faculty of Law
E-mail: marsid-gupi@hotmail.com*

Joint stock company as a contract and an institution

Abstract: The concept of company interest is a terrain where two opposite theories contrast. In relation to joint stock companies or JSC this are the contractual and the institutional thesis. The institutional thesis: for this theory, which was borne in Germany after the First World War and spread in every country. The contractual theory: This theory in opposition to the first, denies that the public interest is greater than the interests of the shareholders.

Keywords: joint stock company, contract, institution, shareholders, company law, minority shareholders, administrative organs, economic development.

The concept of company interest is a terrain where two opposite theories contrast. In relation to Joint stock companies or JSC this are the contractual and the institutional thesis. These are not only theories defining the schemes of normative reality, but are also a philosophical reflection of joint stock companies. The two and more clearly the institutional theory were addressed to the lawmakers and interpreter to push forward the transformation of the right in true power.

The institutional thesis: for this theory, which was borne in Germany after the First World War and spread in every country, the essence was the interest of the company which surpassed by far the importance of the personal interests of the singular shareholders and was identified as the ventures itself. More precisely it was the interest for the production effectiveness of the venture seen as a general institution of economic development [1, 441–443]. The interest of the shareholders takes a second place and is dependent towards the company. This theory aims to regulate the internal relations of the JSC between the commanding capital (the majority shareholders), and the masses of minor shareholders.

This would protect the minority in all internal procedures of the company.

So JSC is seen as an institution like a parliament where the majority is able to govern and chooses the administrative organs while the opposition is represented by the minority shareholders. The institutional theory suggests that a JSC should dispose of a strong executive, able to interpret autonomously the requirements of the directory of the ventures. It should be an administrative organ far from the reach of the power of the assembly and uninfluenced by the greed of the majority shareholders.

The protection of the minority shareholders and other interest groups is done by securing an internal administration independent from the general assembly of the shareholders. The second aim of the institutional theory is the regulation of the relations of the entrepreneurs (the entrepreneurs in this case are the shareholders and employers). The interest of ventures itself goes beyond that of the shareholders including the one of majority, it become a common interest of the shareholders and employees of the company leaving behind any interest even that of the commanding group. The employers must have a role in the commanding organs of the JSC as described in the law for “markets company law” and that could be a JSC with one or two levels [3, 54–59].

The institutional theory reflects in the latest aspect a leading panorama of the economy, now in the latest state, it is a testimony that free trade market cannot be unchecked and controlled by casualty only. The contrary would bring down or damage the trade system.

Lastly there is something to consider about the institutional theory, together with entrepreneurship and public control over JSC are a liberal approach toward free trade market where the state has an important role. Even though it can bring obvious intervention of the public in the internal administration of a JSC, public control aims only to guarantee the respect of the rules by which the production system works.

The contractual theory: This theory in opposition to the first, denies that the public interest is greater than the interests of the shareholders. This defines the interest of the typical medium shareholder. More than a theory it is a way to express many more theories some of which are even contradictory to each other. The theory of the interest of the shareholders has many equivoques. It requires in the JSC the existence of a well-defined common interest for all shareholders, while in the JSC there is the internal conflict between majority and minority shareholders. It is not clearly shown which shareholders are protected, the leading or the investing ones. These are the one with the right to vote, or the one who does not have this privilege. This depends on the type of shares emitted; they can be even shares without the right to vote but with a priority in profit.

It must be considered, leaving the formula apart, the opinion of different authors that define the common interest of the shareholders as an opposite notion to that of which it must be. For some authors this interest contains even the interest of potential future shareholders or the long-term interest of the actual shareholders.

It is accepted that the social interest must take in consideration the changing in time of the shareholders. In this way it is taken into account even the future interest of the actual shareholders. This shows that there is little if none difference between the institutional and contractual theories in the results achieved. They both protect the leading group in the company in disadvantage to the minority shareholders, to protect the interest of future

shareholders and to maintain the long-term interest of the actual majority so a policy low dividends policy is required to ensure the effectiveness in production. This is done vice versa to protect the interest of the general interest of the entrepreneur class against the leading group in a company.

On contrary of the institutional theory, there is a theory which gives only importance to the actual groups of shareholders it states that the interest of future or potential shareholders is not included. The majority shareholders can make anything as long as they respect the contracts and laws of the company.

The concept of society interest it is used by this theory and is understood as the common interest of the shareholders, it restricts the power of the majority to protect minor shareholders it excludes also the interest of the company with the public one. So the base of this theory of opposition is the differences between social and extra social interest of the shareholders.

The society interest in itself is a neutral concept. Every social interest is inserted in the scheme of the contractual causality of a company, even the interest of maximizing the effectiveness of production or the profit or maximizing dividends. Extra social interest represents something outside this contract and is something personal of one or many shareholders even the majority one. The majority is free to vote in which way it wants and to follow a policy that maximize effectiveness, scarifying the dividends or following a policy with high dividends scarifying the effectiveness. In any of the two cases in any case this choice must be done accordingly to the social contract mentioned above leaving apart the extra social interest [2, 187–188].

None of the above theories can explain the actual reality of the JSC. The contractual theory stating that no other interest is accepted other than the one common to the shareholders, blocks the possibility of new developments.

The Supervising Committee in Albanian legislation is inducted as a JSC in an administration system in two levels; it appoints the administrators and over watches the actions and the implementation of economic policies and activities. It can act as a coordinating organ between the interest of the shareholders and that of the workers of the company [4, 177–178].

This Committee aims to find a synthesis between these two interests. The English reform of 1980 broke the exclusivity of services between the shareholders and the administrators, giving to the second ones the duties to take into consideration the interest of the workers of the company in the same way as that of the shareholders. Seksioni 46. Text [1, 78–79].

Even in Italy the contractual theory has found contradictory elements with the 1974 reform. Not only the interest of minority shareholders

but even the interest of the potential shareholders in the form of the access to the information about the company is subject to public regulations by Consob (National Committee for the Trading Companies and Markets). There are subject of protection also the actions of the revising companies, that are in their way subject of public control by Consob. The social organs have the duty to prepare consolidated balances that protect the interest outside the group of actual shareholders.

References:

1. Francesco Galgano, *E drejta tregtare*, Luarasi University Press, Tiranë – 2009.
2. Argita Malltezi, *E drejta tregtare e shoqërive shqiptare*, Mediaprint – 2009.
3. Ligji nr. 9901 i datës 14.04.2008 “Për tregtarët dhe shoqëritë Tregtare”, Botim i Qendrës së Publikimeve Zyrtare, Korrik – 2010.
4. Argita Malltezi, Jonida Rustemaj, Armela Kromiçi, *Gjykatat Shqiptare mbi shoqërite dhe veprimtarinë tregtare*, Mediaprint, – Janar – 2015.

Section 3. Criminal science

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-10-13>

*Evdokimov Konstantin Nikolaevich,
Associate Professor of the Chair of State and Law Disciplines
of the Irkutsk Law Institute Affiliated
with the Academy of the General Prosecutor's Office
of the Russian Federation
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru*

Comparative study of criminal legislation of Russia and foreign countries providing for liability for committing computer crimes

Abstract: This article examines the criminal legislation of Russia and foreign countries, which regulate liability for the Commission of computer crimes. The author reveals the advantages and disadvantages of the Russian legislation regarding the criminalization of computer crimes. Put forward proposals on the improvement of criminal law articles 272–274 of the criminal code.

Keywords: computer crime; crimes in the sphere of computer information; criminal law; criminal liability; criminal and legal system.

Currently, the existence of computer crime causing enormous damage to the Russian economy, as well as threaten the information security of the Russian state and society.

According to the research Cost of Cyber Crime Study 2014 conducted by Ponemon Institute with the support of HP Enterprise Security, the average expense of a Russian organization from cybercrime in 2014 amounted to 3.3 mln. Dollars [1]. As a result of a joint research fund development of Internet initiatives (FRII) and international companies Group-IB, Microsoft was found that damage to the Russian economy from cybercrime in 2015 exceeded 200 billion rubles, which accounted for 0.25% of the GDP of the Russian Federation [2].

Therefore, certainly, combating computer-related crime and improve the criminal-legal means of struggle against crimes in the sphere of computer information, it is one of the priorities of the Russian scientific community and law enforcement.

One of the effective ways to improve the domestic criminal law governing the liability for computer

crimes, is the analysis of foreign legislation and the use of positive experience in combating cyber crime, for example, in the US or Western Europe, where the process of criminalization of offenses in the field of information technology began much earlier than in Russia.

Let us analyze the criminal law legislation of Russia, USA, France, Germany, Sweden and other developed countries, belonging to different legal families, to identify the characteristics of the regulation of crimes in the sphere of computer information and the responsibility for these acts.

Considering the legislation of the Russian Federation, providing penalties for committing computer crimes, it should be noted that the Russian legislator, in contrast to the European, American or Chinese, introduced into the Criminal Code of the Russian special chapter № 28 “in the field of computer information crimes”, which includes 3 legislative article fixing criminal liability for the following offenses:

- Art. 272 of the Criminal Code “Illegal access to computer information”;

- Art. 273 of the Criminal Code “Creation, use and distribution of malicious computer programs”
- Art. 274 “Violation of the rules of operation of the storage means, processing or transmission of computer and information and telecommunications networks.” The maximum penalty for committing a criminal offense — imprisonment up to seven years [3].

A novelty in the development of Russian criminal legislation was the introduction of the Federal Law of 29.11.2012 № 207-FZ chapter number 21 of the Criminal Code “Crimes against property” of a number of new offenses, among which are several formulations of computer crimes, such as fraud using payment cards (article 159.3 of the Criminal Code) and fraud in the sphere of computer information (article 159.6 of the Criminal Code).

Thus, the law enforcement bodies of the Russian Federation there are additional criminal legal means of combating computer fraud involving the use of a computer to commit theft of information, as well as various tools for creating, storing, processing, transmission of computer information, including payment cards.

Through a comparative legal analysis of foreign and Russian legislation governing criminal liability for computer crime, you can make several important conclusions.

Firstly, in criminal systems, Anglo-American, Scandinavian, Roman-Germanic and the socialist legal family there is a general trend towards the consolidation of criminal liability for computer crimes legislation (Criminal Code or special laws) as the sources of law.

Secondly, in spite of certain differences existing legal families, we can note the general trend to the “hybridization” of national criminal law systems, which finds its expression in the legislative consolidation of the individual (special) criminal group for committing criminal acts in the sphere of computer information (Russia, USA, China, CIS).

Third, unlike the Criminal Code, computer crime in the foreign criminal law may be secured to other elements of a crime as an aggravating circumstance, or ways of committing another criminal offense (for example, Art. 9c Ch. 4, Article 1 of the Criminal Code Ch.9 Sweden, § 206, § 317, § 263a of the Criminal Code of Germany, by Articles 226–18,

226–19 of the Criminal Code of France).

Fourth, the Russian legislator, from the standpoint of the rules of legal technique, basic computer crime merged into one chapter of the Criminal Code (Chapter 28, “in the sphere of computer information crimes”). Meanwhile, in the foreign criminal legislation of computer crime are located in different sections, chapters, sections (subdivision) penal codes or laws (the Criminal Code of Sweden, of the Criminal Code of Denmark, the Criminal Code of Germany, of the Criminal Code of France, the Criminal Law, Criminal UK legislation: Act on the abuse in 1990 computers, at the personal data Act, 1998, Act of terrorism, 2000).

Fifth, in the foreign criminal law the basic object of the crime are not only public relations in the sphere of safe operation of computer information (the Criminal Code), but also other objects of a criminal assault (for example, human rights and freedoms — the criminal laws of the UK, France and Germany; freedom and the public peace — the criminal Code of Sweden; public safety — US criminal law, public order and public safety — the criminal law).

Sixth, by analyzing the objective aspect of computer crime, it can be concluded that the Criminal Code establishes the formal structure of a crime to create, use and distribution of malicious computer programs (Part 1 of Art. 273 of the Criminal Code), without associating it with the onset of socially dangerous consequences. In the criminal law of foreign countries, where the creation, use and distribution of malicious computer programs is seen as a way to commit other crimes, the offense is a material (CC Sweden, Denmark, the Criminal Code, the Criminal Code of Federal Republic of Germany, France, the Criminal Code).

Seventh, in the Russian Criminal Code as the subject of computer crime is the only individual. In turn, in the criminal law of the Scandinavian and the Roman-Germanic legal families guilty may serve a legal entity (CC Sweden, Denmark, the Criminal Code, the Criminal Code of France and others.).

Eighth, the subjective aspect of computer crime in the Russian criminal law, in contrast to foreign legislation is characterized only by intention.

Ninth, in Art. Art. 272, 273 of the Criminal Code as a qualified fixed formulation act committed out of

selfish interest, ie, as a mandatory feature of the subjective side of crime appears the motive of a criminal act. Meanwhile, the foreign legislation (Denmark, Germany, China, Sweden, and others.), Including the CIS (Criminal Code of Belarus, of the Criminal Code of Georgia, the Azerbaijani Criminal Code, the Criminal Code of Kazakhstan, and others.), Criminal law which are based on the “Model Penal Code “does not take into account the motives and goals of a criminal act in the classification of computer crime.

Tenth, to criminal liability in Russia for committing computer crimes involved sane individuals who have reached the age of 16 years. The Criminal Code of Latvia (Article 11) — age of criminal liability of individuals is 14 years old, Danish Criminal Code (§ 15) — 15 years, the Criminal Law (Article 17) — from 14 to 16 years.

Eleventh, it should be noted a large time gap between the appearance of computer crime and the establishment of appropriate criminal and legal mechanisms to deal with them in the Russian Federation and foreign countries. Criminalization of cybercrime in Russia began on 1 January 1997, in contrast to the United States, Sweden and other countries where the criminal liability was introduced in the 1970s — 1980s.

Twelfth, the maximum penalties for committing computer crime in Russia is 7 years imprisonment (in reality, the criminals are sentenced by the courts to punishment by a fine, correctional labor, conditional imprisonment). Meanwhile, in other developed countries (the US, China, France, and others.) Guilty of committing these criminal acts that resulted in grave consequences, faces a sentence of 10 years to life imprisonment.

With this in mind, the author proposes to reduce the age of criminal responsibility of individuals for the commission of crimes in the sphere of computer information if that act resulted in the onset of serious consequences (Part 4 of Art. 272, Part 3 of Art. 273, Part 2 of Art. 274 of the Criminal Code) from 16 to 14 years. In this case, by setting the punish-

ment for causing serious consequences to 15 years in prison.

We believe it appropriate to toughen the penalties for computer crimes, taking into account the features that characterize the subjective aspect of the crime and include some of the objectives of committing a criminal offense in the disposition h. 3 tbsp. 272, h. 2 tablespoons. 273, h. 1 tbsp. 274 of the Criminal Code, in particular:

1. “The same acts committed for the purpose of concealing another crime or facilitating its commission”;

2. “The same acts committed for the purpose of terrorizing the population or influencing decision-making by public authorities and (or) the local government, as well as obstructing the normal functioning of the media, public authorities and (or) the local government, state and (or) municipal institutions and enterprises”.

Sanctions for these acts to 10 years in prison.

This author’s position, based on the fact that the computer criminals by their actions cause huge economic damage.

In addition, in 2012, hackers haktivistskie motion, foreign secret services began to make a large number of computer crimes for political motives (DDoS-attacks on government information resources; the use of malicious software to cyber-espionage, kibersabotazha, cyber-terrorism, and so on.), Which is already threatened Russia’s national security.

Therefore, according to the author, the legislator should take a more proactive stance to protect the legitimate interests of society and the state from emerging cyber threats, including by improving the design of crimes in the sphere of computer information and toughening penalties for the perpetrators of these criminal acts.

In addition, we believe that law enforcement agencies should involve civil society (media, research and educational organizations, social movements, community councils, political parties, trade unions, religious groups, etc.) to prevent computer-related crime.

References:

1. Российские компании теряют миллионы в результате кибератак [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2014/10/20/ataki-site.html> (09.11. 2016).

2. Ущерб экономике России от киберпреступности превысил 200 млрд. рублей [Электронный ресурс] – URL: <http://ria.ru/economy/20160413/1409855094.html#ixzz45jCApNtn> (09.11. 2016).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня – 1996 г. – № 63. – ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-13-15>

*Makushev Dmitry Ivanovich,
law student of the Irkutsk Law Institute Affiliated
with the Academy of the General Prosecutor's Office
of the Russian Federation
E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru*

Problematic aspects of international cooperation of the Russian Federation on the fight against cybercrime

Abstract: The article is devoted to topical issues of international cooperation of the Russian Federation and foreign countries in combating cybercrime. The author offers measures in international law on the improvement of cooperation between law enforcement agencies of foreign countries in the fight against computer crimes.

Keywords: European Convention on cybercrime, the United Nations, the Shanghai Cooperation Organization, Commonwealth of Independent States, computer crime.

The realities of modern world are that the rapid development and introduction of information technologies have become an integral part of human life. The high speed of this process does not allow thorough approach to understanding and resolving all the changes in social relations, including in the sphere of legal regulation of combating computer crime. In relation to this phenomenon, it should be noted that computer crime is outside of one particular state, that is, adopts a transnational character. This problem causes concern of the world community and is a good reason to unite efforts of States and their cooperation in this direction.

Starting the consideration of this matter, we believe it is necessary to start with the indication that the first international instrument aimed at protecting society from computer crime and seeks to develop a unified policy in the sphere of criminal and criminal procedural law was the Council of Europe Convention on cybercrime [4], adopted on 23 November 2001 in Budapest. Currently, the mentioned Convention has been ratified by 49 States, but that is of interest, the Russian Federation is not included into their number. The reasons for this are un-

clear, wording is the contradiction with the Russian legislation and the violation of state sovereignty by the provisions of paragraph “b” of article 32 of the Convention, which provide the Commission the necessary actions without the consent of the country in which these actions are performed.

So, M. A. Prostoserdov, K. N. Evdokimov believes that many provisions of the Convention contradicts national legislation of Russia and violate its interests. For example, articles 29 and 32 give the opportunity to intervene in the computer system of another state and to take prompt action, regardless of social danger of acts without the permission of that state [1, 27; 6, 44].

Other authors believe that “the principal point of non-aligned Russia to the Convention is our acceptance of article 32b. Its vague wording allows for penetration into information networks of another state without notice, based on someone’s personal permission. It is impossible to speak about a fruitful and mutually beneficial cooperation, if one of the parties doesn’t even know about the holding on its territory, in this case in information and communication networks, the operational or investigative

activities of any other party. And this is what allows article 32b” [2; 3; 5, 47].

In turn, O. A. Stepanov notes the absence in the Convention address a number of problems of organization of interaction of law enforcement bodies in prevention, revealing, disclosing and investigation of crimes committed using information and communication technologies (ICT). In particular, it left open the questions of the legitimacy of the work of foreign intelligence and production of the investigation against citizens of other States; of notifying interested citizens about the conducted procedure; the procedure for appealing the decision on the collection of computer data; protect privacy of information; judicial and institutional control over the legality of actions of foreign organs [8, 51].

According to T.L. Tropina, the Council of Europe Convention on cybercrime is no effective legal mechanism of implementation and lack of monitoring of implementation of the participating countries; the Convention is regional, for the protection of the interests of primarily developed countries; also in the Convention there is no comprehensive approach and there are legal gaps and collisions [9, 94].

Some authors to indicate “the absence in the Criminal code of the Russian Federation rules that would provide for criminal liability of legal persons for offences in the sphere of computer information” [1, 27; 7; 13].

But the fact that the Russian Federation has not signed the Council of Europe Convention on cybercrime, not to mention its intention to abandon international cooperation in combating computer crime, as it is implemented in the framework of such international organizations as the United Nations (UN), the Group of eight (G-8), the Commonwealth of Independent States (CIS), Shanghai cooperation organization (SCO), the BRICS.

In confirmation of the above, you can specify that between the governments of the member States of the Shanghai Cooperation Organization on June 16, 2009 signed an Agreement in the field of ensuring international information security, which identifies specific areas of collaboration and clearly defines the conceptual and terminological apparatus: list the basic concepts to be used in the legislation of countries participating in the agreement and list the main

types of threats in the field of international information security, their sources and characteristics.

BRICS cooperation to combat computer crime, and geographically outside of the Eurasian continent and provides more opportunities for interaction between law enforcement bodies in this sphere. So, 16–18 June 2015 in Moscow was held the meeting of the working group of experts of BRICS on issues of safety in the use of information and communication technologies. During the meeting there were discussed safety problems in the use of ICT and the effective interaction in combating crime and terrorism in the information space.

Consider true the assertion that a regional approach, for all its success in harmonizing criminal law within the group of countries would lead to further fragmentation in the fight against computer crime, overshadows the issue of procedural cooperation, which in the transboundary cyberspace we need a global rather than a regional approach [8; 9; 10; 11; 12]. Therefore, the problematic aspect of international cooperation in this area is its regional character. This is primarily due to the lack of the UN Convention, which defines a common direction of combating computer crime and the system of international cooperation, as well as containing provisions on liability for committing such crimes.

Way out of this situation is the adoption at the site of the United Nations, two conventions, correlated with each other as General and special. The first Convention should be political. To the subject of its regulation is necessary to include the principles and rules of ensuring international information security, a list of prohibited and criminal acts, such as the outbreak and conduct of cyber warfare; the creation, use and dissemination of cyber weapons; cyber-espionage; cyber-terrorism; cybersabotage. Second, the Convention having the character of law, should include a conceptual-categorical apparatus; General legal principles; the list of criminal acts subject to criminalization; criminal law and criminal procedure norms, regulating punishment for computer crimes and a common attraction guilty to criminal liability; complex criminological, forensic and organizational and technical measures to combat computer crime; the system and mechanism of international cooperation between law enforcement agencies in this area.

References:

1. Евдокимов К. Н. Актуальные вопросы предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2015. – № 1 (59). – С. 21–31.
2. Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции. – 2012. – С. 227–230.
3. Евдокимов К. Н., Таскаев Н. Н. Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты // В сборнике: Обеспечение национальной безопасности России в современном мире материалы международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Байкальский государственный университет. – Иркутск, – 2016. – С. 66–74.
4. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации: заключена в Будапеште – 23 нояб. – 2001 г. (ETS № 185) [Электронный ресурс] // Convention on Cybercrime. Режим доступа: URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm> – 02.10.2016.
5. Мирошников Б. Н. Перспективы международного сотрудничества в рамках Конвенции о киберпреступности // Информационная безопасность. – 2007. – № 6 (15). – С. 46–48.
6. Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: – 12.00.08. – Москва, – 2016. – 232 с.
7. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 322–330.
8. Степанов О. А. Актуальные проблемы противодействия кибертерроризму: монография. – М., – 2014. – 100 с.
9. Тропина Т. Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. – 2012. – № 3. – С. 86–95.
10. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества [Агапов П. В., Антонов-Романовский Г. В., Артеменков В. К., Бажанов С. В., Боголюбова Т. А., Борисов С. В., Васькина И. А., Винокуров С. И., Воеводина Т. Г., Воронцов А. А., Диканова Т. А., Евдокимов К. Н., Евланова О. А., Ережипалиев Д. И., Жидких А. А., Жубрин Р. В., Илий С. К., Капинус О. С., Коимшиди Г. Ф., Красникова Е. В. и др.]. – Москва, – 2016. – 656 с.
11. Юрковский А. В., Сараев А. В., Кузьмин И. А. Борьба с терроризмом в России и Республике Корея: сравнительный анализ особенностей организации и деятельности сил специального назначения // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. – 2016. – № 1. – С. 50–56.
12. Evdokimov K. N. On the issue of criminal responsibility for the creation, use and distribution of “bot-nets” // European science review. – 2015. – № 11–12. – P. 229–230.
13. Evdokimov K. N. Personality traits of computer criminals in modern Russia // European Journal of Law and Political Sciences. – 2016. – № 2. – P. 42–45.

*Miloshoska Danijela,
"St. Kliment Ohridski" University Bitola
PhD in Law, Associate Professor,
Faculty for tourism and hospitality-Ohrid
E-mail: dancesmilevska@yahoo.com*

Security roll of the Macedonian customs

Abstract: This paper analyzes security role of the Macedonian customs. Using statistical methods, calculations will be made on the indicators on the security role of the Macedonian customs grouped in to two main groups: Indicators on the crime detection and Indicators on the implementation of risk management approach.

Keywords: Macedonian customs, Security, indicators, risk management, crime detection.

Introduction

Today, as a result of all changes on the global level, there have been a significant number of risks of safety in the field of trade. It is very important to note and understand the relevance of security measures taken by the State agencies involved in this process. Customs authorities around the world conduct and supervise cross-border movement of consignments having a unique role to provide security to the international movement of goods and services.

Security is a state of being free of danger or threat. Security means safety, as well as the measures taken to be safe or protected.

In 2005 The European Commission work program noted that "security is one of the primary expectations of European citizens" [3, 7]. The European Commission in 2007 published a paper that defines security of the European Union's external borders "as the capacity of these borders to constitute a barrier, or at least a reliable filter, for its member States against threats to: 1. The effectiveness of checks and surveillance; 2. Compliance with EU or national regulations; 3. The level of internal security in the common area of freedom of movement; 4. Law and order of the national security of EU member States, except with regard to the military defense of the EU's external borders against aggression in cases in which one or more third countries openly commit aggression or claim responsibility for it." [4, 6–8].

Implementation of risk management approach in the Macedonian customs administration

The legal basis for application of risk management by Customs is provided in the Standards of Chapter 6 of the General Annex of the revised Kyoto Convention.

Implementation of the risk management approach in the Macedonian customs administration (MCA) started in 2002 with application of the selectivity control method in some Customs offices, for today to be general policy in all Customs offices in the MCA. For that purpose in the Sector of Controls and Investigation was established Risk Analysis Department (RAD) as an organizational unit. Supporting legal framework was needed for further development of the risk management approach. Risk management approach was imposed in the Customs Law and other customs regulations. The risk management objective is efficient and effective selection of high risk shipments and channeling the available resources towards this kind of shipments, but enabling the legal no-risk trade free movement with minimal delay at the same time.

Risk areas determined with the Guidelines on selective controls of customs operations [2, 3–4] are:

1. Avoiding payment of taxes by: Declaring and accepting improper customs value, Declaring and accepting improper heading, Declaring and accepting improper origin/preferences, Discharging of import for processing, Discharging of outward processing, Unlawful removal of goods from customs supervision, Failure to report imported goods for customs clearance.

2. Threatening the safety and reliability in terms of public health, environment and consumers, including proper application of measures concerning import and export of goods to and from the Republic of Macedonia by: Smuggling of weapons, Smuggling of drugs and precursors, Money laundering and financing terrorism, Smuggling endangered animal and plant species, Smuggling of nuclear and radioactive material, Smuggling of high technology and weapons, Illicit trade in dual use, Smuggling of cultural heritage, Trafficking in counterfeit/pirated goods, Environmental crime and Trafficking.

Risk areas determined in this document are not permanent but can be modified according to the basic responsibilities of the Customs Administration.

Determined risk areas are the main basis for identification of risks and analyzes done by the RAD in terms of likelihood and consequence, thereby producing an estimated level of risks. The process continues with assess and prioritizes risks by comparing estimated levels of risk against the pre-established criteria, and classifies those risks as high, medium or low. After deciding which risks are acceptable, follows development and implementation of specific management plan in which risk indicators and risk profiles are determined. The information's of the risk profiles are used as selection criteria on control channels for the customs control. The Macedonian Customs Administration uses "red", "yellow", "blue", and 'green' channels for customs control. The use of the red channel results in a mandatory physical and documentary inspection of the goods; the yellow channel requires documentary control only; the blue channel requires control at a later stage-post clearance control, and the green channel results in immediate release of the goods with no control.

Indicators on the security role of the Macedonian customs.

Macedonian customs administration is an important state body operating under the umbrella of the Ministry of Finance. Today, the place and role of Customs administration in society is widely diverse, from collecting revenues to providing support to the international trade. Macedonian Customs as a modern service plays an important role in the security system of its country. It is a constituent part of the system for detection and prevention

of illegal trade and unfair competition, impediment of trade in prohibited goods and financing terrorism, safeguarding the environment and cultural heritage. With changes of the Law of Criminal Procedure in the Republic of Macedonia in 2004, the Customs administration has been given new jurisdictions in the fight with customs crime and the crime complemented to it.

The indicators on the security role of the MCA are divided in to two main groups:

I. Indicators on the crime detection.

II. Indicators on the implementation of risk management approach:

The indicators on the crime detection of the MCA are related to the number of the submitted felony charges, the number of the submitted misdemeanor charges and the number of the submitted charges per employee (fig.1).

The indicator on the felony charges (fig.1) shows the continuous efforts of the MCA to fight crime and protect its population. The largest number of submitted felony charges was recorded in 2014–119, that is an increase of 17% compared to 2010. In 2015 the number of submitted felony charges was 110.

Analyzing the indicator on the misdemeanor charges (fig.1) indicates that 2012 has seen a sharp decline of 37% of the misdemeanor charges, related to 2010. The same year the financial implications of misdemeanors are the largest and are estimated to amount to 646 million denars (fig.2). In 2015 there was a sharp increase of 75% of the misdemeanor charges, related to 2012. In these period the participation of the customs offences in total infringements ranges from 84% in 2015 to 91% in 2012 (fig. 3), showing that customs offences are still dominant in total infringements. Further analyze of the customs offences shows that most of them are result of presenting lower value in the customs declarations (fig. 4). These relations showing that customs offences count almost 85–90 percent of the total infringements and that more than 90 percent of customs offences are related to presenting lower value in the customs declarations forced MCA to develop stronger customs control system on customs value. In this respect, the MCA has created a national data base on Customs value and adopted regulations referring customs value.

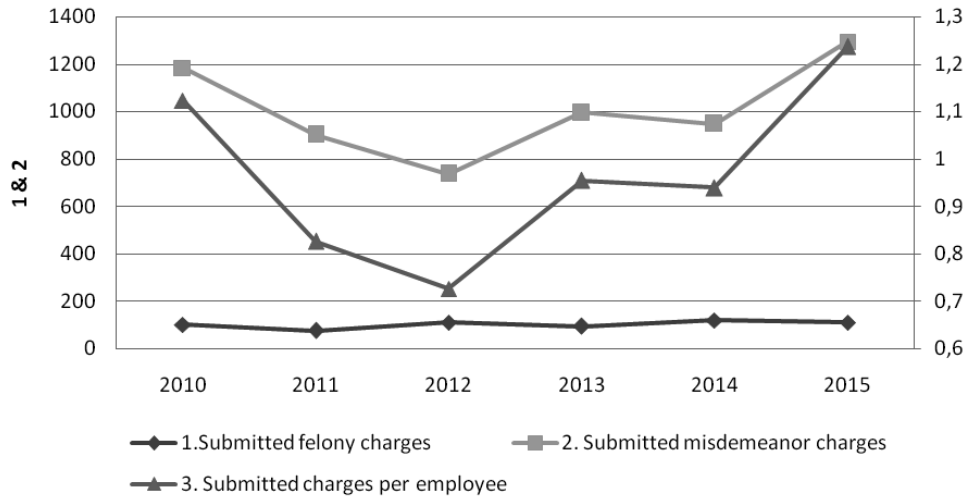

Figure 1. Indicators on the crime detection of the MCA

Source: MCA, own calculations

The indicator on the submitted charges per employee (fig.1) shows the workload of the employees on crime detection. This indicator shows that there was a decline of the workload of the em-

ployees in 2012 as result of the lower number of the of the misdemeanor charges, and an increase of the workload in 2015 for 71% compared to 2012.

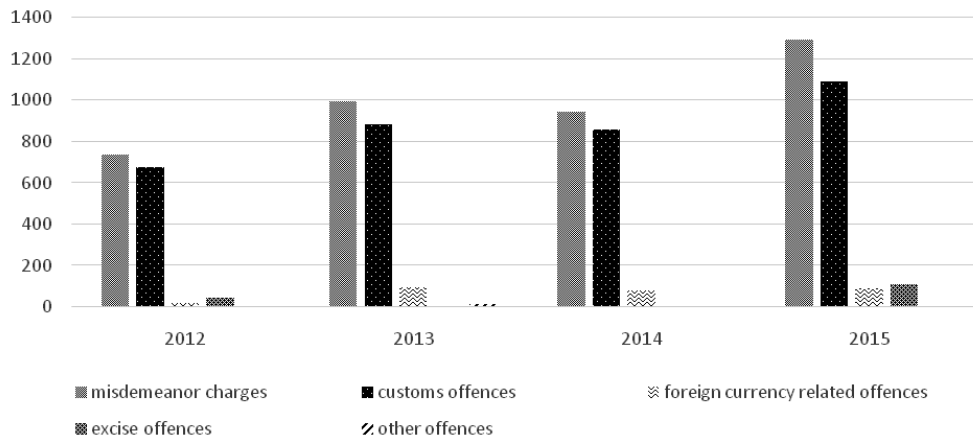

Figure 2. The structure of the misdemeanor charges of the MCA – 2012–2015

Source: MCA, own calculations

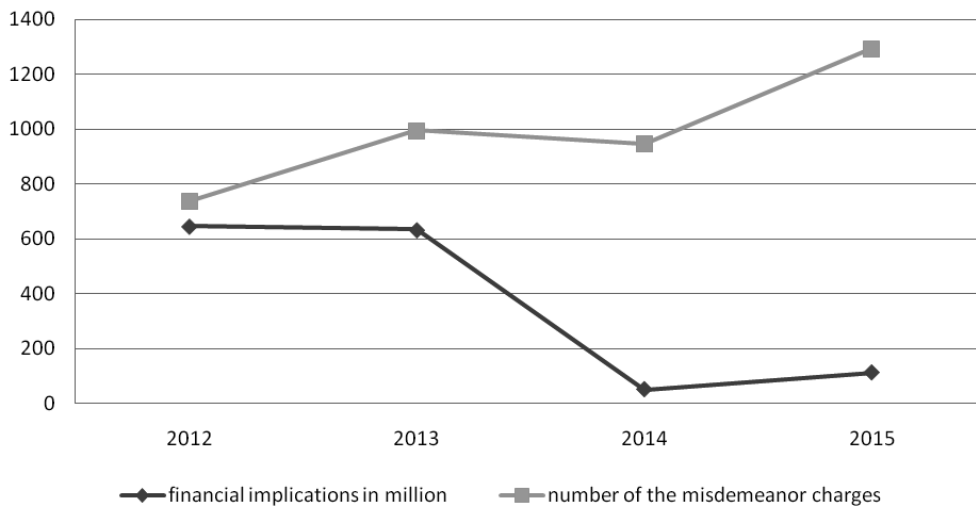

Figure 3. Financial implications of the committed customs infringements – 2012–2015 (in million)

Source: MCA, own calculations

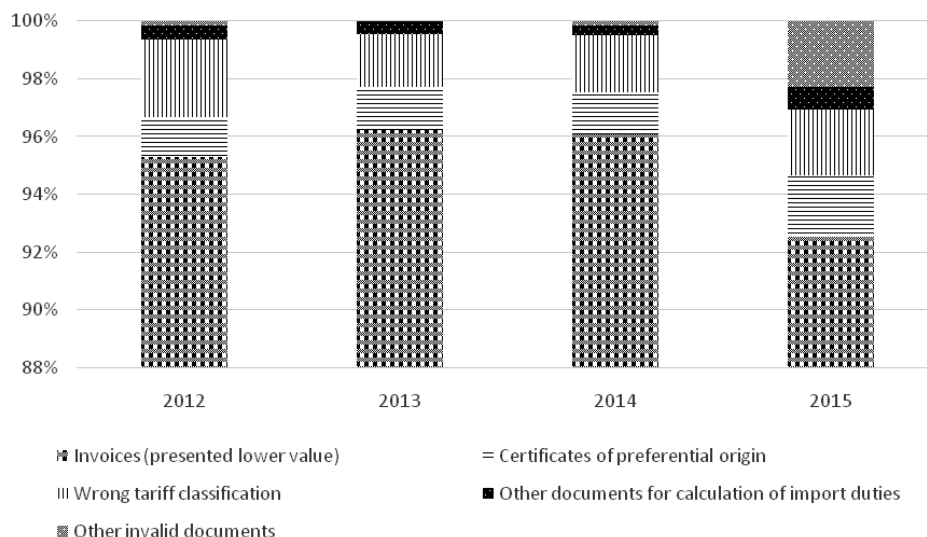

Figure 4. Results of the documentary customs control (the structure of the customs offences)

Source: MCA, own calculations

The indicators on implementation of the RM in the MCA are related to the distribution of the customs declarations by channels (selective control on the customs declarations), number of processed declarations and the time of the processed declarations. In this paper, we analyze only the indicator related to the distribution of the customs declarations by channels (fig.5) as the most significant for the security roll of the MCA.

The Macedonian Customs administration operates four clearance channels (red / yellow / blue /green channel) and approximately 40 per cent of the total imports and 40 per cent of total exports are

selected for the green channel, and only 17 per cent of the total imports and 10 per cent of the total exports are selected for the red channel for the period of 2010–2015. This indicates efficiency and productivity in customs practices and leads to gain of time and resources for export and import entities. Fig. 5 shows that Customs Administration of the Republic of Macedonia applies risk management approach and has improved the system for selective controls by reduced percentage of physical and documentary customs controls from 30% physical control in 2014 to 10% in 2015, and from 35% documentary control in 2014 to 18% in 2015.

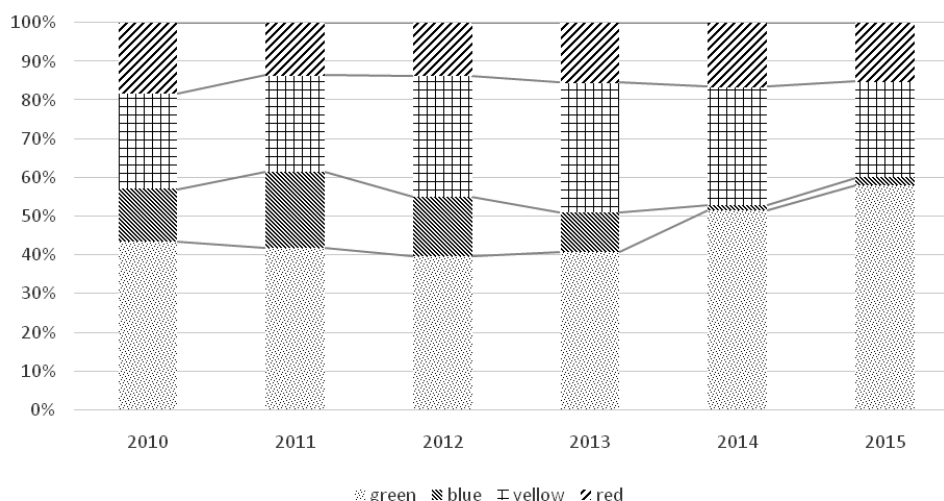

Figure 7: Indicator on selective control on customs declarations in MCA

Source: MCA, own calculations

Customs Administrations that adopted risk management approach and the application of risk-based selectivity (red/yellow/blue/green channel)

in every day work can designate they're capability to the high-risk operations while increasing the efficiency of the clearance procedures for low-risk

consignments. As a result of the application of risk-based selectivity in every day work MCA can determine shipments in which further inspection in the form of physical and documentary inspection of the consignment is necessary by analyzing trading countries, customs value, customs tariff etc. in order to fulfill its obligation in terms of security and safety.

Conclusion

Analysis of the security roll of the Macedonian customs throws up some key conclusions:

First, Macedonian Customs as a modern service plays an important role in the security system of its country. It is a constituent part of the system for detection and prevention of illegal trade and unfair competition, impediment of trade in prohibited goods and financing terrorism, safeguarding the environment and cultural heritage.

Second, the analyzed indicators on the security roll of the MCA have presented the current situation on the measures combating customs crime,

and implementation on the customs risk management approach.

Third, analyzing indicators on the detection on the crime stressed out that customs offences count almost 85–90 percent of the total infringements and that more than 90 percent of customs offences are related to presenting lower value in the customs declarations. It can be noted that MCA has strong commitment regarding its role in prevention and detection of crime and protection of its citizens, but still needs to develop more efficient control methods regarding customs value declarations.

Fourth, Customs Administration of the Republic of Macedonia applies customs risk management approach (as shown by the indicator on selective control on customs declarations in MCA) while conducting customs operations. But still Macedonian customs face challenge to balance border security threats and trade facilitation. Customs and other border security and management agencies should work along together in fulfillment of its security roll.

References:

1. MCA: Reports on the Activities of the Customs Administration of the Republic of Macedonia – 2010–2015, Macedonian Customs Administration, Skopje.
2. MCA: Guidelines on selective controls of customs operations, Macedonian Customs Administration, Skopje, – 2015.
3. European Commission (EC): European working program, – 2005.
4. European Commission (EC): Authorised Economic Operators Guidelines [pdf]. DG Taxation and Customs Union, – 2007. Retrieved from URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/resources/documents/customs/policy_issues/customs_security/aeo_guidelines_en.pdf.

Section 4. International law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-21-25>

*Kurashvili Avtandil Yurievich,
PJSC "Power machines — ZTL, LMZ,
Electrosila, Energomachexport",
Senior Counsel of Legal department PhD in Law
E-mail: avtand-reserv@yandex.ru*

Full powers of the head of Russian diplomatic mission in the conclusion of international treaties

Abstract: the article deals with full powers of the head of Russian diplomatic mission in the conclusion of international treaties with state to which he is accredited. The author researched conventional provisions and domestic legislation on the claimed issue, revealed regularities and contradictions. The publication may be of interest to persons engaged in the law of treaties as whole and procedures for the conclusion of international treaties in particular.

Keywords: international treaties, full powers, ambassador, diplomatic mission, conclusion of treaties.

*Курашвили Автандил Юрьевич,
ПАО «Силловые машины — ЗТЛ,
ЛМЗ, Электросила, Энергомашэкспорт»,
Главный юрисконсульт Дирекции по юридическим вопросам,
кандидат юридических наук,
E-mail: avtand-reserv@yandex.ru*

Полномочия главы дипломатического представительства Российской Федерации по заключению международных договоров

Аннотация: в статье рассматриваются полномочия главы дипломатического представительства РФ по заключению международных договоров со страной пребывания. Автор анализирует как конвенционные нормы, так и внутреннее законодательство по заявленному вопросу, выявляются закономерности и противоречия. Статья может представлять интерес для лиц, занимающихся правом международных договоров в целом и процедурой заключения международных договоров в частности.

Ключевые слова: международные договоры, полномочия, посол, дипломатическое представительство, заключение договоров.

Глава дипломатического представительства является официальным лицом аккредитуемого государства, которое уполномочено представ-

лять интересы такого государства в государстве пребывания. В силу занимаемой должности глава дипломатического представительства также

является старшим должностным лицом своего государства в отношении всех других официальных представителей этого государства в государстве пребывания.

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года закрепила трехзвенную систему классов глав дипломатических представительств. Согласно статье 14 этой Конвенции главы дипломатических представительств подразделяются на следующие классы: 1) послов и нунциев, которые аккредитуются при главах государств; 2) посланников и интернунциев, аккредитуемых при главах государств; 3) поверенных в делах, аккредитуемых при министрах иностранных дел. Несмотря на установленный ранжир, различия в классе глав дипломатических представительств не должны проявляться иначе, чем в отношении старшинства и этикета [1].

Должность временного поверенного в делах не следует путать с классом поверенных в делах, так как временно поверенный в делах исполняет обязанности главы дипломатического представительства на период его отсутствия.

Для выполнения своих должностных обязанностей глава дипломатического представительства наделяется определенным набором функций, который нашел свое конвенционное и национально-правовое закрепление. Целью данной статьи является изучение полномочий глав дипломатических представительств Российской Федерации по заключению международных договоров с государством пребывания.

В соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях представительство своего государства в государстве пребывания является главной функцией посольства в лице его руководителя. Именно в рамках этого в статье 3 определяются остальные функции, заключающиеся в ведении переговоров с правительством страны пребывания, в защите интересов своих граждан и юридических лиц, выяснение всеми законными средствами условий и событий в стране пребывания и доведение информации до сведения своего правительства, а также поощрение дружественных отношений с государством пребывания, развитие с ним сотрудничества в области экономики, культуры, науки [1].

В силу рассматриваемой нами тематики необходимо отдельно выделить функцию ведения переговоров с правительством страны пребывания, так как она является базовой процессуальной функцией, характеризующей способ осуществления дипломатических полномочий. В широком понимании такая функция подразумевает дипломатическое общение представителя аккредитующего государства с соответствующими властями государства пребывания. А в узком понимании — ведение переговоров по заключению международных договоров или иных соглашений. Так как функция ведения переговоров напрямую выводится из общей функции представительства, переговоры, не связанные с заключением международных договоров, глава дипломатического представительства может вести без предоставления разовых полномочий, в силу того, что ранее им была вручена верительная грамота представителю государства пребывания.

Полномочия главы дипломатического представительства закреплены также в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. В соответствии с пунктом 2 статьи 7, главы дипломатических представительств в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство в целях принятия текста договора между аккредитующим государством и государством, при котором они аккредитованы [2]. К сожалению, статья 7 Конвенции, посвященная полномочиям, ничего не говорит о необходимости предъявления полномочий на такую стадию заключения международного договора как ведение переговоров. Ведение переговоров и принятие текста договора являются самостоятельными стадиями заключения международного договора и их нельзя отождествлять.

Составители Конвенции осознано изъяли упоминание о ведении переговоров из статьи, посвященной полномочиям, несмотря на то, что представители Венгрии и Польши требовали указать, по их мнению, существенную стадию ведения переговоров для большей точности и в соответствии с уже согласованной терминологией в статье 2 Конвенции [3, 70]. Все же делегатами конференции было решено не принимать дан-

ные поправки, дабы не ограничивать свободу дипломатии [3, 186], так как слишком формализованная переговорная стадия может осложнить достижение окончательного и приемлемого для сторон результата.

При рассмотрении вопроса о полномочиях представляется важным произвести разделение узкого понятия «ведение переговоров» как стадии заключения международных договоров согласно Венской конвенции о праве международных договоров от более широкого понятия «ведение переговоров» как функции главы дипломатического представительства в рамках Венской конвенции о дипломатических сношениях.

На переговорах в узком смысле этого термина участники определяют возможный предмет договора, основные его параметры, сферу применения и все то, что стороны желают зафиксировать на бумаге при последующей подготовке текста. Данная стадия заключения международного договора является одной из ключевых стадий в процессе формирования международного договора.

Ведение переговоров в широком понимании может быть связано с заключением международных договоров, а может касаться и других вопросов (политических, организационных, культурных и пр.), которые не приводят к заключению международного договора, но обсуждение которых вполне укладывается в выполнение переговорной функции в рамках Венской конвенции о дипломатических сношениях.

Рассматривая Венскую конвенцию о праве международных договоров необходимо также разграничить термин «принятие текста договора» от термина «принятие договора». В первом случае после проработки содержания международного договора, его структуры, понятийного аппарата и других важных аспектов будущего акта, главы дипломатических представительств аккредитуемых государств, участвующие в переговорах, принимают только сам текст договора, но не выражают согласие аккредитуемых государств на обязательность для них договорных положений.

Принятие же обязательств возможными участниками международного договора, происходит на последующих стадиях процесса заключения договора. Стадия принятия международного

договора, как одного из способов, при помощи которых государства выражают согласие на обязательность такого договора, предусматривается после принятия текста договора.

Основными законодательными актами в Российской Федерации, определяющими полномочия главы дипломатического представительства РФ по заключению международных договоров, являются федеральные законы «О международных договорах Российской Федерации» и «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)».

Положения пункта 4 статьи 12 закона «О международных договорах Российской Федерации», посвященные рассматриваемым нами полномочиям, установили, что глава дипломатического представительства Российской Федерации в иностранном государстве вправе вести переговоры в целях принятия текста международного договора между Российской Федерацией и государством пребывания без предъявления полномочий [5].

В связи со сказанным, обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых, в законе фактически объединены две самостоятельные стадии: ведение переговоров и принятие текста; во-вторых, наличествует определенное противоречие с Конвенцией о праве международных договоров, согласно которой, как было сказано выше, полномочия не требуются только на принятие текста международного договора.

Федеральный закон о послах и представителях Российской Федерации в статьях 5–8 значительно расширяет и дополняет функции послов и представителей государства за рубежом [6].

Одними из обязанностей Посла РФ согласно части 3 статьи 5 являются: участие в подготовке проектов международных договоров с государством пребывания, предложений о заключении, выполнении, прекращении и приостановлении действия международных договоров, осуществление контроля за выполнением двусторонних международных договоров с государством пребывания, а также многосторонних международ-

ных договоров в части отношений Российской Федерации с государством пребывания; подписание международных договоров [6].

Ни статья 7 Венской конвенции о праве международных договоров, ни статья 12 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» не наделяет главу дипломатического представительства правом подписывать международные договоры без предъявления специальных полномочий. Глава дипломатического представительства *ex officio* и на основании Федерального закона «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации...», как нами уже говорилось, вправе подписывать международные договоры. Однако отметим, что на осуществление подобных мероприятий главе дипломатического представительства необходимо получить специальные полномочия, оформленные МИДом РФ, так как поименованные в упомянутом законе права и обязанности не касаются полномочий на действие посла во вне при заключении международного договора, а только фиксируют его круг функциональных прав и обязанностей в соответствии с внутренним правом Российской Федерации. Подобный вывод можно сделать при системном и буквальном толковании Конвенции и норм двух российских законов.

Стоит отдельно сказать, что еще на стадии разработки Венской конвенции о праве международных договоров, участники конференции сошлись во мнении, что несмотря на закрепленную в статье 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях функцию дипломатического представительства по ведению переговоров с правительством страны пребывания, тем не менее, права глав дипломатических представительств по представлению своих государств на практике нельзя рассматривать расширительно, т. е. без получения полных полномочий, чтобы выразить согласие своего государства на обязательность международного договора. Соответственно, полномочия глав дипломатических представительств ограничиваются точкой принятия текста договора [4, 13].

Необходимость получения полномочий главой дипломатического представительства Российской Федерации на подписание международных догово-

ров, отмечалась рядом авторов, изучавших данную проблематику. Шлянцев Д. А. в своих комментариях к статье 12 закона «О международных договорах Российской Федерации» пишет, что «... глава дипломатического представительства представляет без соответствующих полномочий свое государство только при принятии текста договора, т. е. при одной из стадий его заключения. На окончательное подписание договора как выражение согласия на обязательность договора посол или глава представительства обязаны получить соответствующие полномочия» [7]. В комментарии к той же статье 12, подготовленном Н. А. Агешкиной, отмечено, что «для осуществления процедур, связанных с выражением согласия на обязательность международного договора путем принятия, подписания либо иным способом, главы дипломатических представительств и представительств при международных организациях должны получить специальные полномочия» [8]. С подобной позицией также солидарен в своих научных трудах И. И. Лукашук [9, 374].

Для того чтобы международный договор был действительным, данный договор должен являться правомерным как по способу заключения, так и по содержанию, объекту и целям. К тому же при заключении международного договора глава дипломатического представительства должен действовать точно на основании и в пределах полученных полномочий. В случае если лицом, заключающим договор, будут превышены полномочия, или такие полномочия будут отсутствовать вовсе, то согласно статье 8 Конвенции о праве международных договоров «акт... совершенный лицом, которое не может на основании статьи 7 (Конвенции) считаться уполномоченным представлять государство с этой целью, не имеет юридического значения, если он впоследствии не подтвержден данным государством».

К сожалению, российские законы аналогичное правило в себе не содержат и никак не развивают процедуру последующего одобрения.

В случае действий главы дипломатического представительства за пределами полномочий или без таковых, подтверждение является необходимым условием для последующего вступления международного договора в силу, хотя

нет четкого и формально закрепленного представления о механизме такого подтверждения и не определены органы его осуществляющие. Остается также дискуссионным вопрос, каким должно быть подобное подтверждение государств: явно выраженное или подразумеваемое. Большинство государств исходит из подразуме-

ваемого признания, так как оно отражает сложившуюся практику [3, 80]. Подобный подход исключает лишний формализм, который может навредить действительности договора, и побуждает государства добросовестно следовать одному из главных принципов международного права *pacta sunt servanda*.

Список литературы:

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 29.04.1964 г. – № 18.
2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 10.09.1986 г. – № 37.
3. United Nations Conference on the Law of Treaties. 1st Session. Official Records. – New York. – 1969. – 531 с.
4. United Nations Conference on the Law of Treaties. 1st and 2nd Sessions. Official Records. Documents of the Conference. – New York. – 1971. – 315 с.
5. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.95 – № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.07.1995. – № 29.
6. Федеральный закон «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» от 23.06.2016. – № 186-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 27.06.2016. – № 26.
7. Шлянцев Д. А. Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» (постатейный) / Информационно-правовая система «Консультант+».
8. Агешкина Н. А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 15 июля – 1995 г. – № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» / Информационно-правовая система «Консультант+».
9. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, – 2004. – Том 1. – 672 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-25-32>

*Lytvynenko Victor Ivanovich,
Interregional Academy of Personnel Management, Kiev
Doctor of Law,
Director of Prince Volodymyr the Great Institute of Law
E-mail: bakhov06@mail.ru*

International legal aspects of corruption eradication

Abstract: The article is concerned with studying the existing international legal anticorruption system. The author analyzes the universal-level international legal acts aimed at rooting out corruption, identified legal aspects of fighting corruption at the level of the European region and the world at large. Special attention is paid to the first Global Anti-Corruption Summit held in London in May 2016.

Keywords: corruption, anti-corruption activities, convention, and anticorruption measures.

Articulation of the problem in general terms.

At this time, the problem of corruption takes on global significance, appreciably hinders economic growth of states, has a pernicious effect virtually on all spheres of societal life and has a particularly negative impact on the level of enforcement of both civil and political and socioeconomic rights of individuals. Such domestic and foreign scholars as O. S. Badalova, V. D. Hvozdetzkyi, T. V. Ilyenok, M. I. Karpenko, T. V. Kuznetsova, M. I. Marych, O. M. Yurchenko, O. D. Yaroshenko, N. Svenson, N. Rogers, I. S. Bakhov, M. F. Holovaty, and others have given consideration in their works to issues of fighting corruption at both the national and international levels. However, the deplorably high level of corruption in many states of the world, including in our state, as well as the complex and integrated nature of the problem of corruption eradication determine the relevance of further thorough scholarly studies in this area.

The **purpose** of this scientific paper consists in comprehensive analysis of the international legal anticorruption system.

The **objectives** of this scientific paper include in the first place:

- analysis of the universal-level international legal acts meant to root out corruption;
- description of the legal aspects of fighting corruption at the level of a European region.

Presentation of the key findings

When analyzing the universal international legal anticorruption system, it is necessary to note that the basic premises in this area are reflected in the *United Nations Convention against Transnational Organized Crime* adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000 and ratified by our state (subject to reservations) in 2004. Thus, Articles 8 and 9 of the said Convention are aimed at ensuring criminalization of acts showing signs of corruption, as well as outlining a system of measures necessary to fight the said infamous crime. In particular, provision is made for the obligation duty of the state parties to the Convention to adopt legislative and other measures as may be necessary to establish the following acts as criminal offences:

- the solicitation or acceptance by a public official, directly or indirectly, of an undue advantage,

for the official himself or herself or another person or entity, in order that the official act or refrain from acting in the exercise of his or her official duties.

- the promise, offering or giving to a public official, directly or indirectly, of an undue advantage, for the official himself or herself or another person or entity, in order that the official act or refrain from acting in the exercise of his or her official duties.

At that, the category “public official” means, for the purposes of the Convention under study, a person who provides a public service as defined in the domestic law of the State Party in which the person in question performs such functions.

At the same time, in compliance with the requirements of the Convention, the states undertake to adopt legislative, administrative or other effective measures to promote integrity and to prevent, detect and punish the corruption of public officials. In particular, the said measures provide for ensuring effective action by competent authorities in the prevention, detection and punishment of the corruption..., including providing such authorities with adequate independence to deter the exertion of inappropriate influence on their actions [1].

Also, it should be noted that the *United Nations Convention against Corruption* signed on Ukraine’s behalf in 2003 in the United Mexican States in the city of Merida and ratified by our state in 2006 is one of the central universal-level international legal acts concerning fight against corruption. Consequently, our state undertook the imperative international legal obligations set forth in that Convention. Thus, the obligations in terms of corruption prevention policies and practices provide for the need to implement the following domestic measures:

- to develop and implement or maintain effective, coordinated anti-corruption policies that promote the participation of society and reflect the principles of the rule of law, proper management of public affairs and public property, integrity, transparency and accountability;
- to establish and promote effective practices aimed at the prevention of corruption;
- to periodically evaluate relevant legal instruments and administrative measures with a view to determining the adequacy to prevent and fight corruption;

- to collaborate with each other and with relevant international and regional organizations... That collaboration may include participation in international programs and projects aimed at the prevention of corruption.

The most important obligations of the State parties to the said Convention in the public sector provide for the need to adopt, maintain and strengthen systems for the recruitment, hiring, retention, promotion and retirement of civil servants that are based on such criteria as merit, equity and aptitude. In addition, to prevent corruption in the public sector the states undertook to ensure:

- development of adequate procedures for selection and training of individuals for public positions considered especially vulnerable to corruption and the rotation of such individuals to other positions;

- promotion of special education and training programs to enable them to meet the requirements for the correct, honorable and proper performance of public functions and to enhance their awareness of the risks of corruption inherent in the performance of their functions.

- promotion of adequate remuneration and equitable pay scales to individuals in the said positions, taking into account the level of economic development of the state party;

- promotion of integrity, honesty and responsibility among public officials, in accordance with the fundamental principles of the national legal system;

- introduction and application of codes or standards of conduct for the correct, honorable and proper performance of public functions.

- accountability of the state to society, in particular, enhancement of transparency in its public administration, including with regard to its organization, functioning and decision-making processes.

It should be noted that based on provisions of the said Convention a system of measures is provided for the state parties, implementation of which will facilitate prevention of corruption in the public sector. Measures to achieve these may include, inter alia:

- promoting cooperation between law enforcement agencies and relevant private entities;

- promoting the development of standards and procedures designed to safeguard the integrity of relevant private entities, including codes of conduct for

the correct, honorable and proper performance of the activities of business and all relevant professions, and for the promotion of the use of good commercial practices among businesses and in the contractual relations of businesses with the state;

- preventing the misuse of procedures regulating private entities, including procedures regarding subsidies and licenses granted by public authorities for commercial activities;

- ensuring that private entities have sufficient internal auditing controls to assist in preventing and detecting acts of corruption; and

- ensuring that the accounts and required financial statements of such private entities are subject to appropriate auditing and certification procedures.

It should be noted that the Convention under study gives individual attention to the need for criminalization by the states parties of such acts as bribery of national public officials, bribery of foreign public officials and officials of public international organizations, as well as embezzlement, misappropriation or other diversion of property by a public official [2].

Furthermore, it is important to note that the Declaration adopted at the 11th UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice held April 18–25, 2005 in Bangkok plays a significant role in development of the system of international cooperation for fight against crime in spite of the optional nature of its provisions. Particular provisions of the said Declaration are devoted to corruption eradication. Thus, pursuant to paragraph 24 of the Declaration, the rule of law in the state, as well as the proper management of public affairs and public property, is essential to the prevention and control of corruption. Besides, according to the Declaration, in order to curb corruption, it is necessary to promote a culture of integrity and accountability in both the public and the private sectors along with effective measures for its investigation and prosecution [3]. It is necessary to point out that the above provisions of the Declaration almost entirely correspond to the requirements of the *UN Convention against Corruption* and clarify them.

When studying the current system of measures, the world community applies to root out corruption at the universal level, it must be noted that on the initiative of British Prime Minister David

Cameron London hosted in May 2016 the first global Anti-Corruption Summit. Representatives of more than forty states of the world participated in it.

The summit is a chance to do something different, and better. It is probably the first summit of world leaders to be focused exclusively on tackling corruption. Most anti-corruption summits have failed in the past because the governments that turn up do not want them to work,” — Robert Barrington, Executive Director of the UK chapter of Transparency International, wrote as early as in January. — “The elephant in the room is that some governments are themselves seriously corrupt, and so — naturally — do not want global progress in reducing grand corruption” [4].

The summit shifted the focus on global corruption, turning the spotlight away from oligarchs and corrupt dictators and toward the rich countries, whose banks and real estate brokers were the benefactors of the stolen wealth of nations. “Tens of billions of dollars in stolen money — funds that could be used for education or building bridges in underdeveloped lands — instead are hidden in secret bank accounts of various countries, including our own,” — the Voice of America quotes U.S. Secretary of State John Kerry. — We are fighting a battle — all of us — for our states, for our countries, for our nation states. Corruption is as much of an enemy of our countries because it destroys nation states as some of the extremists we are fighting. The extremism we see in the world today comes in no small degree from the utter exasperation that people have with the sense that the system is rigged” [5].

The International Monetary Fund also did not sidestep the problem of corruption. As research results of this financial organization show, public sector corruption siphons 1.5 trillion to 2 trillion US dollars annually from the global economy. According to Managing Director of the International Monetary Fund Christine Lagarde, “corruption has a broader corrosive impact on society. It undermines trust in government and erodes the ethical standards of private citizens” [6].

Minister of Justice of Ukraine P.D. Petrenko led the Ukrainian delegation. Delegates of the participating states with the participation of the Managing Director of the International Monetary Fund,

President of the World Bank, and President of the international anti-corruption organization Transparency International discussed at the Summit key anti-corruption issues at the global level. Thus, the Summit participants agreed the basic anti-corruption principles, which provided for, in particular:

- intensification of data exchange among law enforcement agencies and banks of the states;
- provision of access to the registers of beneficiaries of companies; and;
- visa denial if there is reasonable suspicion of corruption.

It is significant that our state adhered to the Communique of the Global Anti-Corruption Summit and undertook to implement its provisions and pursue priority moves to fight corruption articulated at the Summit for implementation of a new Anti-Corruption Strategy and Action Plan to be adopted in 2017. Having supported the above-mentioned Communique, our state undertook to provide the following anti-corruption measures involving public authorities, primarily the State Fiscal Service:

- implementation of FATF’s global standards to combat money laundering;
- ensuring accurate beneficial ownership information;
- cutting down opportunities for corruption in high-risk areas; and
- establishing and maintaining cooperation with other countries, international organizations and civil society in implementation of international standards of anti-corruption activities [7].

The foregoing UN regulatory enactments play a significant role in the development of common European criminal legislation in the sphere of anti-corruption efforts, which is quite often mentioned in the preambles to regulatory enactments of the UN and Council of Europe. When adopting appropriate documents, these international organizations take into account the standards set by UN criminal legislation occasionally somewhat raising or specifying them.

The Criminal Law Convention on Corruption of 1999 and Additional Protocol to it of 2003, Civil Law Convention on Corruption of 1999 are among the most important acts of the Council of Europe in the fighting corruption area. Ukraine ratified these international acts in 2006.

The Criminal Law Convention on Corruption of 1999 does not give a general definition of the term “corruption” and thus the concept of “corruption” is considered for the purposes of this document based on domestic legislation of the States Parties.

The Convention refers to corruption and requires criminalization of such illegal acts as active (art. 2) and passive (art. 3) bribery of domestic public officials, bribery of members of domestic public assemblies (art. 4), bribery of foreign public officials (art. 5), bribery of members of foreign public assemblies (art. 6), active (art. 7) and passive (art. 8) bribery in the private sector, bribery of officials of international organizations (art. 9), bribery of members of international parliamentary assemblies (art. 10), bribery of judges and officials on international courts (art. 11), trading in influence (art. 12), money laundering of proceeds from corruption offences (art. 13), account offences (art. 14), and participatory acts (art. 15). It should be added that the Convention enables the states parties to reserve the right not to establish as a criminal offence, in part or in whole, the conduct referred to in Articles 4, 6 to 8, 10 and 12 or that involving bribe-taking and defined in Article 5 [8].

Like the UN Convention of 2003, this document provides for corporate liability (art. 18)

Under the Convention, the states parties shall be bound to:

- provide proportionate, effective and dissuasive sanctions and measures, including, when committed by natural persons, penalties involving deprivation of liberty which can give rise to extradition;
- ensure that legal persons held liable in accordance with provisions of the Convention shall be subject to effective, proportionate and dissuasive criminal or non-criminal sanctions, including monetary sanctions;
- adopt such measures as may be necessary to ensure that persons or entities are specialized in the fight against corruption. They shall have the necessary independence while the staff of such entities shall have adequate training and financial resources for their tasks;
- adopt such measures as may be necessary to ensure that public authorities, as well as any public official, cooperate, in accordance with national law,

with those of a state’s authorities responsible for investigating and prosecuting criminal offences;

- adopt such measures as may be necessary to provide effective and appropriate protection for those who cooperate with the investigating or prosecuting authorities and witnesses.

The Group of States against Corruption (GRECO) shall monitor the implementation of the Convention by the Parties. The evaluation procedures conducted by GRECO are set forth in its Statute.

This document stipulates that the signatories to the Convention shall promptly cooperate with each other, in accordance with the provisions of relevant international instruments on international cooperation in criminal matters, or arrangements agreed on the basis of uniform or reciprocal legislation. If Parties are not signatories to international instruments on international cooperation in criminal matters, the Convention provides for an appropriate mechanism for cooperation to investigate and prosecute of criminal offences mentioned in the Convention. For that end, the document contains general conditions of mutual assistance, extradition, provision of information by mutual initiative, designation of a central authority (or, if appropriate, several central authorities) responsible for sending and answering requests and the execution of such requests.

The Additional Protocol (2003) to the Criminal Law Convention on Corruption of 1999 provides for establishing as criminal offences giving and receipt of bribe by arbitrators and bribery of jurors [9].

The Civil Law Convention on Corruption of 1999 is aimed at enabling persons who have suffered damage as a result of acts of corruption to defend their rights and interests, including the possibility of obtaining compensation for damage.

The document gives a general definition of the term “corruption,” however, only for the purpose of this Convention.

In accordance with the Convention, each party undertook to:

- provide in its internal law for persons who have suffered damage as a result of corruption to have the right to initiate an action in order to obtain full compensation for such damage (material damage, loss of profits and non-pecuniary loss);

- provide in its internal law for such conditions to be fulfilled in order for the damage to be compensated as: the defendant has committed or authorized the act of corruption, or failed to take reasonable steps to prevent the act of corruption; the plaintiff has suffered damage; and there is a causal link between the act of corruption and the damage;
- provide in its internal law for appropriate procedures for persons who have suffered damage as a result of an act of corruption by its public officials in the exercise of their functions to claim for compensation from the state or, in the case of a non-state party, from the party's appropriate authorities;
- provide in its internal law for appropriate protection against any unjustified sanction for employees who have reasonable grounds to suspect corruption and who report in good faith their suspicion to responsible persons or authorities;
- provide in its internal law for effective procedures for the acquisition of evidence in civil proceedings arising from an act of corruption; and
- cooperate effectively in matters relating to civil proceedings in cases of corruption.

The Convention provides for the recovery of damages to be subject to a limitation period of no less than 3 years from the day of the person who has suffered damage became aware or should reasonably have been aware, that damage has occurred or that an act of corruption has taken place, and of the identity of the responsible person. However, such proceedings shall not be commenced after the end of a limitation period of no less than 10 from the date of the act of corruption [10].

The Group of States against Corruption (GRECO) is charged with monitoring the parties' implementation of the Convention.

The Convention on the Protection of the European Communities' Financial Interests of 1995 and Additional Protocol № 1 to it, Convention against Corruption Involving Officials of the European Communities or Officials of Member States of the European Union of 1997, and Framework Decision on Combating Corruption in the Private Sector of 2002 stand distinctive among the EU documents in this sphere.

The Convention on the Protection of the European Communities' Financial Interests of 1995 defines corruption as bribery (in the context of abuse of office).

The parties to the Convention undertook to:

- ensure that their criminal laws make the criminal offences provided for by the Convention punishable with effective, proportionate and dissuasive criminal penalties;
- establish jurisdiction of the national courts with reference to law of the state where a suspect (accused) resides or whose national he is;
- ensure prosecution and indictment of their own nationals in case of refusal of extradition.

Article 3 outlines the issues relating to criminal liability of heads of businesses [11].

The Protocol № 1 (96/C313/0127 1997) defines the concept of punishable corruption and grounds of liability for corruption, as well as provides for harmonized sanctions for this offence. Article 2 gives definitions of two types of corruption — passive and active. Acts of corruption may be committed by officials employed by the European Communities (now — European Union) or by member states (which means national officials of the member states participating in allocation of the EU's funds). Members of bodies of the EU are not officials but are also treated as those running the corruption risk (in this case, they are equaled to officials of relevant authorities of member states).

The general rule is that corruption cases are subject to consideration at the place of crime, and the EU member states may extend operation of their national criminal laws to acts of corruption of their nationals committed within the EU territory [12].

Punishment for the said offences, in addition to other measures, must include deprivation of liberty.

The scope of the Convention against Corruption Involving Officials of the European Communities or Officials of Member States of the European Union of 1997 is broader than that of the Protocol № 1 to the Convention on the Protection of the European Communities' Financial Interests of 1995. It included in the concept of European corruption those acts that do damage not only to the Communities' (now –Union's) financial interests.

The terms in this Convention are mainly similar to those contained in the Protocol № 1 to the Convention of 1995. However, the Convention of 1997 extends the concept of corruption including into it a wide range of acts.

The primary importance of this Convention is that it provides for improving cooperation of the member countries in the fight against corruption and opens up new procedural opportunities for prosecution of offenders [13].

The Framework Decision on Combating Corruption in the Private Sector of 2002/246 articulates the concept of active and passive corruption in the private sector.

In accordance with this Framework Decision, the EU member states are bound to:

- take the necessary measures to ensure that active and passive corruption in the private sector, as well as instigating, aiding and abetting such acts constitute a criminal offence;
- take the necessary measures to ensure that such offences are punishable by effective, proportionate and dissuasive criminal penalties;
- take the necessary measures to ensure that such acts are punishable by a penalty of maximum of at least one to three years of imprisonment;
- take the necessary measures to ensure that legal persons can be held liable;
- take the necessary measures to ensure that a legal person held liable for offences as specified in this document is punishable by effective, proportionate and dissuasive penalties, which include criminal and administrative fines and may include other penalties as set forth in the document.

The Framework Decision leaves the EU member countries the possibility of certain departures from its provisions in the area of establishing national jurisdiction with respect to acts of corruption in the private sector [14].

Conclusions

Common European criminal law, including in the sphere of combatting corruption, follows the path of harmonization rather than unification of national laws, more precisely — that of “minimum harmonization.” The mixed nature of regulation of fighting corruption in the EU and CE, on the one hand, creates a legal framework for combatting this type of offenses. On the other hand, it facilitates shaping same criminal policies in this sphere in the member states.

Consequently, based on the foregoing, it is possible to note availability of a sizable regulatory collection of international legal acts concerning corruption eradication at the universal level. It should be noted, however, that the provisions of the UN international legal acts related to the issue under study are set out rather in a generalized sense, which makes it possible to clarify and amplify them at the regional level and at the level of domestic laws of the member states. At the same time, separation of business from politics and political will of the highest-ranking civil servants constitute a prerequisite for effective implementation of the above studied universal and regional international legal acts at the national level.

References:

1. Against Transnational Organized Crime. United Nations Convention of 15.11.2000//Official Bulletin of Ukraine of 19.04.2006. – No 14, – P. 340.
2. Against Corruption. United Nations Convention of 31.10.2003//Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine (OBVR), – 2007, – No 49.
3. On Crime Prevention and Criminal Justice. United Nations Declaration of 25.04.2005. – [Electronic resource]. Access mode: URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_e87
4. World Leaders Pledge to Tackle Corruption at London Summit – as it happened. By Jessica Elgot 12 May 2016 16:16 PM [Electronic resource]//Website of The Guardian newspaper. – Access mode: URL: <http://www.theguardian.com/politics/live/2016/may/12/david-cameron-london-anti-corruption-summit-live>
5. US, Britain Share Blame for ‘Pandemic’ Corruption at London Summit. May 12, 2016 10:06 PM [Electronic resource]//Website of the Voice of America. – Access mode: URL: <http://www.voanews.com/a/kerry-could-face-barbs-anti-corruption-summit/3326360.html>
6. IMF: Global Corruption Costs Trillions in Bribes, Lost Growth. May 11, – 2016 [Electronic resource]//Website of Reuters agency. – Access mode: URL: <http://www.reuters.com/article/us-imf-corruption-idUSKCN0Y22B7>

7. Ukraine acceded to the Anti-Corruption Summit Communique in London. [Electronic resource]. Access mode: ua.censor.net.ua/news/388193/ukrayina_pryyednalasya_do_deklaratsiyi_
8. Criminal Law Convention on Corruption of – 1999//The Official Bulletin of Ukraine of 15.03.2006–2006, – No 9, – P. 252.
9. Additional Protocol – No 1 of – 2003 to the Criminal Law Convention on Corruption of – 2003//Official Bulletin of Ukraine of 12.03.2010–2010, – No 15/ – No 44, – 2006, – art. 2940/ – P. 54.
10. Civil Law Convention on Corruption of – 1999//Official Bulletin of Ukraine of 15.03.2006. – No 9, – P. 252.
11. Convention on the Protection of the European Communities' Financial Interests of – 1995. – [Electronic resource]. Access mode: URL://<http://old.minjust.gou.ua>>file.
12. Protocol to the Convention on the Protection of the European Communities' Financial Interests of – 1995. – [Electronic resource]. Access mode: URL://<http://old.minjust.gou.ua>>file.
13. Convention against Corruption Involving Officials of the European Communities or Officials of Member States of the European Union of – 1997. – [Electronic resource]. Access mode: URL://http://eu-law/edu.ru/documents/legislation/law_defence.htm.
14. Framework Decision on Combating Corruption in the Private Sector of – 2002//Journal Officiel de l'Union Européenne L 192 du 31.7.2003, – P. 54.
15. Bakhov I. S. Multicultural education of the U. S. in fundamental legislative acts. World Applied Sciences Journal, – No 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication): – 2013. – 28–31.
16. Holovatyi M. The state and society: The conceptual foundations and social interaction in the context of formation and functioning of states. Economic Annals-XXI, – 2015. – 9–10, – 4–8.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-32-36>

Matej Savić,

Docent Dr. Sci., professor of International Law,

University of Banja Luka, Faculty of Political Sciences,

E-mail: m.savic@fpnbl.org

Contemporary issues of legal personality in international law. Factual and normative problems

Abstract: In this paper, the author deals with current theoretical issues of international legal personality. Special attention is paid to the growing conflict between the factual and normative dimensions of general legal capacity of subjects of international law. Contemporary trends and respective theoretical concepts are analyzed, especially regarding actual processes and challenges that are imposed in the definition of legal personality in international law.

Keywords: legal personality, international law, entity, legal capacity, legal capabilities, states, international organizations, rights and duties (obligations).

1. General definition of legal personality in international law.

Legal personality in international law (international legal personality) is in many ways a specific notion; it is certainly conditioned by the nature of international law, which is differing substantially from the municipal law. This is due to the fact that international law regulates the relations that take place

on the international scene and they are different from what is happening within the national borders [1, 68]. In order to define legal personality in international law, we must analyze diverse entities and their rights and duties, legal capacity in general and requirements that arise in international legal relations. "In municipal law individuals, limited companies and public corporations are recognized as each

possessing a distinct legal personality, the terms of which are circumscribed by the relevant legislation” [2, 12] as highlights N. M. Shaw “it is the law which will determine the scope and nature of personality. Personality involves the examination of certain concepts within the law such as status, capacity, competence, as well as the nature and extent of particular rights and duties.” [3, 142] and international law in specific ways defines the scope and the nature of international legal personality.

Accordingly, legal personality in international law, in addition to the general legal capacity should be amended, first with the broad framework of special capabilities, and second with the factual or social (more precisely, political) dimension, which indirectly influences the formation and recognition of legal entities, whether they exist simultaneously in the municipal (national) and international, or only in the international law. This is the only way we can fully capture and determine the nature, form and scope of legal personality in international law. True, this substantial segment has much less importance within a particular state, simply because of the nature of the state legal system, which is hierarchical, precisely defined and formal, according to the established principle of legality. For this reason in legal theory this segment does not take into account the process of defining subjects of municipal law, and legal personality in it.

On the other hand, in the international legal order, which does not recognize a hierarchy of norms and legal acts, its factual component has a much greater role in terms of determining the legal relationship *a priori lege*, and then in terms of recognition or non-recognition of specific legal capacity of certain entities. This means that the personality in international law unites direct participation of entities with a particular form of acceptance (international legitimating). These two categories are set abstract essence of the complexity of legal personality in international law. Simply, international law does not recognize *jus imperii* in the sense in which the state founds its order of authority and enters into public law relationships. Participation implies the ability to enter into international legal relations and combines legal and contractual capacity of subjects, while recognition on the other hand, implies a certain kind

of legitimacy within the international community. International law is in the first place (in general) public law, because within the international legal order *jus imperii* is a principle, the principle of sovereign equality of states. [4, 2] It is a general right on which the states identify themselves as formally equal in international law.

The specific equations, purely statist (*d'étatisme*) represent the legacy of classical international (inter-state) law and it could be only valid until the establishment of international organizations and foundation of their personality in international law. For the last two centuries international law has evolved from *Classical to Modern international law* until the beginning of major changes at the end of 20th century and *Contemporary tendencies* of development that is still ongoing [5, 174]. Coordination between the states and practice of international organizations has built modern international law in 20th century. In this period specific transnational actors appeared in international relations. If we take into account the phenomenon of globalization, which annulled the borders primarily in the field of social communications and private spheres, we can notice that there is a need for, if not to create new formula, then to upgrade to this, states-voluntary set formula. This primarily shifted the border in terms of understanding of the international legal order in general, which naturally restricts the definition of international legal personality. The question arises: which institution is competent to assess and give acceptance or rejection for the formal existence of legal personality in international law? The question is simple, but the answer is extremely complex, because at this point it raises the issue of competence and criteria by which one can determine the existence or non-existence of international legal personality of certain entities.

However, today in international legal relations we can find participating entities and organizations that do not operate according to the principle of sovereign equality. Contemporary international flows brought the proliferation of relations and diversification of entities that enter into international relationships, but also, they enabled the decomposition in terms of international recognition and legitimization. The result of this is that international law today identifies entities that are not uniformed by

legal standards — they are specifically legitimized, and are constituted and function under customary conditions. They occupy a special place in the international legal relations and take specific rights and duties which opens up new dilemmas in relation to the subjects of international law in general. Here we can see the omnipresent conflict between international law and politics. Many of international political subjects have a higher (informal) influence on international law than most of the existing internationally recognized states and international organizations. This may be an even greater problem because there are many purely political entities with great international legal influence without formalized legal personality in international law. The reality of contemporary international law is that there is a significant disparity between factual and normative elements of the international legal order. This is reflected on the legal personality in international law.

The determination of this disparity is specific because the international legal order has a very complex structure, whereby it is characterized by a remarkable dynamism. With all its shortcomings (which, unfortunately, often affect the essence), the international legal order is complementary to municipal legal systems. In this embodiment, the states still retain their autonomy and represent the primary subjects of international law. They have general legal capacity [6, 11]. In this sense, subjects of international law are all entities (persons) that possess general legal capacity in international legal order — have the rights and duties in international legal relations. The status of subjects of international law is further complicated, especially if we take into account the relationship of municipal and international law. Thus, all subjects can be divided into states, subjects in the states (natural and juridical persons) and entities outside the state (other states, international organizations, etc.). Such subjects can be defined as internal entities of municipal law, subjects of international law, and they can be both — subjects of municipal and international law [7, 68].

2. Legal capacity and subjects of international law

Subjects of international law, as we have said are all persons (primarily juridical, but exceptionally natural) that can be holders of rights and duties in international legal relations. In the first place

those are the states and international organizations. However, apart from these two categories there are other specific subjects of international law. There are also significant differences in terms of legal personality of international organizations that determine various forms of their legal status in international law. All this confirms the fact that the notion of a subject of international law is certainly a dynamic and multifaceted particularly with regard to the rule of law in the international legal order.

As we mentioned earlier, entities that have the capacity to be the holders of certain rights and duties in the international legal relations can be considered as subjects of international law. On that basis they obtain legal personality in international law. Usually, this capacity is determined by four specific capabilities. These are: *Legal capability* — which means: enjoyment of rights, possessing the necessary capacities to fulfill the obligations arising from the principles and rules of international law, whereby a certain entity to be recognized as a subject of international law, a priori should possess; *Contract (business) capability* — is the capacity of acquiring and disposing rights, with the entity's ability of voluntary acceptance and necessary fulfillment of obligations in legal relationships involving; *Process capability* — which is reflected in the ability to launch and participate in the proceedings before the International Court of Justice and other international judicial bodies; *Violation (liability) capability* — which can be defined as the ability of calling to account a particular entity for violations of international rules [8, 11]. These four are considered to be general capabilities, they constitute legal capacity in international law and they are formally identical to the capabilities that define legal personality of subjects in municipal law. In the context of legal personality in international law states are the only legal entities that have general legal capacity. Beside states, other subjects of international law also have the capabilities to create particular rights and duties. But their legal capacity is specific and on the contrary of states their legal personality is not total [9, 69–73].

In addition to legal capacity in international law there are a large number of so-called special abilities, or capabilities that in theory of international law

are not uniquely determined. Some authors believe that these abilities are just the substantive or political component, and are dismissed as such, in terms of the general legal capacity in international law. On the other hand, there are authors that define these special abilities as additional elements of the legal or contractual capabilities of subjects. However, in the case of these special capabilities, it must be clarified whether or not they are additional capabilities to the general legal capacity.

In this regard, A. Magarašević points out that there are a number of "... additional capabilities, or rather, characteristics which determine legal personality in international law and that are unique only to the subjects of international law. This is for example, legal-creative capability, which includes the opportunity to participate in the creation, modification, or abrogation of rules of international law, as well as the ability or the right to send and receive diplomatic missions and specificity of diplomatic protection abroad" [10, 97]. Furthermore, when it comes to special features we can talk about the immunity of subjects of international law from national jurisdiction, as well as the judicial immunity in a broad sense, which implies that the subjects of international law in proceedings before any court can appear only on the basis of voluntariness, which is its special capability [11, 60]. Also, R. Portmann emphasizes the uniqueness of subjects of international law regarding the ability of creating international legal rules, but also the ability to limit the application of certain rules [12, 8, 69, 231–312]. These capabilities being additional elements of legal personality in international law, in the broadest sense, we can determine supplementary capabilities of subjects of international law which include: 1) active and passive legation right, i. e. the ability to send and receive diplomatic representatives; 2) the ability to participate in international conferences; 3) the ability to be a member of international organizations; 4) ability to lead a defensive war and to take coercive measures; 5) the ability of peaceful settlement of disputes, and participation in these processes; 6) the ability to enjoy immunity from foreign jurisdiction [13, 69].

3. *The conclusion*

In accordance with the previously mentioned, it can be concluded that the notion of subjects of international law is multifaceted, and certainly dynamic,

which is especially important in circumstances of contemporary challenges that are placed within the international legal order. In this connection, the subjects of international law — the entities that obtain full, or limited legal personality in international law, today can be classified under five general categories.

1) States, which undoubtedly constitute the primary subjects of international law and that in the contemporary world, have unique structural elements. States have exclusivity of sovereign equality and independence in international law;

2) State-like entities (quasi-states), which in the context of contemporary international law include: a) legal entities resembling states, as the entities that possess almost all the attributes of a sovereign state as well as partial legal capacity (and international recognition), although they have restricted legal personality in international law. Regarding their nature, historical circumstances, constitutive elements, status in international legal order, character of statehood and municipal authority, scope of legal personality in international law, today we can determine neoprotectorates as a contemporary form of legal entities resembling states; [14, 173–191] b) state-building entities that have yet to establish them self's as a (full) legal person in international law; they have very specific and limited legal personality in international law and c) dependent territories under international mandate, that have historically possessed elements of legal personality in international law and are today emerging in an another form. In the 21th century legal entities resembling states deserve special attention, because the practice shows us that in the years to come this will be a phenomenon that international law will often have to face with, although these entities have different forms, scope and legal capacity.

3) International organizations, as entities that are created by the states and which now represent both the formal international institutions based on the overall international coordination, and institutionalized frameworks of inter-state cooperation. Here we refer to international organizations of a public character, i. e. international institutions established by the states.

4) Transnational organizations and associations representing specific entities of international

law established by non-state actors. These entities occupy an increasingly important place in the international legal order — they have more and more influence on its fundamentals. In the first place as transnational organizations we can determine the international non-governmental organizations, without a specified international legal framework. However, they represent special subjects of international law. Non-governmental organizations are not homogeneous subjects of international law. Some are made up of a small number of members, for example: *Bilderberg Group* and the *Trilateral Commission*, others again are massive and fully transparent in their activities in order to exchange information or initiate a joint campaign, these are for example: *Transparency International* and *Human Rights Watch*. Some are professional and vocationally profiled, as FIFA, FIBA, IHF and others. There are significant differences between these organizations in the scope, objectives, and membership. [14, 173] The

heterogeneity of non-governmental organizations is the basic difficulty in finding a precise definition that would consolidate the quite sizable corpus of organizations as subjects of international law. In second place are multinational — transnational companies (enterprises, companies, corporations, etc.), whose role and importance are increasing. These companies are also known as global corporations.

5) An individual who is increasingly occurring as a direct holder of certain rights and obligations in international law. His legal capacity in international legal relations finds a basis in international law of human rights, while him on the other hand, can be called directly to the liability in accordance with the norms of international criminal law. Accordingly, the individual now has legal capacity, which, however, is largely limited. The broader scope of legal personality in international law is enjoyed by the individual terms of process, and violation (tortuous) capabilities.

References:

1. Krivokapić B., *Aktuelni problem međunarodnog prava*, Beograd, – 2011, – 68.
2. Dias R., *Jurisprudence*, 5th Edition, London, – 1985. – chapter 12.
3. Shaw M. N., *International law*, Cambridge University Press, – 2014, – 142.
4. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, No. 2625 (XXV), available at: URL: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm>, accessed on November – 2016. – 22,.
5. Savić M., *Međunarodno pravo na početku XXI vijeka – Teorijski pogled na savremenu doktrinu, procese i probleme međunarodnog pravnog poretka*, *Pravna riječ*, br. – 44/ – 2015, – Vol. XII.
6. Savić M., *Međunarodnopravni poredak i diplomatsko-konzularno pravo; razvojni put međudržavnih odnosa*, Comesgrafika, Banja Luka, – 2016, – 11.
7. Krivokapić B., *Aktuelni problem međunarodnog prava*, Beograd, – 2011, – 68.
8. Savić M., *Međunarodnopravni poredak i diplomatsko-konzularno pravo; razvojni put međudržavnih odnosa*, Comesgrafika, Banja Luka, – 2016, – 11.
9. Savić M., *Problemi državnopravnog subjektiviteta u savremenim izazovima međunarodnog prava*, doc. thesis, Faculty of Law, University of Banja Luka, – 2015, – 69–73.
10. Magarašević A., *Osnovi međunarodnog prava*, Novi Sad, – 1965, – 97.
11. Brownlie I., *Principles of Public International Law*, IV Edition, Oxford University Press, – 1990. – 60.
12. Portmann R., *Legal Personality in International Law*, Cambridge University Press, – 2010, – 8, 69, 231–312.
13. Krivokapić B., *Aktuelni problem međunarodnog prava*, Beograd, – 2011, – 69.
14. Savić M., *Bosna i Hercegovina – država ili neoprotektorat?*, *Zbornik radova: Dejtonski sporazum, dve decenije mira i pouke za svijet*, Beograd, – 2016, – 173–191.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-37-44>

Sarsembajew Marat Aldangorowitsch,

Dr. iur., Professor,

Wissenschaftlicher Hauptmitarbeiter von KG Bolashsak,

Stadt Astana, Kasachstan

E-mail: lazzat.nazarkulova@mail.ru, cgbolashsak@mail.ru

Erstellung. Der Datenbanken (Datenbanken) in Kasachstan, EAWU und EU. Für die Analyse der energetischen Probleme

Abstract: Im Artikel geht es um die Erstellung im Rahmen der Euroasiatischen Wirtschaftsunion der Datenbasis (Datenbanken) als Zentralstelle der Abgaben, mit Hilfe derer die energetisch-ökologischen Probleme in bestimmten Situationen analysiert und gelöst werden. Im Artikel werden die Empfehlungen in dieser Richtung begründet.

Keywords: Euroasiatische Wirtschaftsunion, Europäische Union, Datenbasis (Datenbank), Energetik, Ökologie, Informatisierung, informationsanalytisches System, Situationsanalyse-System

Unter Begriff „Datenbasis“ muss man die Gesamtheit der Materialien verstehen. Diese Materialien sind so systematisiert, um, wenn es erforderlich ist, diese leicht auszusuchen und durch die Datenverarbeitungsanlage, durch das Computer zu bearbeiten können. Was muss man unter „Materialien“ verstehen? Zu diesem Begriff gehören jeweilige offizielle, analytische Papiere: Dokumente von verschiedener Bedeutung und Sensibilität, wissenschaftliche Dokumente, wissenschaftliche angewandte Artikel von verschiedener Fachrichtung, Verwaltungs-, Ministeriums-, Departements-, Individualberichte, die sich nach der Zeit auf einmalige, monatliche, vierteljährliche, jährliche, periodische und andere Dokumente unterscheiden können. Wir möchten darauf hinweisen, dass verschiedene Datenbanken damit erstellt werden, um die große Anzahl der Dokumente von verschiedener Fachrichtung zu systematisieren und zu bewahren sowie beim Bedarf schnell auszusuchen und den Zugang zu jedem aus den gesammelten Dokumenten zu haben.

Bevor sich ins vorgeschlagene Thema des wissenschaftlichen Artikels zu hineinknien, muss man erst die Begriffe „Datenbank“ und „Datenbasis“ von der juristischen Sicht bestimmen. Es ist etwas wunderbarlich, dass es im Kasachischen Gesetz „Über Informatisierung“ vom 24. Januar 2015 keine Vermerke oder Definitionen gibt. Im Artikel 13 des Russischen Föderalen Gesetzes vom 14. Juli 2006 „Über Information, Informationstechnologien und Informati-

onsschutz“ gibt es nur ein Paar Vermerke über diese Begriffe. Nämlich in diesem Artikel geht es darum, dass „der Bediener des Informationssystems der Eigentümer der benutzten für die Bearbeitung der enthaltenden in den Datenbanken Information der technischen Mittel ist. Dieser Bediener benutzt rechtmäßig diese Bankdaten; oder die Person, mit welcher der Eigentümer den Vertrag über Verwendung des Informationssystems abgeschlossen hat.“ Weiter in diesem Artikel ist festgestellt, dass „die Rechte vom Eigentümer der Information, die sich in den Datenbanken des Informationssystems befindet, der Sicherungsbesetzung unabhängig von den Urheberrechten und anderen Rechten auf diese Datenbanken unterliegen.“

Die Würde des Gesetzes von der Republik Weißrussland vom 10. November 2008 „Über Information, Informatisierung und Informationsschutz“ im Rahmen des verhandelnden Themas besteht darin, dass dieser im Artikel 1 die Bestimmungen der Begriffe „Datenbasis“ und „Datenbank“ haben. In diesem Artikel ist festgestellt: „In vorliegendem Gesetz werden folgende Hauptbegriffe und ihre Definitionen angewandt: Datenbasis ist Gesamtheit der strukturierten und gegenseitig verbundenen Information, die nach den bestimmten Regeln auf den materiellen Trägern organisiert ist; Datenbank ist ein organisationstechnisches System, das aus einer oder mehreren Datenbanken und dem Steuerungssystem für diese Datenbanken besteht; Informationssystem

ist Gesamtheit der Datenbanken, Informationstechnologien und des Komplexes (der Komplexe) der programmtechnischen Mittel“.

Das Gesetz der Kirgisischen Republik vom 24. Januar 2002 „Über Informatisierung“ aufgrund des Artikels 2 führt die Definition dem Begriff „Informationsinfrastruktur“, die mit den „Datenbasen und Datenbanken“ verbunden ist: „Informationsstruktur (Infrastruktur der Informatisierung) ist Gesamtheit der Informationszentren, Datenbasen und Datenbanken, Kommunikationssysteme und Datenübermittlung, die Funktionalität des Informationsnetzes vom Staat sichern“. In diesem Artikel bestimmte der kirgisischen Gesetzgeber, dass die Datenbasis eine „integrierte Gesamtheit der Daten ist. Und diese Gesamtheit ist für die multifunktionelle Benutzung und Modifizierung bestimmt“. Und die Datenbank ist eine „Gesamtheit der Programm-, Informations- und technischen Mittel, die für die Zentralsammlung, Speicherung und Kollektivbenutzung der Daten über den bestimmten Gegenstand der Menschentätigkeit bestimmt sind, sowie die Daten selbst, die in Form der Dateien oder der nicht gegenseitig verbundenen Datenbasen gespeichert werden“.

Es sieht so aus, die weißrussischen und kirgisischen Gesetzgeber dafür versorgt haben, um eigenes Verstehen dieser zwei analysierten Begriffe zu deuten. Dies ist, meiner Meinung nach, eine richtige Behandlung. Dabei wäre es sachgerecht, möglicherweise die Definitionen der Begriffe „Datenbank“ und „Datenbasis“, welche die Gesetzgeber von Weißrussland und Kirgistan geben, zu verbinden. Auf dieser Grund könnte der Begriff „Datenbasis“ so aussehen: „Es ist Gesamtheit der der strukturierten und gegenseitig verbundenen Information, die nach den bestimmten Regeln auf den materiellen Trägern organisiert ist“. Die Bestimmung des Begriffs „Datenbank“ kann man folgenderweise formulieren: „Es ist ein organisationstechnisches System, eine Gesamtheit der Programm-, Informations- und technischen Mittel in Form einer oder mehreren Datenbasen und dem Steuerungssystem mit diesen Mitteln, die für die Zentralsammlung, Speicherung und Kollektivbenutzung der Daten über den bestimmten Gegenstand der Menschentätigkeit bezweckt sind“ in unserem Fall für energetische Tätigkeit. Nach meinem Dafürhalten können die Gesetzgeber von allen 5

Staaten der Euroasiatischen Wirtschaftsunion an die zugeführten Definitionen zwecks ihrer Belegung in den entsprechenden Artikeln eigener Gesetzgebung über die Information und Informatisierung nachdenken. Dies könnte gleichzeitig helfen, das Problem der Vereinheitlichung und Harmonisierung der gesetzgebenden Normen im Rahmen der gesamten eurasischen Integration zu lösen. Aufgrund der Zustimmung von allen Staaten-Mitglieder diese Behandlung könnten die Organe der Euroasiatischen Wirtschaftsunion, einschließlich der energetischen Organe, sich nach einheitlichen Behandlungen im ganzen wirtschaftlichen Raum der Union richten.

Außerdem ist es erwünscht, dass diese Begriffe in dem Gesetz über die Information jedes Staatsmitglieds der Integration nicht nur nicht erinnert, sondern im Text, so zu sagen, des energetischen Gesetzes in Form des einzelnen, selbstständigen Abschnitts angeführt werden. Und in diesem Abschnitt muss es um die Besonderheiten der Erstellung und das Funktionieren, die Details der Begriffe „Datenbasis“ und „Datenbank“ gehen. Es gibt einzigartiges Vorschriftenwerk, aufgrund dessen das Funktionieren der Datenbasen erfolgt. In der ersten Regel handelt es sich davon, dass die ganze Information in der Datenbasis nur auf dem logischen Niveau vorgestellt werden muss. Die zweite Regel besteht darin, dass es notwendig ist, den Zugang zu der gesammelten und sammelnden Information zu sichern. In der Datenbasis muss eigene Sprache sein. Mit dieser Sprache kann die Bearbeitung der Daten und Bestimmung dieser Daten durchgeführt werden. Und es ist die dritte Regel. Die Information in der Datenbasis muss immer erneuert, hinzugefügt, gelöscht werden. Diese prinzipielle Einstellung kann man als vierte Regel nennen. Die fünfte Regel der Information in der Datenbasis besteht darin, dass die unabhängigen physischen Daten, unabhängigen logischen Daten, sowie die Unabhängigkeit der Erweiterung gesichert werden müssen. Und diese Regeln können offiziell in den ersten Zeilen des Abschnitts über die Datenbasen und Datenbanken des entsprechenden Gesetzes ausgefertigt werden.

Aufgrund der Dargelegten ist es sachgerecht, im Gesetz der Republik Armenien vom 21. März 2001 „Über die Energetik“, im Gesetz Weißrusslands über die Elektroenergetik, das bald erlassen wird, im

Gesetz der Republik Kasachstan vom 9. Juli 2004 „Über die Elektroenergetik“, im Gesetz der Kirgisischen Republik vom 28. Januar 1997 „Über die Elektroenergetik“, im Gesetz der Russischen Föderation vom 26. März 2003 „Über die Elektroenergetik“ den selbstständigen Abschnitt über die informationsanalytischen Systeme in jeder Art der Elektroenergetik, der Nutzung von Bodenschätzen vorzusehen. In diesem Abschnitt müssen nicht nur die vorhandenen in den Texten Fragen, die zur Information gehören, gesammelt werden, sondern auch die Normen über die Besonderheiten der Informations- und analytischen Systeme, einschließlich der Besonderheiten der Sammlung und Benutzung der Information mittels der Datenbasen und -Banken im Energiebereich formuliert werden.

Es gibt große Zahl der Arten der Datenbasen, die sich von einander nach verschiedenen Kriterien unterscheiden. Wenn die Datenbasen nach dem Datenmodell klassifiziert werden, so können die Datenbasen auf folgende Klassen teilen: relationale, objektiv-relationale, funktionelle Datenbasen verteilt werden. Die relationale Datenbasis unterscheidet sich von anderen Datenbasen damit, dass diese die Tabellenorganisation hat. In dieser Tabelle nennt man die Zeile als Eintragung, die Spalte als Feld. Die Datenbasen kann man auf datenliefernde und aktenmäßige verteilen. Die datenliefernde Datenbasis enthält in sich die Kurzangaben über die Objekte, die in der Regel in eingestellten und streng bestimmten Format angegeben werden. In der aktenmäßigen Datenbasis ist viele Information, die als Text-, grafische und Lautinformation genannt werden kann, konzentriert.

Für Kasachstan und andere Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion ist es vorteilhaft. Bei der Ausarbeitung eigener Datenbasen die Datenbasen von Eurostat (Europäische Agentur für Statistik) für Energetik anzuwenden. Die Mitarbeiter von Eurostat bearbeiten die Angaben für Stromenergie, erhaltene Wärme (für Heizung), Rohstoffe, Rohöl, Erdölzeugnisse, Gas, Brennstoff in Form der festen Bodenschätze, Preise für Stromenergie, Export und Import der Stromenergie.

Wenn es um die Datenbasis geht, muss man etwas einige Wörter über das Informationssystem sagen. Dies sind eine Gesamtheit der Datenbasis

(Datenbasen) und alle Apparatprogrammismittel, die für die Speicherung, Änderung, Hinzufügung und Informationsrecherche für die Zusammenarbeit mit dem Benutzer bestimmt ist. Mit anderen Worten unterliegt der Begriff Datenbasis dem Begriff Informationssystem. Die Datenbasis ist eine organisierte Gesamtheit der Daten, die für die ständige Speicherung im Externcomputerspeicher zwecks seiner Anwendung, wenn es erforderlich ist, bestimmt wird. Abgesehen von den Forderungen des Artikels 38 des Gesetzes der Republik Kasachstan „Über Informatisierung“ vom 24. November 2015 muss das Ministerium für Staatsenergetik „zwecks der Automatisierung der staatlichen Funktionen und Erbringung der ausgehenden von denen staatlichen Dienstleistungen“ die Informationssysteme erstellen und entwickeln, mittels derer der Staat die übertragenen Funktionen wirklich ausübt. Mit den Problemen der Erstellung der Datenbasen, insgesamt der Informations-, informationsanalytischen Systeme im Rahmen des Ministeriums für Energetik der Republik Kasachstan sind seine folgende Abteilungen beschäftigt: Departement für Informationstechnologien und staatliche Dienstleistungen, gehörte zu ihm AG „Informationsanalytisches Zentrum für Erdöl und Erdgas“ und Staatliche Republikunternehmen „Informationsanalytisches Zentrum für Umwelt“.

Für die Lösung der Probleme der Datenbasen im Ministerium für Energetik der Republik Kasachstan wurde der Befehl vom 25. Januar 2016 über die Genehmigung der Liste der mit dem freien Zugang Daten über den Gasförderungsumfang, Erdölförderungsumfang, Gehalt der Stoffe in den Waren, die Arbeiten, Dienstleistungen der Erdöl- und Erdgasgesellschaften der Republik Kasachstan, Anzahl des Personals verschiedener Unterordnung und Qualifikation der Erdölgesellschaften der Republik erlassen. Diese Angaben müssen vierteljährlich vorgelegt werden. Nach der Verbindung der Datenbasen miteinander wurde vom Ministerium für Energetik der Republik Kasachstan das integrierte Informationssystem „Einheitliches staatliches Steuerungssystem für die Nutzung der Bodenschätze der Republik Kasachstan“ erstellt. Es wäre sachgerecht in Kasachstan, und in anderen Staaten-Mitgliedern der Euroasiatischen Wirtschaftsunion die informationsanalytischen Systeme für Energieeffektivität und

Energiesparen, für die Vorbeugung der technischen Katastrophen auf den energetischen Objekten, für die besten energetischen Technologien, andere Systeme, in deren die Datenbasen (-Banken) die Hauptrolle sowie die Rollen der Lösung verschiedener energetischen Probleme bei der Entstehung einer oder anderer Störungen, Explosion, des Feuers, der Leckage, nicht sanktionierten Aufnahme von Erdöl, Erdgas, Erdölzerzeugnisse gespielt hätte, zu erstellen.

Die Ministerien für Energetik der Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion könnten die Datenbasen erstellen und auf ihrer Grund die informationsanalytischen, situationsanalytischen Systeme gemäß den Forderungen der Norm „Informationstechnologien“ ISO (International Standards Organization) konstruieren. Im Prozess der Erstellung der Datenbasen könnten diese Ministerien sich nach diesen Eigenschaften der Information, wie Zugänglichkeit, Vertraulichkeit, Ganzheit, richten. Sie müssen die Datenbasen schrittweise erstellen: die Erstetappe könnte die Etappe der Einführung und des Betriebs sein, weiter nacheinander die Etappe der Überwachung, Etappe der Begleitung, Etappe der Verbesserung, Etappe der Analyse. Diese Arbeit muss aufgrund der Prinzipien der Gesetzmäßigkeit, des Unterbrechens, der wirtschaftlichen Begründung, Zusammenarbeit, Koordination, Komplexität erfolgen.

Bei der Erstellung der Datenbasen im energetischen Bereich müssen alle Arten der Werte berücksichtigt werden. Das bedeutet, nicht einfach die Werte zu sammeln, sondern auch diese zu analysieren und vorherzusehen. Die Analysemethoden in diesem Prozess müssen klassifiziert werden. Es ist erwünscht, sich in den Wesen der Analysemethoden im energetischen Bereich zu vertiefen. Zu den Werten der Datenbasen gehören verschiedene Ressourcen, Logistik, Investitionen, Innovationen, Finanz- und andere Werte. Und jeder von denen unterliegt der laufenden sowie strategischen Analyse. Die Organisation der Speicherung der Daten muss nicht chaotisch sein. Man muss diese organisieren, dazu passt die konzeptuelle Behandlung.

Die Datenbasis oder Datenbank als Kern des informationsanalytischen Systems, situationsanalytischen Systems ist ein Datenlager, in dem die Daten der bestimmten Richtung konzentriert sind. Hier werden wir den Datenlager oder Datenbasen als

Kern der Daten analysieren. Mit ihrer Hilfe könnten die energetischen Probleme abhängig von der Situation analysiert und gelöst werden. Diese Datenbasen oder Datenbanken müssen periodisch aufgrund der einheitlichen Behandlung zur Bezeichnung und Speicherung der Daten erneuert, für die Unterstützung der Verwaltungsforderung erstellt werden. Der Datenlager ist ein Medium der Sammlung der Daten, die für die Erfüllung der komplizierten analytischen Anfragen optimiert sind; und diese Anfragen werden vom Verwaltungspersonal gestellt. Dabei muss man darauf hinweisen, dass der Datenlager fähig ist, die entsprechenden, genug gleichen Operationsangaben automatisch zu konzentrieren. Diese Angaben werden miteinander abgestimmt, in einheitliches bestimmtes Gegenstandsformat verbindet, und als Wertmaterial für die Mitarbeiter der entsprechenden Abteilung vom Ministerium für Energetik geworden. Die elektronischen Datenbasen vom Ministerium für Energetik der Republik Kasachstan müssen nicht so zum Informations-, informationsanalytischen System gehören, sondern zum analytischen Informationssystem, welches als Computersystem vorgestellt ist. Dank dieses Systems kann man die Information erhalten, klassifizieren, bearbeiten und analysieren. Das informationsanalytische System sichert für das Ministerium für Energetik und seine Verbraucher den einheitlichen Informationsraum und gewährleistet, dass die erhaltene von seinen Datenbasen Information zugänglich auf allen Niveaus der Verwaltung und der Interessiertheit der Personen sein muss. Die vorgelegten Bestimmungen können rechtmäßig durch die Rechtsnormen der Artikel von den entsprechenden Gesetzen der Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion ausgefertigt werden.

Die analytische Information abhängig von den Situationen muss in den speziellen Datenbasen (Datenbanken), die zusammen das einzelne situationsanalytische System erstellen oder als Teil des gesamten informationsanalytischen Systems für die energetischen Fragen und Probleme sein können, akkumuliert werden. Die Situationsanalyse kann als Systemtätigkeit bestimmt werden. Diese Tätigkeit ist mit der Forschung sowohl des Innen-, als auch Außenmediums von verschiedenen Organisationen, Einrichtungen, Strukturen verbunden: Die

Ergebnisse der Situationsanalyse werden in den Dokumenten, z.B. für die strategische Planung, Geschäftspläne, Pläne der Marketingkommunikation fixiert. Der Prozess der Situationsanalyse besteht aus drei Stadien. Das erste Stadium erscheint in Form der Vorbereitung des entsprechenden Drehbuches der Situation, die unter Berücksichtigung der Innenstruktur und Außenverbindungen analysiert werden muss. Das zweite Stadium erhält seinen Ausdruck in Form des wesentlichen Umfangs von verschiedenen Experteneinschätzungen. Auf dem dritten Stadium wird das Schlusssdokument, in dem kritisch alle Einschätzungen, die auf dem zweiten Stadium gesammelt wurden, zusammengefasst. Die Situationsanalyse erfolgt von der Gruppe der Experten von 15-20 Personen, die diese Analyse in Form des Rundgesprächs und der Denkrunde durchführt. Diese Gruppe kann aus den Vertretern von verschiedenen Abteilungen des Ministeriums für Energetik bestehen. Abhängig von der Situation zu dieser Gruppe können die Vertreter von anderen Ministerien und Behörden gehören.

Wie soll die Sammlung der Information für die Durchführung der Situationsanalyse nach den energetischen Problemen sein? Erstens muss man die Liste der erforderlichen speziellen Literatur nicht nach den allgemeinen Fragen über Energetik, sondern nach den energetischen Problemen bilden. Und diese Literatur muss genau studiert werden. Wegen der entstehenden Fragen während des Studiums der Literatur und beim Praktikum des Betriebs auf den energetischen Unternehmen entsteht der Bedarf im Apparat des Ministeriums für Energetik an den Beratungen mit den Experten, Industriefachmännern, Professoren der Universitäten für Energetik, unabhängigen Beratern. Das Ministerium für Energetik kann die zusätzlichen Beratungen, beruflichen Antworten während der Geschäftsverhandlungen mit den Branchenassoziationen und Verbänden für Energetik bekommen. Die staatlichen Amtsträger im Rahmen ihrer Fachrichtung können die entsprechenden Beratungen für einige Probleme der Energetik zur Verfügung stellen, und die Beratungen nach anderen Problemen der Energetik erhalten. Viel spezielle Information nach den Problemen der Energetik kann in Internet auf den Webseiten recherchiert werden.

Die situationsanalytischen Zentren stoßen mit den außerordentlichen Situationen im Bereich der Elektroenergetik häufiger als andere Einrichtungen zusammen, deshalb können die mehr genaueren beruflichen Empfehlungen für die Lösung jener Probleme, die aussichtslos erscheinen können und der logischen Lösung nicht unterliegen, geben. Diese Zentren können ihre mit der technischen und praktischen Erfahrung Fachmänner für die reale und effektive Hilfsleistung am Ort schicken. Die Kollegen von anderen Kraftwerken, die mit gleichen Situationen zusammengestoßen haben und konnten sehr gut und geschickt, operativ ihre Folgen beseitigen, können auch sehr helfen. Und hier eben können wir sehr gut die Rechtsdokumentation, die zu den situationsanalytischen Zentren in Weißrussland und Russland gehört, kennenlernen, prüfen.

Die die Verordnung des Ministerrats der Republik Weißrussland vom 21. Juni 2016 ist die Konzeption über die Erstellung des Systems der Situationskrisenzentren in der Republik Weißrussland genehmigt. In dieser Konzeption ist eingeschrieben, dass in diesem Dokument „das Ziel, die Aufgaben, Prinzipien und Hauptmaßnahmen für die Erstellung des Systems der Situationskrisenzentren in der Republik Weißrussland“ bestimmt werden. Das Hauptziel dieses Zentrums ist die Erstellung des Netzes „der zusammenwirkenden Situationskrisenzentren“, die „die Vornahme der effektiven, zuverlässigen und rechtszeitigen Maßnahmen mit der Richtung auf die Vorbeugung und Beseitigung der Folgen der Nuklear- und Strahlungsunfälle auf allen Etappen des Betriebs des Weißrussischen Atomkraftwerks sichern könnten. Kasachstan, Armenien, Kirgistan als Staaten-Mitglieder der Euroasiatische Wirtschaftsunion könnten die russische und weißrussische Erfahrung hinsichtlich der Lösung akuten Krisensituationen im Bereich der Atomenergetik näher sehen. Man muss darauf achten, dass Weißrussland sorgt für die Sicherheit des Atomkraftwerks, das noch nicht fertig gebaut ist. Armenien, das das funktionierende Atomkraftwerk hat, Kasachstan, in dem 2 Atomkraftwerk nach dem Plan gebaut werden, Kirgistan als potentiales Baufeld für das Atomkraftwerk oder für andere nuklearen Objekte in Zukunft, könnten schon heute die juristische, organisatorische Erfahrung der Sicherheit im nuklear-energetischen Bereich für die Zusammenarbeit studieren.

Um die Aufgaben der Voraussage, Prophylaxe und Überwachung der Unfälle im Bereich der Elektroenergetik zu lösen, sowie die operative Zusammenarbeit zwischen der regionalen Dienststellen für die Sicherung der Stromversorgung, die auf dem Gebiet der Subjekte der Russischen Föderation funktionieren, dem Ministerium für Energetik der Russischen Föderation zu sichern, wurde das situationsanalytischen Zentrum in der Aktiengesellschaft „Systemoperator des Einheitlichen Energiesystems“ gegründet. Dieses Zentrum wurde aufgrund der Verordnung von der Regierung der Russischen Föderation vom 16. Februar 2008 gegründet. Kasachstan und andere Staaten-Mitglieder der der Euroasiatischen Wirtschaftsunion interessieren sich für die erfüllende Tag und Nacht Funktionen des behandelnden russischen situationsanalytischen Zentrum. Zu diesen Funktionen gehören die folgenden: Ausführung der Überwachung der technologischen Störungen im elektroenergetischen Bereich; operative Informierung des Ministeriums für Energetik über die Tatsachen der Störungen bei der Stromversorgung und im Laufe der Reparaturarbeiten auf den Gebiets der Störungen; Ausfertigung und Vorlegung ins Ministerium für Energetik der Situationsmaterialien über alle Tatsachen der Verletzung der Stromversorgung in den Subjekten der Russischen Föderation; operationsinformativ Zusammenarbeit des situationsanalytischen Zentrums für Elektroenergetik vom Ministerium für Energetik mit der Regierungskommission für die Sicherung der Stromversorgung, sowie mit den regionalen Dienststellen; organisatorische und technische Sicherung der Bereitstellung der Kommunikationsmittel für die Durchführung der Notsitzungen und Besprechungen der föderalen Dienststelle mit den regionalen Dienststellen.

Kasachstan, Armenien, Kirgistan könnten auf die Rechtsakte Russlands achten, wenn diese Akte zu den Fragen der Tätigkeit des situationsanalytischen Zentrums gehören. Und nämlich ist eine interessante Satzung der föderalen staatlichen Haushalts-einrichtung „Situationsanalytisches Zentrum vom Ministerium für Energetik Russlands“, welche durch den Befehl des Ministeriums für Energetik der Russischen Föderation vom 31. Mai 2012 genehmigt wurde. In der Satzung der gleichen Organisation könnte das Ministerium für Energetik der Republik

Kasachstan einschreiben, dass das Ministerium für Energetik als offizieller Gründer dieser Organisation austritt. Im russischen Dokument – in der Satzung ist eingeschrieben, dass die Ziele des Zentrums die Sicherung des Treffens „der Beschlüsse von der Leitung des Ministeriums für Energetik Russlands für die Steigerung der Sicherheit und Effektivität des Funktionierens der Objekte von dem Brennstoff- und Energiekomplex“ sind. Für das Erreichen dieses Ziels erfolgt das Zentrum folgende Tätigkeitsarten: „Sammlung, Bearbeitung, Verifikation, Systematisierung, Analyse, Speicherung und Aktualisierung“ der erforderlichen Information, Prognosearbeit der Bedrohungen der Entstehung und Entwicklung der problematischen, außerordentlichen Situation, Durchführung der Forschungen der Problemen bei der Entwicklung der Energiebranchen und des Energiepotentials, Vorbereitung der analytischen Berichte, Gutachten und Vorschläge für die Regelung der problematischen Situationen; Erbringung der Beratungsleistungen vom staatlichen Organ und von anderer interessierten Behörde, Teilnahme an der Organisierung und Durchführung der Schulungsmaßnahmen, Vorbereitung der erforderlichen Hilfsbücher und Informationsmaterialien. Diese Bestimmungen könnten zugrunde die Satzung des situationsanalytischen Zentrums der Republik Kasachstan und anderer Staaten-Mitglieder der eurasischen Integration legen.

Bei der Erstellung und des Betriebs der Datenbasen (Datenbanken) der Informationssysteme von den Ministerien für Energetik der Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion muss man auf das Funktionieren der internationalen Datenbasen für energetische Fragen achten. So führt der energetische Weltrat während schon 100 Jahre die führende und aktive Arbeit in der Energiebranche aus. Er achte auf die Meinung der Weltöffentlichkeit, begünstigt sie auf die Verwirklichung der aktiven Handlungen, die die feste und balancierte Versorgung mit der Energie der gesamten Weltgesellschaft unterstützt hätten. Zu diesem Rat gehören 3 000 staatliche und private Organisationen aus 100 Planetenstaaten. In ihrer einzigartigen internationalen Datenbasis befinden sich die prinzipiellen Kennwerte der Effektivität etwa für 40 000 Objekte. Die Einschätzungen der kommerziellen Werte, Übersicht

der Maßnahmen für die Steigerung der Effektivität der Energiebenutzung, die Daten für die Energieeffektivität könnten vorteilhaft für das Ministerium für Energetik Kasachstans und anderer Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion. Nicht weniger interessant für unsere Ministerien und Organe der Euroasiatischen Wirtschaftsunion für energetische Fragen könnte die erweiterten Datenbasen Enerdata sein. Diese Basis ist eine unabhängige Informationsberatungsgesellschaft, die seit dem Jahre 1991 funktioniert und sich auf die Fragen der Weltelektroenergetik, von Erdöl und Erdgas, Kohle, Märkte der regenerativen Energie spezialisiert. Diese Einrichtung erstellte die Informationsplattform, mittels derer die wirtschaftlichen, energetischen und ökologischen Probleme erfolgreich gelöst werden können.

Das besondere Interesse für das internationale Portal Worldwidescience (in Wortlaut: „Wissenschaft in aller Welt“) könnten die Ministerien für Energetik der Staaten-Mitglieder der Euroasiatischen Wirtschaftsunion und der europäischen Union zeigen. Dieses Informationssystem ist auf der Datenbasis der Britischen Bibliothek und des Ministeriums für Energetik der USA erstellt. Der Sinn des Portals besteht darin, dass seine Suchmaschine nicht nur in der Regime der traditionellen (oberflächlichen) Suche der Informationsdaten durch Google, Yahoo!, sondern auch im Format der Tiefsuche – deep web – funktionieren kann, was unmöglich unter Bedingungen der traditionellen Suche ist.

Es wäre erwünscht, damit unsere Länder bei der Begünstigung der Organe der Euroasiatischen Wirtschaftsunion das Übereinkommen über den Informationsaustausch elektronisch im energetisch-ökologischen Bereich auszuarbeiten und zu unterzeichnen. In diesem Übereinkommen könnten die Ordnung des Informationsaustausches, der organisierte und gesetzmäßige Austausch mit der Erfahrung bei der Erstellung der Datenbasen und Datenbanken der Informationssysteme, situationsanalytischen Systeme für die Lösung der energetischen Probleme, die Schutzsicherung der Information in den Datenbasen und den Informationssystemen insgesamt, die Ausarbeitung der Fragen der Informations-, technologischen Zusammenarbeit, die Bestimmung der Bedingungen des

Zugangs zu den Datenbasen, zur Energieinformation insgesamt vorgesehen werden.

Es wäre nicht schlecht, die Verhältnisse der Euroasiatischen Wirtschaftsunion und der Europäischen Union aufgrund des allumfassenden integrierten Vertrags zwischen zwei integrierten Unionen zu entwickeln. In diesem Vertrag kann man die große Zahl der Zusammenarbeitsbereiche berücksichtigen, einschließlich der informationsanalytischen Systeme mit den Datenbasen im energetisch-ökologischen Bereich. Bei der Einschätzung der Zusammenarbeit der Euroasiatischen Wirtschaftsunion und der Europäischen Union im Energiebereich kann man darauf hinweisen, dass zu dem Euroasiatischen Kontinent in nächsten Zeiten über Hälfte der Allwelthanfrage auf die Elektroenergie gehört. Wir müssen unsere zwischenintegrierten Verhältnisse nicht auf den Wettbewerbskampf, sondern auf die Zusammenarbeit orientieren. Von diesem hängen die Antworten auf folgenden Fragen ab: ob die Integration im Energiebereich entsteht oder die Konkurrenz für die Ressourcen und Rohrleitungen auf uns wartet; ob das euroasiatische Kontinent auf die Linien der reinen Energie übergehen kann oder vom traditionellen schmutzigen Bodenschatzbrennstoff abhängt; ob das Erdgas, welches als Zentrum der Streite über die europäische Energie ist, als Brücke der Zusammenarbeit wird. Von den Antworten auf diesen Fragen abhängt, in welcher Richtung und in welchem Bestand sich die Datenbasen, die zusammen die spezialisierten informationsanalytischen Systeme für die Situationslösungen der energetischen Probleme sowohl im Rahmen der Euroasiatischen Wirtschaftsunion, als auch im Rahmen einzelner Staaten-Mitglieder unserer Integrationsunion bilden, konzentrieren. Wie die Verhältnisse zwischen zwei Nachbarintegrationsunionen nicht bilden, müssen unsere Bedingungen von der Strategie der Gründung der beständigen Energieunion ausgehen. Wir müssen die Länder-Partner aussuchen, wohin wir das Erdgas, Erdöl und andere Mineralerzeugnisse liefern können. Wir hoffen, dass sich die europäisch-euroasiatische energetische Zusammenarbeit dank des internationalen (europäischen) Vertrags zum Energiecharta im Jahre 1998, der praktisch von allen Staaten sowohl von den Mitgliedern der EU, als auch von den der Euroasiatischen Wirtschaftsunion

unterzeichnet wurde, erfolgreich entwickelt. Unsere Länder und die Euroasiatische Wirtschaftsunion insgesamt könnten die Erfahrung der Europäischen Union und seiner Staaten-Mitglieder für die Erstellung und den Betrieb der Datenbasen (Datenbanken) in den Informationssystemen der Europäischen Union näher sehen.

Autors Meinung nach muss man die tiefen Forschungen hinsichtlich der Situationsanalyse der

energetischen Probleme durchführen. Zu diesem Bereich müssen die Quellen der Theorie und Praktika im energetisch-ökologischen Bereich nicht nur eines Landes, sondern auch anderer Länder, Länder von verschiedenen Integrationsverbände, Länder von anderen Kontinenten herangezogen werden. Diese Behandlung lässt uns die energetischen Probleme auf der erforderlichen Höhe vorbeugen, feststellen und lösen.

Section 5. Political institutes, processes and technologies

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-45-48>

*Alikhan Zhamsatov,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
graduate Institute of Social Sciences
E-mail: zhamsatov83@inbox.ru*

Corruption as a political issue in the world today

Abstract: The corruption is curtailed as the difficult and multidimensional social phenomenon, essence of that is characterized by economic, political, legal, morally-psychological and other aspects in the article. The special place is taken to the political aspect, as a corruption as the social phenomenon arises up as a result of realization of public power, is the product of the ineffective functioning of imperious structures.

Keywords: power, corruption, politics.

*Жамсатов Алихан Кайыргельдинович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
аспирант Института общественных наук
E-mail: zhamsatov83@inbox.ru*

Коррупция как политическая проблема в современном мире

Аннотация: В статье коррупция определена как сложное и многоаспектное социальное явление, сущность которого характеризуют экономический, политический, правовой, морально-психологический и другие аспекты. Особое место отводится политическому аспекту, поскольку коррупция как социальный феномен возникает в результате осуществления публичной власти, является продуктом неэффективного функционирования властных структур.

Ключевые слова: власть, коррупция, политика.

Необходимость отдельного и более подробного рассмотрения политического аспекта коррупции обуславливается особой связью таких социальных явлений как коррупция и публичная власть. Коррупция и власть являются одновременно вечными спутниками и антагонистами: власть порождает коррупцию, без нее коррупция как явление невозможна в принципе; коррупция как социальная коррозия постоянно «разъеда-

ет» государственные структуры; государственная власть, в свою очередь, все время стремится уничтожить коррупцию.

В таком взаимодействии происходит сосуществование отмеченных явлений, каждое из которых периодически то получает определенную победу, то испытывает соответствующее поражение. В то же время, ни одна из них не может одержать полной победы, как и потерпеть полное

поражение, поскольку полная коррупция общественных отношений в сфере публичной власти означала бы крах государства, а полное искоренение коррумпированных связей является невозможным, исходя из социальной сущности как коррупции, так и власти.

Следовательно, коррупция — это социальное явление, которое имеет ярко выраженную политическую окраску. Исторический опыт свидетельствует, что с помощью коррупции достигались наивысшие властные вершины. В то же время, коррупция нередко была причиной завершения политической карьеры политических и государственных деятелей, правительств, изменения политических режимов.

На протяжении последних десятилетий коррупция стала не только характерной чертой современной политики многих стран мира. Некоторые аналитики считают, что коррупция стала основной мировой политической проблемой с конца XX века. По утверждению Л. Холмса, каждое десятилетие являет собой, по крайней мере, одну новую сферу политических исследований: в 70-е годы — терроризм, в 80-е — экология, в 90-е годы — коррупция [6, с. 3]. Такую оценку подтверждают обвинения в коррупции известных в мире политиков: Б. Бхутто (Пакистан), Б. Нетаньяху и Е. Вайцмана (Израиль), Б. Ельцина (Россия), Г. Коля (ФРН), Д. Эстрада (Филиппины), Сухарто (Индонезия), Чон Ду Хвана та Ро Де У (Южная Корея) и др.

Г. Й. Шнайдер в своей работе «Криминология» отмечает, что политиков, которые злоупотребляют данным им правовым государством временной властью, можно отличить по трем признакам:

- они совершают правонарушение «во имя права и закона», используют свои полномочия в преступных целях. Поэтому так сложно выявить злоупотребление властью и прекратить их;

- они используют общественное мнение, которое всегда доверяет ответственным политикам, иначе государство окажется просто неправяемым;

- нередко используют ради своих преступных целей государственный аппарат, предназначенный для борьбы с преступностью. Поэтому

злоупотребление властью бывает очень опасным [8, С. 437].

По мнению В. А. Шабалина, политическая коррупция является разновидностью (рядом с политическим терроризмом) отклонения политического поведения [6]. В основе политической коррупции лежит неофициальный, бесконтрольный обмен ресурсами между властными элитами и другими структурами общества. В распоряжении правящей элиты находятся такие основные виды государственных ресурсов: символические (государственный гимн, флаг, герб и другие знаки государственной символики); властно-предписывающие (контроль над государственной экономикой, налоговая политика и др.).

Эти ресурсы, исходя из групповых целей политической элиты, могут быть обменяны на ресурсы другого рода: политическую поддержку и материальные блага. Собственно, такой позиции придерживаются и большинство зарубежных исследователей, мнение которых наводит В. А. Шабалин: они сходятся в том, что политическая коррупция — это девиантное политическое поведение, которое выражается в нелегитимном использовании господствующей политической элитой государственных ресурсов с целью укрепления своей власти или обогащения [7, С. 40–50].

Для политической коррупции, как и для коррупции в целом, важным является то, что путем неправомерного использования соответствующим субъектом власти или служебных полномочий (государственных ресурсов) предоставляется преимущество личному (частному, группам лиц) интересу. При политической коррупции такой интерес имеет политический характер — лишь в этом и заключается особенность этого вида коррупции.

П. А. Кабанов по результатам своих исследований пришел к заключению, что политическую коррупцию необходимо определять как отдельное социально-политическое явление, как особый вид злоупотребления властью [2; 3].

По его мнению, под злоупотреблением властью для достижения политических целей следует понимать совокупность криминально-наказуемых действий, совершенных должностными лицами органов государственной власти и управления с использованием служебных или должностных

полномочий, или авторитета, направленных относительно политических конкурентов (противников) с целью прекращения или изменения их политической деятельности или ради сохранения за собой или за группой своих единомышленников занимаемых государственных должностей, а также предоставление финансовой, материальной или другой помощи с использованием своего должностного или служебного положения вопреки интересам общества [2].

К. Джибсон и Д. Роуворт выделяют два вида политической коррупции:

1) отклоненное поведение: а) политический патронаж и клиентализм — опека политиками определенных ими служебных лиц подчиненных структур, создания для них наиболее благоприятных условий в обмен на личную преданность и политическую поддержку; б) «покупка голосов» — осуществляется в ходе избирательных кампаний, применяется к фиксированным группам избирателей (подарки, вино, другие материальные ценности); в) «общественное корыто» (pork barrel) — буквально «бочка с салом» (деньги и материальные средства, которые выделяются из казны местной властью для общественных потребностей с целью завоевания симпатий избирателей);

2) преступление: а) взятка как разовый акт (bribery); б) подкуп, «покупка политика на длительный срок» — буквально «прививание» (graft) [7].

Следовательно, более правильно политическую коррупцию рассматривать как совокупность разных по своему характеру и степени общественной опасности коррупционных правонарушений, которые совершаются для достижения политических целей (по меньшей мере такие цели должны иметь приоритет над другими).

Политическая сущность коррупции обуславливается тем, что она влияет на формирование властных структур, их функционирования, подготовку и реализацию политических решений.

Политический аспект коррупции проявляется также в том, что она предусматривает эксплуатацию публичной власти в частных интересах. Государство фактически избавляется той части власти, которой воспользовалось коррумпированное лицо в собственных корыстных интере-

сах. Как отмечал Гегель, та часть государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти общего [1].

С другой стороны, эта часть власти становится для нечестного служащего средством неправомерного обогащения, а использование публичной власти в частных интересах — своеобразным сверхприбыльным бизнесом.

Политическая сущность коррупции проявляется также в том, что она может быть средством борьбы за власть (сохранение власти). С одной стороны, властные структуры могут использовать лозунги противодействия коррупции для достижения политических целей, в том числе для расправы с политическими оппонентами (с использованием репрессивных средств, дискредитации оппозиционных политиков). С другой стороны, политическая оппозиция может обвинять власть в ее коррумпированности также с целью достижения своих политических целей.

При этом оппозиция может быть заинтересована в коррумпированности властных структур (отдельных государственных деятелей), поскольку разоблачение фактов коррупции и их обнародования в средствах массовой информации повышает шансы оппозиции прийти к власти. Как отмечается в одном из учебников по криминологии, обвинение оппонентов в коррупции стало распространенным способом создания соответствующего имиджа неподкупного чиновника и борца с коррупцией [4, С. 415].

Коррупция является одним из основных факторов раздвоения общества, условно говоря, на официальное и неофициальное (частично криминальное). Вследствие этого в рамках общества параллельно сосуществуют две социальные подсистемы: одна из них базируется на правовых и моральных принципах, другая — на использовании противоправных средств. Что касается коррупции, то такими средствами является подкуп, злоупотребление служебным положением, неправомерное предоставление (получение) льгот и преимуществ, использование власти для незаконного овладения чужим имуществом и тому подобное.

Субъекты коррупции функционируют в неофициальной системе, в которой господствует своя система ценностей, свои цели и средства их

достижения, где отношения между людьми складываются не за официальными законами.

Во-вторых, официальный статус используется для уклонения от предусмотренной законом ответственности. В таком контексте коррупцию можно признать тенью официальной (легитимной) власти, а часть власти, пораженную коррупцией, — теневой властью.

Полностью избавиться от системы неофициальных, в том числе коррумпированных отношений, не удастся ни одному обществу. Целью противодействия коррупции является локализация противоправных отношений.

Политические последствия коррупции проявляются в том, что она изменяет сущность политической власти, снижает уровень ее легитимности как внутри государства, так и на международной арене; нарушает принципы ее формирования и функционирования, демократические принципы общества и государства; подрывает политическую систему; порождает отчуждение власти

от народа, снижая зависимость государства от ее граждан; дестабилизирует политическую ситуацию; подчиняет государственную власть частным и корпоративным интересам, в том числе интересам коррумпированных группировок и кланов.

Подытоживая изложенное, следует констатировать, что коррупция является сложным и многоаспектным социальным явлением. Ее социальную сущность характеризуют экономический, политический, правовой, морально-психологический и другие аспекты. При этом особое место занимает политический аспект, поскольку коррупция как социальный феномен возникает в результате осуществления публичной власти, является продуктом неэффективного функционирования властных структур. Основным показателем общественной опасности коррупции, который также характеризует ее социальную сущность и определяет ее содержание как объекта исследования криминолога, являются негативные последствия коррупции (ее социальная цена).

Список литературы:

1. Гегель. Конституция Германии//Политические произведения. – М.: Наука, – 2008. – 437 с.
2. Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: Учебное пособие/Под ред. проф. В. С. Устинова. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, – 2010. – 244 с.
3. Кабанов П. А. Понятие и формы проявления злоупотребления властью в сфере политики//Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Вып. 2. Часть. 2. Вопросы борьбы с преступностью/Отв. Ред. П. А. Кабанов. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, – 2000. – С. 59–71.
4. Криминология. Учебник для юридических вузов/Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, – 2009. – 608 с.
5. Мельник Н. Понятие коррупции//Коррупция и борьба с ней. – М.: Российская криминологическая ассоциация, – 2000. – С. 201–221.
6. Холмс Л. Коррупция и кризис в пост-коммунистических странах/Доклад на международной конференции «Коррупция в современной политике». – Великая Британия, – 1996 (14–16 ноября). – 40 с.
7. Шабалин В. А. Политика и преступность//Государство и право. – 1994. – С. 43–52.
8. Шнайдер Г. Й. Криминология: Пер. с нем./Под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. – М.: Издат. группа «Прогресс» – «Универс», – 2014. – 504 с.

Section 6. Theory and history of state and law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-49-52>

*Nazarkulova Lazzat Talgatovna,
Associate Professor of the West Kazakhstan State University
named after M. Utemisov, Uralsk, Kazakhstan
PhD, Associate Professor*

Prospects for improvement of law-making in the Republic of Kazakhstan in the light of international experience

Abstract: The article examines the main trends in the development of law-making in foreign countries, as well as the problems and prospects of development of law-making in the Republic of Kazakhstan in the light of international experience.

Keywords: law-making, information and communication technology, e-government, e-parliament, the legal act.

*Назаркулова Лаззат Талгатовна,
к. ю.н., доцент ЗКГУ им.Утемисова,
г. Уральск, Казахстан
E-mail: lazzat.nazarkulova@mail.ru*

Перспективы совершенствования правотворчества в Республике Казахстан в свете мирового опыта

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции развития правотворчества в зарубежных странах, а также проблемы и перспективы развития правотворчества в Республике Казахстан в свете зарубежного опыта.

Ключевые слова: правотворчество, информационно-коммуникационная технология, электронное государство, электронный парламент, правовой акт.

Ключевыми факторами, влияющими на правотворчество любого современного государства, является развитие ИКТ, информатизация общества, прежде всего в правовой сфере. В зарубежных странах информатизация в сфере законодательной власти проявляется в формировании такой информационно-коммуникационной технологии (далее-ИКТ) как электронный парламент (e-Parlament), предназначенный как для обмена информацией, так и для коммуникации прежде всего граждан и депутатов, благодаря чему парламент призван стать более прозрачным, доступным и ответственным. В ряде зарубежных

стран используются технологии общественных обсуждений, обеспечивающие участие граждан не только в обсуждении, но и в редактировании и улучшении текстов проектов НПА, когда технически возможна интеграция принципов коллективного создания гипертекста с помощью отбора голосованием наиболее перспективных предложений. Эти ИКТ в сфере правотворчества делает в перспективе реальной идею Руссо законодательствующем народе. В Великобритании, Голландии, США, Франция, Швейцария, Эстонии и ряде других европейских стран применяются технологии интернет-голосования.

В Казахстане сегодня активно формируется инфраструктура электронного государства, прежде всего, в сфере исполнительной и судебной ветвей власти. В сфере законодательной власти формирование электронного парламента только планируется. Развитие электронного парламента в Республике Казахстан с учетом зарубежного опыта способствует активизации участия граждан в принятии политических и правовых решений, обеспечить возможность гражданам не только знакомиться с проектами законов и отзывами на них, но и обсуждать их, предусматривать возможность проведения прямых трансляций заседаний и парламентских слушаний с использованием технологии видео-конференц-связи. Необходимо развитие электронной приемной Парламента РК, куда граждане могут не только направить обращение в электронном виде, но и отследить его ход и результаты рассмотрения, иметь возможность опубликовать свои обращения в открытом доступе с последующим сбором подписей в их поддержку. Необходимо создание такой парламентской информационной системы, которая бы содержала в себе все необходимые материалы по законопроектам и поправкам к ним, материалы пленарных обсуждений, результаты голосования, а также документы, подготавливаемые парламентскими комиссиями. Одним из главных элементов такой системы является официальный веб-сайт Парламента РК, своевременно и полно представляющий обзор парламентской деятельности. К сожалению пока еще сайты Парламента РК недостаточно информативны. О коммуникационной их функции речи вообще не идет. Таким образом, создание электронного парламента обеспечило бы доступ граждан к полной и достоверной информации о деятельности парламента, позволило бы установить обратную связь между обществом (гражданами) и депутатами парламента.

Правовая информатизация способствует реализации права граждан на достоверную, объективную, оперативную правовую информацию, правильной ориентации в огромном массиве правовой информации (что особенно важно в связи со стремительным ростом объема правовых актов), а также играет важнейшую роль

в правотворчестве. В Республике Казахстан в целях обеспечения доступа населения к правовой информации был создан Республиканский центр правовой информации при Министерстве юстиции РК, который формирует Государственный реестр нормативных правовых актов РК, а также ведет Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов РК в электронном виде.

Автоматизированные системы правовой информации позволяют более качественно с меньшими временными затратами готовить НПА, прежде всего кодифицированные и консолидированные акты, автоматизировать процессы кодификации и систематизации НПА, помогают при составлении сборников НПА, обеспечивают наиболее полный учет НПА в электронной форме. Тем самым они являются эффективным рабочим инструментом в деятельности по упорядочению и совершенствованию законодательства, облегчают законодателю, иным участникам правотворчества проводить анализ системных связей в массиве НПА. Это также помогает выявлению пробелов, коллизий правового регулирования, выявлению необходимости изменения, дополнения и признания утраты силу нормативных правовых актов в связи с принятием новых законодательных актов, и в целом уменьшению вероятности возникновения ошибок юридико-технического характера.

Вместе с тем в Казахстане пока еще недостаточно используются возможности автоматизированных систем правовой информации в правотворчестве. С учетом зарубежного опыта важным направлением здесь могло бы стать создание такой информационной правовой системы, которая позволяла бы с использованием современных информационных технологий гражданам не только знакомиться с проектами правовых решений, следить за судьбой таких проектов вплоть до его официального опубликования и применения государственными органами, но и участвовать в его обсуждении и совершенствовании. Также важно, чтобы эта система позволяла осуществлять информационно-правовое обеспечение правотворческого процесса. Такая подсистема информационно-правового обеспечения правотворческого процесса органов государственной

власти управления должна в себя включать: — средства интеграции в электронный документооборот, обеспечивающий участникам правотворческого процесса возможность коллективной работы над проектами правовых актов, быстрого поиска необходимых документов, контроля за прохождением проектов правовых актов; — программные средства, позволяющие вести сравнительный анализ нормативных правовых актов разного уровня; — в перспективе — программные средства экспертных систем, позволяющие комплексно оценивать актуальность и непротиворечивость проекта правового акта в процессе его подготовки; — массивы правовых документов, необходимых участникам правотворческого процесса для принятия и реализации нормативных актов; — развитые средства телекоммуникаций, обеспечивающие прямой доступ к информационно-правовым ресурсам всех участников правотворчества на каждой стадии процесса; — средства комплексной информационной безопасности [1, С. 26].

Важная роль в правотворчестве зарубежных стран отводится прогнозно-аналитической деятельности, которая основывается в различных странах на мониторинге тенденций развития отраслей права, а также анализе практики применения нормативных правовых актов, оценке и прогнозировании законодательных актов. В Республике Казахстан институт правового мониторинга получил развитие с 1998 года. В 2016 году было обновлено законодательство, регулирующее правотворческую деятельность, в том числе и институт правового мониторинга. Новые Правила проведения правового мониторинга начали действовать недавно. Их эффективность покажет время. Тем не менее следует отметить, что долгое время правовой мониторинг осуществлялся формально. Для его дальнейшего совершенствования можно было бы предусмотреть участие в правовом мониторинге научных организаций (юридических вузов и научно-исследовательских правовых институтов) на *обязательной основе*, что способствовало бы научности, разносторонности правового мониторинга. Также для более эффективного использования потенциала правового мониторинга необходимо создание единой

автоматизированной, общедоступной для всех заинтересованных лиц, системы результатов мониторинга, которая включала бы как сами результаты мониторинга, так и аналитические справки, статистические данные, иную информацию о состоянии законодательства, а также выявленные недостатки законодательства (коллизии, пробелы, дублирующие, устаревшие нормы и другие).

В зарубежной практике важнейшими средствами правотворческой политики выступают оценка законодательства и прогнозирование последствий принятия законодательного акта. Прежде всего, здесь широко используется ограниченная оценка влияния законов, что уже становится широко распространенным стандартом в странах Европы. В Швейцарии более чем в тридцати федеральных законах и правительственных ордонах содержатся положения о периодической оценке действенности законов. Другим способом институционализации оценки признаются экспериментальные законы, введенные временно в целях выяснения, является ли потенциальное решение приемлемым для достижения поставленной цели. С 1990 года в стране существует орган финансового аудита, который в отношении рентабельности законов оценивает степень экономичности использования ресурсов, соотношение затрат и полезности, достижение ожидаемого результата. В Германии применяются многие современные методы оценки, включая тесты, с которых берет начало немецкий институт оценки, контрольные списки, а также экспериментальное законодательство [2].

Учитывая такой зарубежный опыт, мы поддерживаем мнение ученых о том, что было бы целесообразно и в Казахстане развивать институты наблюдения и оценки законов и международных договоров. Можно также присмотреться к практике принятия экспериментальных законов, а также созданию отдельного органа финансового, экономического аудита, который просчитывал бы рентабельность законов и договоров. В тестировании соответствующих законопроектов могли бы принять участие казахстанские специализированные организации и ведомства [2, С. 38–40]. Данные меры могли бы способствовать большей обоснованности

и стабильности законодательства, согласованно- ложительно отразится на качестве права и всей
сти правовых норм между собой, что в целом по- правовой системы Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Волков А. А. Основные направления развития Государственной системы правовой информации//Электронное законодательство: доступ к нормативно-правовой информации в электронной среде. Сб.ст.междунар. научно.-практ.конф.//Науч. ред. Шепелева Н. А., д-р юрид.наук, проф. – 2011. – С. 54–58.
2. Сарсембаев М. А., Сарсембаев К. М. Оценка и совершенствование нормотворческой деятельности: нормы закона и международного договора//Материалы Республиканской научно-практической конференции «Нормотворчество в Республике Казахстан: проблемы теории и практики». Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Сарсембаев М. А. – Астана: Консалтинговая группа «Болашак», – 2011. – С. 38–48.

Section 7. Criminal law and criminology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-53-59>

*Efremova Marina Aleksandrovna,
Kazan law Institute (branch) of Academy of the
Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Professor, Chair of fundamentals of organization
and management in the Prosecutor's office
E-mail: Seamaid63@mail.ru*

Social conditionality of information security protection by criminal law in the Russian Federation

Abstract: information security is one of the components of the national security in the Russian Federation. The role of the information component in the national security has become significantly more important. The criminal law needs to be updated in order to enhance its effectiveness with regard to criminal law protection of information security.

Keywords: information, information security, computer information, data protection, criminal law.

The new version of Russian Federation's National Security Strategy has information security issues included in nearly all its sections which are concerned with achievement of strategic national priorities. This means a close relation between national security and security in the area of information. This is also where the duality of information security reveals itself. On one hand, it is a part of national security, and as such it acts as an element in a complex multi-level system comprised of various types of security which is aimed at achieving such a degree of protection of the Person, the Society and the State from internal and external threats which ensures the exercise of constitutional rights and freedoms of Russian citizens, decent quality and standard of living, sovereignty, independence, national and territorial integrity, and sustainable socio-economic development of the Russian Federation. On the other hand, information security should be viewed as an object of criminal law protection. In this capacity it presents itself an open dynamic system of social relations which ensure that interests of the Person, the Society and the State in the area of information are met.

The statutes which are concerned with criminal law protection of information security are located in different sections and chapters of Russian Criminal Code. In the meantime, information technology development rates call for changes to legislation. Criminal law should reflect changes in crimes against information security. Therefore, information security as a social value needs to be reframed, and reasonable criminal law measures need to be taken in response to any infringements. The social conditionality of the rules of law should be treated as the prerequisite of their effectiveness. Despite the fact that rules of the criminal law, much like statutes in all other branches of law, are enshrined in the national legislation as a result of conscious human activity, their origins, however, should be sought in the laws of social development. The ultimate foundation of criminal law protection is the social need for protection of a certain group of social relations [5, P. 46–48]. Therefore, the nature of criminal law lends itself to, first of all, objective laws of social development, when the need for protection of social relations arises which have become especially important and valuable to the society at a particular point.

The concept of social conditionality is very broad and comprises a number of intrinsic factors which together act as indicators of the need for modification of criminal law. In our view, the factors which determine the need to distinguish information security as an object of criminal law protection should include: socio-economic, historical, political and social-and-legal factors.

The role of socio-economic conditionality of law rules is fundamental and driving. “Consistency of judicial laws with the laws of economic development of the society is the most important prerequisite to their effectiveness.” [17, P. 101]. As such, it appears logically reasonable to give a detailed review to this factor first of all.

Socio-economic background of criminal law protection of information security is principally determined by the fact that Russian Federation is now entering a new post-industrial stage of development — the so-called “information society” era. The development of the information society in Russia requires reframing of the hierarchy of social relations protected by the criminal law. The term “information society” was introduced at nearly the same time by U. S. economist Fritz Machlup, who was studying the information sector of the economy on the example of the U. S., and by Yujiro Hayashi, professor at Tokyo Institute of Technology, who used this term in reports submitted to Japanese government by Economic Planning Agency, Institute for the Development of the Use of Computers and Council for Industry Structure. In those reports, information society was defined as the society where development of computer technology can help secure access to reliable sources of information for its members and provide a high level of industrial automation.

The concept of post-industrial information society was developed by a number of Western sociologists, including: D. Bell, J. Galbraith, J. Martin, I. Masuda, F. Polak, E. Toffler. In Russia, the concept of the information society was studied by V. Glushkov, N. Moiseyev, A. Rakitov, A. Sokolov, A. Ursul and others.

It should not be left unmentioned that many leading world powers have already entered the stage of information society, and a number of legal instruments governing information society development have been adopted internationally. For example,

Okinawa Charter on Global Information Society which was signed by leaders of the G8 countries on 22 July, 2000. The Charter is, first of all, a call for everyone engaged in both governmental and private sectors of the economy to fill the international gap in the area of information and knowledge. The Charter promulgates the promotion and encouragement both of transition to information society and of the implementation of all its economic, social and cultural benefits as the foremost objective [15].

At the World Summit on the Information Society held in Geneva in 2003, Declaration of Principles “Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium” [2] was adopted in which all the stakeholders declared their common desire and commitment to build a people-centered, inclusive and development-oriented Information Society, where everyone can create, access, utilize and share information and knowledge, enabling individuals, communities and peoples to achieve their full potential in promoting their sustainable development and improving their quality of life, premised on the purposes and principles of the Charter of the United Nations and respecting fully and upholding the Universal Declaration of Human Rights.

Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society was adopted on 13 May, 2005 [3]. In the Declaration, Member States of the Council of Europe restated their commitment to building societies based on such values as human rights, democracy, supremacy of law, social consensus, respect for cultural diversity and trust both between individuals and between nations, and their desire to adhere to their commitment as they enter the Information Age.

The second phase took place from November 16 through 18, 2005, in Tunis, Tunisia, to express once again unconditional support for the Declaration of Principles and the Plan of Action which had been adopted during the first phase of WSIS held in December 2003 in Geneva.

For the Russian Federation, the fundamental document in this area is the Strategy for Information Society Development [20]. The Strategy incorporates and accommodates fundamental provisions of Okinawa Charter on Global Information Society, Declaration of Principles “Building the Information

Society”, Plan of Action of Tunis Commitment and other international instruments adopted by WSIS.

According to the Strategy, the purpose of building and developing information society in the Russian Federation is to secure higher quality of living to its citizens, provide Russia with competitive edge, develop the society in economic, social and political, cultural and spiritual areas, and also to improve the public administration system through the use of information technology.

Information society is characterized by increasingly important role of the information sphere which is understood as a “combination of information, information infrastructure, subjects engaged in collection, compilation, dissemination and use of information, and also a system for regulating the emerging social relations related with information and information infrastructure as objects of interests of the Individual, the Society and the State [21, P. 56]. It is obvious that the phenomenon of information is the core element of the information sphere and, accordingly, of all information processes which occur in the society [9, P. 28].

According to the scientific community, distinctive features and characteristics of information society are:

- development of the information and telecommunications technology market;
- reliance of the economy on the level of development of information and telecommunications technology in an individual country;
- mass use of computers having access to information and telecommunication networks, and the ability of the public to operate such computers;
- ability to search and retrieve information freely from information resources, and also to disseminate and share information through information and telecommunications networks;
- enhancement of requirements for information security to protect interests of the Person, the Society and the State in the information sphere [7, P. 22; 10, P. 95–100].

The ultimate point of information society evolutionary development in an individual state is the integration into the global information society. Distinctive features of the latter are:

- being formed as a result of social revolution which is of global nature and which is based on in-

tensive development and convergence of information and communications technologies;

- a prerequisite to well-being of both an individual person and an individual state is knowledge which has been obtained due to the availability of free access to information and the ability to handle such information;
- the process of information exchange is boundless;
- cross-cultural interaction and the emergence of new opportunities for implementation at the same time [16, P. 161].

In 2013, Russia was rated 40th according to ICT development index [11]. The index value is derived from 11 indicators characterizing the penetration of fixed telephony, mobile communications and the Internet (including broadband access), access to computers and to the Internet for households, level of information skills possessed by adults, and the involvement of the youth in education process. Russia’s rating according to the Index is one of performance benchmarks for the Strategy for Information Society Development in the Russian Federation and for the National Programme “Information Society (2011–2020)” [19]. The performance benchmarks are provided in attachment to the Strategy, and their achievement should confirm the rates of information society development in the Russian Federation. Both the Strategy and the Programme shall be implemented in several phases. The phases are delineated because of the need to sum up the results of implementation of the Strategy and to update information society development objectives. In implementation of the innovation scenario, the Programme not only deals with information technology objectives but also becomes a tool for achievement of modernization objectives in other spheres (management, education, health and others), regional development and integration into the world economy, increasing the quality of human capital and the living standard. A 10-times growth in the amount of communications services (2.6 times by 2015 with reference to 2010, and 2.7 times over the period of implementation of the second stage of the Programme in 2015–2020) and more than 2-times growth in size of the IT market are predicted by the year 2020. However, as soon as in 2014 and

2015 Russia showed a decline in performance, being rated 42nd and 45th, accordingly.

Meanwhile, the Russian Federation has already established an adequate framework for the formation and development of the information society. The very Strategy for Information Society Development in the Russian Federation mentions that an increase in added value in the economy shall be achieved mainly through intellectual activity, technology level growth in the industry and wide introduction of the latest information and telecommunications technologies. Economic systems are gradually integrated into knowledge-driven economy, where intellectual production factors act as the driving force.

Since modern scientific and technological advances — including latest information and telecommunications technologies — can be, and are already, used for criminal purposes, provision of security in the sphere of information is a prerequisite to successful formation of information society in Russia. And the more developed information society is, the more resources and equipment the State will need to ensure security of the information society. The law with all its intrinsic methods shall have the leading role in the national security framework that is being created.

So, the bottom line is that the socio-economic factor of information security criminal law protection conditionality is related with development of a new type of society in Russia where information and communications technologies are of paramount importance. The country's economic development also depends on these technologies as Russia transits from a petro-state to information-based and knowledge-driven economy. The spiritual and social needs of people are now concerned with rapid lookup of relevant information, obtaining timely, complete and reliable information and being able to exchange such information.

The next factor — historical conditionality of information security protection by criminal law — involves evolutionary development of legislation in this direction. As already mentioned hereinabove, the statutes which are concerned with criminal law protection of information security are located in different sections and chapters of Russian Criminal Code. Chapter 28, Crimes in the Sphere of Computer Information, was included in the Criminal Code

of the Russian Federation in 1996, and later, in 2011, it saw fundamental changes as all its three articles were restated. The need for amendments to be made to rules of Chapter 28 of Russia's Criminal Code was long highlighted in the literature, which would actually be done 15 years after enactment of the current Criminal Code. Information technology development rates call for changes to legislation. Criminal law should reflect changes in crimes against information security. Therefore, the next step should be to reframe information security as a social value, and reasonable criminal law measures need to be taken in response to any infringements.

The political factor is related with political challenges the Russian Federation is currently facing, both internal and external. In accordance with Art. 4 of Federal Law "On security" [4], the Government's security policy which is essentially a an integrated set of coordinated political, institutional, socio-economic, military, legal, information, special and other measures joined by common intent, is in integral part of the Russian Federation's internal policy. New challenges and threats to Russia's national security have arisen recently which are reflected by the new National Security Policy of the Russian Federation approved by Russian Federation Presidential Decree of 31.12.2015 No. 683 [13]. As mentioned in the document, whereas the Russian Federation pursues independent internal and foreign policy and goals, it is facing opposition from the United States and their allies who put political, economic, military and informational pressure on the country. The Strategy stresses that aggravation of confrontation in the information space caused by the desire of certain states to employ information and communication technologies in achievement of their geopolitical goals, including by way of manipulation with public opinion and perversion of history, has been increasingly impacting the international atmosphere. New forms of illegal activities emerge, in particular, those using information, communication and high technologies. Among other threats to national and public security, the document mentions the activity involving the use of information and communication technologies for spreading and propaganda of fascism, extremism, terrorism and separatism ideology, undermining national accord

and political and public stability in the society. The Strategy names the improvement of statutory regulation of crime control, including in the information sphere, among key areas of national and public security, for which purpose the system for identification and analysis of threats in the sphere of information followed by appropriate response measures is being improved. In other words, information security issues are embedded in nearly all chapters of legislation which are concerned with realization of strategic national priorities, making it possible to conclude that the role of information security in the national security system is being reframed.

And last, but far not the least, social-and-legal factor. As already mentioned above, war on crime in the information sphere is one of the major areas of national and public security efforts which is, undoubtedly, related with increased public danger of offences in the information sphere. The information sphere, despite its significance, is one of the least protected spheres and, as such, it is vulnerable to various forms of illegal activity. Statutes protecting information security that are scattered across Russian Criminal Code cannot serve as an effective tool to combat crimes in the information sphere.

There is a reoccurring trend towards the increase in number of computer crimes currently observed in Russia, and those crimes are just a part of total number of crimes against information security. This fact is demonstrably evidenced by historical data as well. For example, there were 2,698 crimes in the sphere of computer information on record in 2011, with 2,820 crimes in 2012; 2,563 in 2013; 1,739 in 2014; and 2,382 in 2015. After some decline in 2015, a growth in crimes in the sphere of computer information is observed again. At the same time, damages from such crimes, according to estimates by some experts, amounted \$1 bln. in 2015 in Russia. Others claim that the amount of such damages is even greater. Crimes in the sphere of computer information are characterized by a high degree of latency, and as such official statistics would hardly reflect the real picture.

U. Zinina reasonably notes that the actual computer crime clearance data in Russia is distorted as a result of rules of Chapter 28 of Russian Criminal Code not always being applied appropriately in investigative and judicial practice, including as a re-

sult of loose construction of elements of offences addressed by it and effective lack of understanding of technical fundamentals [24, P. 13]. Therefore, official statistics that show a decline in computer information crimes may indicate inadequate effectiveness of rules of Chapter 28 of Russian Criminal Code, high latency of this class of crimes and the need for drastic measures to be taken.

Before any conclusions can be drawn, we should concur with N. Kuznetsova and G. Zlobin in that between a social need and its reflection in criminal law there is historically formed social consciousness of a given historical period that determines the nature, forms and degree of accuracy of legal reflections. Rules of law, unlike objective laws of nature, may be “good” or “bad”, i. e. they may either appropriately reflect a social need or be insufficiently relevant to that need, achieving or nor achieving goals set by the legislator [8, p. 76]. Statutes of Russian Criminal Code that address criminal law protection of information security scarcely reflect the actual social need for its protection by criminal law. Having become a new value, basis of living and a driver of trade and industry development, the Information requires the State to focus its efforts on creating the appropriate environment to ensure its security. The social circumstances that have developed bespeak the need to recognize information security as an independent object of criminal law protection.

Underestimation of criminal law measures within the framework of legal assurance of information security endangers interests of the Person, the Society and the State in the information sphere. A. Ter-Akopov stresses that information threats that have emerged require a more thorough scientifically-based review. Criminal law plays a special role here, as it has to generalize socially dangerous manifestations of offences against information security of the Person, the Society and the State [22, P. 165].

The most urgent threats to information security existing at the current stage include:

- development, creation and use of any means that are intended to impact and damage information resources and telecommunications systems of the State;
- purposeful information influence on critical entities;

- information influence aimed at disruption of political, economic and social systems of states, and brainwashing of the public to cause destabilization of society;
- unauthorized interference with information and telecommunications systems and information resources, as well as their improper use;
- activities of international terrorist, extremist and criminal associations, organizations, groups and individual offenders that pose a threat to information resources and critical entities of the State;
- the use of information technology and facilities to the prejudice of basic human rights and freedoms that are exercised in the information sphere;
- cross-border dissemination of information that is contrary to guidelines and rules of the International Law, as well as to national legislation of affected states [16, P. 242–249].

Russia's information security policy distinguishes the following types of threat to the national information security according to their nature:

- threats to the constitutional rights and freedoms of human and citizen with regard to spiritual life and information activities; individual, group and social consciousness; and Russia's spiritual renovation;
- threats to information support of national policy of the Russian Federation;

- threats to development of the national information industry, including IT, computerization and communications industry, meeting the needs of the domestic market for its products and international market entry, as well as to the accumulation, safety and effective use of national information resources;
- threats to the security of information and telecommunications facilities and systems, both already deployed and in progress of creation within Russia.

The above threats reflect the downside of IT development and are far from fiction, they are very real. New threats are predicted as well, necessitating “proactive institutionalization” [23] of criminal law statutes aimed at information security protection by criminal law which is based on common criteria.

Therefore, social conditionality of information security protection by criminal law is determined by a number of interrelated socio-economic, historical, political and social-and-legal factors. The said factors act as prerequisites to the criminalization of acts against information security. Those factors are unique because they are all associated with the process of formation and development of information society in the Russian Federation, and they attest to the need for extension of list of information offenses that are forbidden by law.

References:

1. Andreas Mitrakas. Information security and law in Europe: Risks checked?//Information & Communications Technology Law. – 2006. – March. – Vol. 15. – P. 33–53.
2. Declaration of Principles “Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium” Document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12.12.2003//URL: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/s03-wsis-doc-0004!!pdf-r.pdf (date: 15.02.2016).
3. Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society. Document CM (2005)56 final 13.05.2005//URL: <http://www.coe.int/ru/> (date: 15.02.2016).
4. Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ “On security”//Official Gazette, issue of 03.01.2011. – No. 1, – Art. 2.
5. Filimonov V.D. The rule of penal law. – Saint-Petersburg. – 2004. – 198 p.
6. Jacques de Maillard, Sebastian Roche. Crime and justice in France; Trends Policies and Political Debate//European Journal of Criminology. – 2004. – January. – Vol. 1. – P. 111–151.
7. Kopylov V.A. Information legislation. – Moscow. – 2004. – 510 p.
8. Kuznetsova N. F., Zlobin G. A. Social conditionality of the criminal law//Soviet state and law. – Moscow, – 1976. – No 8. P. 76–83.
9. Kunyaev N. N. Legal protection of the national interests of the Russian Federation in the information sphere: Dr. jurid. sci. diss. – M. – 2010. – 420p.
10. Lopatin V.N Information security of Russia, Dr. jurid. sci. diss. – Saint-Petersburg. – 2000. – 433 p.

11. Measuring the information society URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/11/MIS2013.pdf> (date: 12.01.2016).
12. Nathaniel Minott. The Economic Espionage Act: is the law all bark and no bite?//Information & Communications Technology Law. – 2011. – October. – Vol. 20. – P. 201–224.
13. National Security Strategy of the Russian Federation, as approved by Russian Federation Presidential Decree of 31.12.2015 – No. 683//URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (date: 20.03.2016).
14. Nicholas Ryder, Alan S. Reid. E-Crime//Information & Communications Technology Law. 2012. October. Vol. 21. P. 203–206.
15. Okinawa Charter on Global Information Society//Diplomaticheskii Vestnik. – 2000. – No. 8. – P. 51–56.
16. Polyakova T. A. Legal support of information security when developing information society in Russia, Dr. jurid. sci. diss. – Moscow, – 2008. – 438 p. (7).
17. Redzhepov A. The Social conditionality of criminal-legal norms as a factor in increasing their effectiveness//Abstracts of theoretical conference of post-graduate students of the Institute of state and law of juridical faculty of Moscow state University. – M., – 1981. – P. 101–102.
18. Russell Buchan, Nicholas Tsagourias. Cyber War and International Law//Journal of Conflict & Security Law. – 2012. – Vol. 17 (2). – P. 183–186.
19. Russian Government Resolution dated 15.04.2014 – No. 313 “Approval of the National Programme “Information Society (2011–2020)”//Official Gazette, issue of 05.05.2014 no. – 18 (Part II), – Article 2159.
20. Strategy for Information Society Development in the Russian Federation (as approved by the President of the Russian Federation on 07.02.2008 with no. Pr-212)//Rossiyskaya Gazeta. 16.02.2008. – No. 34.
21. Strel'tsov A. A. Theoretical and methodological fundamentals of legal support of information security of Russia: Dr. jurid. sci. diss. – Moscow. – 2004. – 371 p.
22. Ter-Akopov A. A. Bezopasnost' cheloveka. Human security. Social and legal framework. – Moscow, – 2005. – 272 p.
23. Zhuk M. S. Ways of improving the system of institutions of the Russian criminal law//Lex Russica. – 2015. – No 4. – P. 46–59.
24. Zinina U. V. Crimes in sphere of the computer information in Russian and foreign criminal law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. – Moscow, – 2007. 33 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-59-64>

Isajewa Klara Asangasyjewna,

Dr. iur., Professorin

Kirgisische Nationale Balasagin-Universität

E-mail: n.abdykarimova@mail.ru

Problematische Aspekte der Entwicklung von einzelnen Strafprozessinstituten in der Kirgisischen Republik

Kurzbeschreibung: Der Artikel ist anlässlich der Komplexforschung der Theorie- und Anwendungsprobleme der neuen Strafprozessinstitute im Rahmen der durchführenden Reformierung der Strafprozessordnung Kirgistans in der Gegenwart.

Schlüsselwörter: Inkorporation, vereinfachtes Strafverfahren, Prozessvereinbarung, besondere Ermittlungshandlungen, Rechtssystem.

Es gibt keine Widersprüche, dass „ein der grundlegenden Behandlungen zur Reformierung des Strafverfahrens in der Kirgisischen Republik, auf welche auch in der Konzeption zum Projekt

Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik hingewiesen ist, Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung insgesamt ist. In der Strafprozessgesetzgebung muss die besondere Aufmerksamkeit den Prozessnormen, die sich nach dem Schutz der Verfassungsrechte der Bürger sowie der Humanisierung der Rechtspflege gerichtet sind, zukommen lassen“ [1, S. 2278].

Ohne Zweifel für die Lösung der gestellten Aufgaben muss man an den Normen der Strafprozessordnung, die das festgestellte in der Gegenwart Hauptziel der Reformen vollständig sichern können, mit Geduld arbeiten [1, S. 2279].

Aber man kann bemerken, dass die Reformierung der Strafgesetzgebung der Kirgisischen Republik unter Bedingungen des zunehmend komplizierten Rechtssystems erfolgt, und deshalb unter Bedingungen der beständigen Recherche durch die wissenschaftliche Gesellschaft und rechtsschöpfenden Behörden der Republik eigenes Modell, welches auf der positiven Erfahrung der gegenwärtigen analogen Systeme der fremdsprachigen Länder bestehen und die Besonderheiten des Gerichtsverfahrens des typischen für unsere Gesellschaft Landes widerspiegeln könnte.

Es ist denkmäßig, dass „... die geltende heute Strafgesetzgebung der Kirgisischen Republik mit der Kritik von mehreren internationalen Experten zusammenstoßt. Sie bemerken, dass die Strafgesetzzordnung Rudimente des alten sowjetischen Strafprozesses hat. Die Experten machen aufmerksam auf die niedrige Effektivität der Vorprozess- und Prozessverfahren, auf den augenfälligen belastenden Schwerpunkt, den großen Teil vom Bürokratismus, die schwache Sicherheit mit den Prozessgarantien der Subjekte, die ins Gebiet der Strafverfolgung getroffen haben“ [2, S. 660]. Die besondere Aufmerksamkeit der Rechtsgesellschaft Kirgistans ist zu den ziemlich aktuellen Institutionen, wie Einleitung des Strafverfahrens, Institution der Ablehnungsmaterialien, Heranziehung der Person als Beschuldigter, geheime Ermittlungshandlungen, Institution für den Rechtsschutz des Geschädigten, sowie nach den Fragen der Differenzierung des Strafverfahrens, Institution der Prozessvereinbarungen, herangezogen.

Die entstandene Diskussion nach oben genannten Aspekten hat die Rechtsgesellschaft der Kirgi-

schen Republik getrennt. So entstanden sowohl die Anhänger, als auch Gegner hinsichtlich der vorgeschlagenen von den Entwicklern des Projekts Strafprozessordnung Neueinführungen. Zum Beispiel, wie haben wir früher geschrieben, „... nämlich der Verzicht auf das Stadium der Einleitung des Strafverfahrens lässt die wichtigen entstehenden hinsichtlich der Durchführung einzelner Ermittlungshandlungen bis zur Einleitung des Strafverfahrens Streite, die Prozessmittel bis zur offiziellen Prozesstätigkeit sind, lösen. Hier ist es wichtig darauf hinzuweisen, dass nämlich die schwankenden Gründe, die zur nicht genug begründeten Einleitung des Strafverfahrens bringen, auch zum Ausfall des Strafverfahrens im Gericht bringen und so werden die Anschuldigungen wegen der ungerechtfertigten Einleitung des Strafverfahrens sowohl zwecks des Erhalts der Vorteile von den interessierten Behörden, als auch zwecks der Beseitigung der politischen Gegner erhoben“ [2, S. 661–662].

Außerdem verhindert das Stadium der Einleitung des Strafverfahrens selbst der Realisierung des verkündeten durch die Verfassung der Kirgisischen Republik Prinzips, dass die Gerichtsverhandlung aufgrund des Wohlstandes und der Gleichstellung der Seiten (Abs. 3 Art. 99) erfolgt. Deswegen ist eine der Streitfragen Realisierung der Idee der Durchführung der parallelen Untersuchung [3].

Es ist schwer zu verneinen, dass „... die kontradiktorischen Prinzipien in den Normen der Strafprozessordnung auf dem Stadium der vorgerichtlichen Verhandlung im Bereich der Beweissammlung eingeführt werden können, was den Personenrechtsschutz im Laufe der Gerichtsverhandlung fördern wird. Und in dieser Situation muss die Tätigkeit des Rechtsanwalts unter Berücksichtigung der kriminalistischen Kenntnisse, welche den effektiven Schutz auf dem Stadium des vorgerichtlichen Verfahrens sichern, gebaut werden [4, S. 4]. Man muss auch auf die Unmöglichkeit in diesem Fall der Integration des Strafverfahrens und der Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit hinweisen, was lässt, effektiver die organisierte Kriminalität, für welche die ungewöhnlichen und noch nicht bekannten Verfahren der Ausführung des Verbrechens typisch sind, gegenwirken.

Die Ausübung der geheimen Ermittlungshandlungen, die schon in der Strafprozessordnungen

Kasachstans vorgesehen sind, könnte die Reduzierung des Niveaus der besonders gefährlichen Ausführung der Verbrechen und in der Kirgisischen Republik begünstigen.

Unserer Ansicht an sind die Probleme und Tendenzen der Inkorporation der Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit in den „Stoff“ des Strafprozessrechtes in Form der Ermittlungshandlungen im Artikel „Debatable Questions Bound to Reorganization of Separate Procedural Institutes at the Stage of Prejudicial Production in the Conditions of Reforming of the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic“ ziemlich begründet beschrieben [2].

Man muss bemerken, dass verschiedener Ansatz der Gesetzgeber der GUS-Länder zum Stadium des vorgerichtlichen Verfahrens ohne Zweifel als Stolperstein im Bereich der Gewährung der Rechtshilfe wird. Und ist es logisch, weil die Einführung der neuen Institutionen, die auf dem Gebiet nur einiger Staaten des nahen Auslands erweitert sind, als Problem für die Ausübung der Prozesshandlungen wird. Es ist auch mit der Verletzung der Menschenrechte verbunden. Darauf weisen viele Forscher hin, und zwar, diese Position der Gesetzgeber Kasachstans und Kirgistans bedeutet, dass ihre Ausübung auf dem Gebiet der GUS-Länder problematisch wird. Und es ist mit Folgendem verbunden: *erstens*, es zieht nach sich der Eingriff ins Privatleben des Menschen seitens der Rechtsschutzorgane von anderem Staat, und wo es ziemlich kompliziert ist, die Verletzungen der Menschenrechte von ihrer Einhaltung im Rahmen der Ausübung der geheimen Ermittlungshandlungen nach der Anfrage von anderer Seite zu trennen. Außerdem muss man berücksichtigen, dass in diesem Fall die Verletzung der Menschenrechte den Verdächtigten selbst, sondern auch die Dritter betreffen. Deswegen kann die erfüllte Seite auf die Erfüllung der Anfrage verzichten. *Zweitens*, die geheimen (vertraulichen) Ermittlungshandlungen erfolgen mit der Anwendung der Mittel, Verfahren und technischen Bestandteile des Staatsgeheimnisses, und deshalb werden diese durch die behördlichen (staatlichen) Rechtsvorschriften geregelt, was auch den Prozess der Realisierung nicht nur in den GUS-Ländern, sondern auch in den Länder des Nahen Auslands erschwert“ [5, S. 2118].

Es ist festgestellt, dass die Diskussion über die Frage der Vereinfachung des Strafverfahrens in den GUS-Ländern während nicht eines Jahres erfolgt, und hat die Tendenzen zur ihrer Entwicklung. Wie ist schon in der Arbeit gesagt, ist das Praktikum der Anwendung der vereinfachten Prozeduren in Amerika und in vielen Europäischen Ländern schon lange Zeit geformt, aber dabei haben eigene typischen für jedes Rechtssystem spezifischen Besonderheiten, die von uns in der Forschung erläutert sind.

Die Analyse hat gezeigt, dass fast in jedem Rechtssystem der untersuchten von uns Länder die Vereinfachung der Formen des Strafverfahrens, die die Fälle leichter und mittlerer Kriminalität betreffen, von den Gesetzgebern als erforderliche und natürliche Erscheinung verstanden wird.

Deswegen sagt der rechtliche Sachverständiger der jugendlichen Rechtsschutzgruppe U. Asimow: „In Kirgistan geht die Diskussion über die Differenzierung des Strafverfahrens, auch über die Vereinfachung schon lange und entwickelt sich aktiv abgesehen davon, dass viele Länder schon lange Zeit die vereinfachten Prozeduren benutzen. Zum Beispiel, amerikanische Prozedur ist auf dem Geschäft der Schuldbekanntnis begründet, oder die Prozedur der europäischen Länder ist auf dem Geschäft der Zustimmung der erhobenen Anklage begründet. In Kirgistan wie und der Länder der ehemaligen Sowjetunion ist diese Frage aktuell geworden, als das mächtige System der Rechtspflegeorgane mit der gefügten Arbeitsweise verloren wurde, und erfolgte die Bildung eigenes Systems der Rechtspflegeorgane. Dies wurde mit der Steigerung der Kriminalität, der Tätigkeitsaktivität der Rechtspflegeorgane begleitet. Und als Folge — große Anzahl der eingeleiteten Strafsachen, die in den Kriminalgerichten ermittelt und verhandelt wurden. Die Folge dieser Handlungen war auch große Belastung auf die Ermittlungsführer, Richter, Sonderdienststellen, von welchen die Rechtsfindung sichern. Zu diesen gehörten auch die Ermittlungs- und Fahndungsdienststellen, Spurensicherungsdienststellen, deswegen entstanden die Verletzungen der Prozessfristen, verlängerte die Dauer der Ermittlung und Verhandlungen der Sachen. Demzufolge befanden sich die Personen, die zum Strafverfahren herangezogen wurden, als Verdächtige, Angeklagte, Beschuldigte in Haft in Erwartung des Urteilerlasses. Diese Geschäftslage forderte

zusätzliche, ernsthafte Finanzspriten, aber viele Länder könnten sich es in jenem Moment nicht leisten. Diese aktive Diskussion hatte eigen Ergebnisse und für letzte 10 Jahre in der Strafprozessordnung von mehreren Ländern wurden die Normen eingeleitet, durch welche die Möglichkeit der Verhandlung der Strafsachen in den Gerichten, und manchmal auf dem Stadium der Ermittlung mit Hilfe der vereinfachten Prozedur vorgesehen ist“ [6, S. 46].

Zweifellos und im Rahmen der Vornahme von den GUS-Ländern der neuen Strafprozessordnungen waren die Veränderungseintragungen in die Strafprozessordnungen bemerkbar. Die Gesetzgeber der postsowjetischen Staaten versuchten die neuen Rechtsnormen der internationalen Gesetzgebung vorzunehmen und die positive Erfahrung einzelner fremdsprachigen Länder, einschließlich der Länder des Europas, die mit der Anwendung einiger Prozessinstitutionen verbunden waren, zu berücksichtigen.

So im Rahmen der Aktivierung des Gerichtsverfahrens in der Strafprozessordnung einiger GUS-Länder wurden die Institutionen besonderer Verfahrensart der Gerichtsverhandlung eingeschlossen. Zum Beispiel, in der Kirgisischen Republik ist es Abschnitt 36–1 „Vereinfachte Ordnung der Gerichtsverhandlung und Gerichtsbeschlusserfassung bei der Zustimmung des Beschuldigten der erhobenen gegen ihn Anklage“.

In der vereinfachten Ordnung nach der geltenden Strafprozessordnung werden die Strafsachen über die leichte und mittlere Kriminalität verhandelt. Die Gesuche über die Verhandlung der Strafsache in vereinfachter Ordnung vom Beschuldigten und nur in der Anwesenheit des Verteidigers genommen. Auch die Gesuche können von dem minderjährigen Beschuldigten, Angeklagten, dabei nach der Beratung mit dem Verteidiger und in seiner Anwesenheit abgegeben werden. Falls in der Sache einige Beschuldigten anwesend sind, so muss man die Zustimmung von allen diesen Personen erhalten. Der Beschuldigte ist berechtigt, die Materialien nach der Strafe zur Kenntnis zu nehmen. Falls der Gericht festgestellt hat, dass die angegebenen unter Abs. 1 Art. 328–2 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik nicht eingehalten wurden, sowie bei den Widersprüchen des Angeklagten,

staatlichen oder privaten Anklägers, Geschädigten gegen die Urteilsberatung ohne Durchführung der Gerichtsverhandlung (Abs. 6 Art. 328–2 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik), so wird die Gerichtsverhandlung in allgemeinen Verfahren festgelegt.

Außerdem kann der Richter auf eigene Veranlassung den Beschluss über die Niederschlagung der Gerichtsverhandlung und über die Festlegung der Verhandlung der Strafsache in allgemeinen Verfahren erlassen (Abs. 6 Art. 328–3 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik). Dabei ist die Prüfung und Analyse der Normen, durch welche die Hauptbestimmungen vorliegender Prozessinstitution sowohl in der Kirgisischen Republik, als auch in den GUS-Ländern geregelt werden, lassen uns über einige Lücken sprechen.

So ist die reduzierte Prozedur der gerichtlichen Beweisaufnahme nach den Strafsachen, die von den minderjährigen Leuten ausgeführt wurden, gemäß der Strafprozessordnung von Belarus nicht anwendbar. Man muss denken, dass der Gesetzgeber von Belarus diesen Weg gewählt hat, weil der besondere Verfahrensablauf für bestimmte Kategorien der Personen vorgesehen ist. Und dieser Ablauf ist vor allem nach dem Schutz und der Überwachung ihrer Rechte und gesetzlichen Interessen gerichtet ist, und in diesem Fall ist es schwer, die Vereinfachung der Prozeduren unserer Meinung nach sich vorzustellen.

Außerdem müssen die Fragen über die Prüfung und Schätzung der Beweise nach den Sachen dieser Kategorie und das Stadium seiner Lösung erklärt werden. Nach der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik auf der Gerichtssitzung wird das „Miniermittlungsverfahren“ durchgeführt, danach wird der Beschluss erlassen (Einvernehmung, veröffentlichten die Zeugnisaussagen, Begutachten, Vornahme der Meinungen der Verteidiger, des staatlichen Ankläger Abs. 2 Art. 328³).

Darin, dass der Träger dieser Prozedur selbst das Gericht werden kann, schreibt und L. L. Sajtsewa: „... Das Gericht ist berechtigt vor den Seiten die Frage über die Zustimmung für die Durchführung der Beweisaufnahme in gekürzter Ordnung zu stellen. Dabei erklärt das Gericht, dass der Verzicht auf die Prüfung der Beweise zum Rechtsmitelausschluss oder zum Ausfall der Einlegung des

Widerspruchs gegen das Gerichtsurteil auf diesem Grund bringen kann. Der Beschluss über die gekürzte Ordnung der Gerichtsverhandlung kann das Gericht aufgrund des Gesuchs der Seiten oder einer der Seiten vornehmen kann“ [7].

Daneben muss man auf das mehrdeutige Verhältnis zur Rechtsinstitution „Einigung mit der Justiz“ von anderen Forschern der GUS-Länder hinweisen. Darüber sagen die vorgestellten Meinungen in vielen Arbeiten.

So K. B. Kalinowskij denkt, dass „Einigung des Schuldbekennnisses“ aus anderen „Einigungen“ besonders aufgrund der schweren Verbrechen sich nicht erweitern muss. Seine Meinung hat er mit den durchgeführten Meinungsumfragen von den Praktikern beweist [8, S. 88].

Der ziemlich ausgeprägte Gegner der Implementierung der Institution „Einigung mit der Justiz“ in den Strafprozess ist A. Q. Bachnowskij [9, S. 23].

Was den stellvertretenden Vorsitzenden des Ausschusses für Rechtmäßigkeit, Rechtsordnung und Kriminalitätsbekämpfung Schogorku Kenesch der Kirgisischen Republik E. Sakebajew betrifft, so betont er in dieser Frage, dass „bei der Realisierung der Gesetzbestimmungen der Kirgisischen Republik über die Vornahme der Änderungen und Ergänzungen in die Strafprozessordnung vom 24. März 2004 Nr. 4 die vereinfachte Ordnung der Gerichtsverhandlung und des Erlassens des Gerichtsbeschlusses unter Vorbehalt der Zustimmung vom Beschuldigten der erhobenen gegen ihn Anklage ist (Abschnitt 36 der Strafprozessordnung). Diese Prozessform ist ein neuer Muster des Strafprozesses und charakterisiert sich damit, dass der entscheidende Schritt erst in die Seite der Verstärkung vom Dispositivitätsanfang gemacht wurde, wenn der Inhalt der Gerichtsverhandlung und der Gerichtsurteil nach eigenen Parametern von den Ergebnissen der Gerichtsuntersuchung und von der Position der Willenserklärung des Beschuldigten (Angeklagten) abhängig gemacht werden [10]. S. A. Jesengulowa meint, dass der Erlass des Urteils vom Gericht ohne Durchführung der Gerichtsuntersuchung eine neue Institution für das kirgisische Strafgesetzbuch ist. Dank dieser Vereinfachung des Strafverfahrens werden die Kräfte und Geldmittel der Teilnehmer des Strafverfahrens gespart, entwickelt sich

die opferorientierende Justiz, wird die Anzahl der Konflikte in der Gesellschaft reduziert [11].

Man muss darauf hinweisen, dass an dieser Auffassung auch einige postsowjetische Länder festhalten. Darüber zeugen die vorgenommenen neuen Strafprozessordnungen (Ukraine, baltische Länder, Moldau usw.), sowie die neu entwickelnden Projekte der Strafprozessordnung der Republik Kasachstan und der Kirgisischen Republik.

Man muss darauf hinweisen, dass im Jahre 2004 Kirgistan versuchte, diese vereinfachte Ordnung der Sachverhandlung im Stadium des Gerichtsverfahrens bei der Zustimmung vom Beschuldigten der erhobenen gegen ihn Anklage einzuleiten. Aber diese Versuche waren nicht erfolgreich. Wir unterstützen die Meinung von U. Asimow, dass folgende Faktoren dieses begünstigten: „... *erstens*, bis heute entstehen die Zweifeln hinsichtlich der Unabhängigkeit der Gerichtsorgane. *Zweitens*, die ernsthaften Garantien der Rechte der Person, die zum Strafverfahren herangezogen wurde, fehlen, und zwar die Einhaltung ihrer Rechte auf die Vorstellung der Dienstleistungen vom Verteidiger nach eigenem Ermessen, nach eigener Wahl, das Recht, dass die Person zur geständigen Einlassung nicht gezwungen werden könnte. Diese „weiße“ Lücke der Strafprozessordnung, in derer die Regelung der Rechte, Pflichten, des Status der Person, die zum Strafverfahren herangezogen wurde, die noch nicht als Beschuldigter anerkannt ist, fehlen [6, S. 47].

Auf dieser Weise muss man darauf hinweisen, dass in Gegenwart verschiedene Formen der Prozessgeschäfte in den fremdsprachigen Ländern, die früher in der Arbeit genannt wurden, werden ziemlich aktiv von den postsowjetischen Ländern übernommen, aber mit dem Einschluss verschiedener Elemente unter Berücksichtigung der bestehenden Rechtssysteme. Der Beweis dazu ist die Inkraftsetzung des Föderalen Gesetzes der Russischen Föderation vom 29. Juni 2009, der Institution der vorgegerichtlichen Untersuchung, die heute durch die Normen der Strafprozessordnung der Russischen Föderation geregelt wird. Diese Rechtsinstitution als Verfahren nach der Vereinbarung über die Schuldanerkenntnis ist seit dem Jahre 2009 in die Strafprozessordnung von Georgien, Moldau und seit dem Jahr 2012 von der Ukraine eingeleitet.

Man muss festlegen, dass die Verschiedenheit der Prozesskulturen der Rechtssystemmodelle vollständig die Institution „der Eignung“ in „sauberer“ Form nicht kopieren lässt und es fordert vor allem die Transformation und Einleitung der Varianten der Rechtsinstitutionen „Einigungen“. So haben die Entwickler der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik gemacht. Sie haben die Institution „der Eignung“ auf drei Arten geteilt, und zwar: а) Prozessverfahren, б) Prozessvereinbarung über die

Zusammenarbeit, в) Prozessvereinbarung über den Prozessvergleich.

Man muss bemerken, dass bei der Realisierung dieser Vereinbarungen die Belastung auf die Tätigkeit der Rechtsschutzorgane und Richter im Rahmen der Forderungen des Strafprozesses gemindert wird. Dabei zweifellos wird in der Gesellschaft der „modernisierte“ Typ der Sozialverbindung gebildet, der schrittweise im neu geformten System des Strafprozessbereiches adaptiert wird.

References:

1. Issayeva K. A., Zheenaliyeva A. Z., Kamalova L. N., Dyusebayev T. T. Problems of Human Rights Ensuring and Standards of Unprejudiced Legal Proceedings in the Course of Development and Reforming of Criminal Procedure Legislation of the Kyrgyz Republic//The Social Sciences (Pakistan) 10 (9): 2278–2283, – 2015 ISSN: 1818–5800//<http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.2278.2283>
2. Isaeva K. A., Zheenaliyeva A. Z., Balymov E., Smoilov S. Debatable Questions Bound to Reorganization of Separate Procedural Institutes at the Stage of Pre-Judicial Production in the Conditions of Reforming of the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic//The Social Sciences (Pakistan) 10 (5): 660–665, 2015 ISSN: 1818–5800//<http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.660.665>
3. Исаева К. А. Проблемные аспекты реализации принципа состязательности и равноправия сторон в отдельных странах СНГ на современном этапе//Европейское научное обозрение – № 9–10. 2016.
4. Исаева К. А. Камалова Л. Н., Дюсебаев Т. Т., Шимеева Ж. Ш. Деятельность адвоката в механизме обеспечения прав и свобод личности в условиях состязательности уголовного процесса //Европейское научное обозрение – № 9–10–2016. – 10 с.
5. Issayeva K. A., Seylkhanova S. A., Oskenbay G., Dyusebayev T. T. Actual Problems of International Cooperation of Law Enforcement Agencies at Rendering of Legal Aid on Criminal Cases Connected with Organized Crime in the CIS Countries//The Social Sciences (Pakistan) 10 (7): 2115–2119, – 2015. ISSN: 1818–5800//<http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.2115.2119>
6. Азимов У. Стенограмма экспертного форума «Концептуальные вопросы реформирования уголовного судопроизводства Кыргызской Республики» от – 22 апреля – 2013. – С. 45–49.
7. Зайцева Л. Л. Сравнительный анализ реформирования уголовного судопроизводства Беларуси и России//Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: Материалы международной науч.-практ. конф. – Киев, – 2006. URL: <http://www.iuaj.net/>
8. Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: СПб., – 1999. – 126 с.
9. Бахновский А. В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Краснодар, – 2008. – 172 с.
10. Письмо-обращение на имя руководителя аппарата Президента Кыргызской Республики Нарынбаеву Д. И. от Комитета ЖК КР.
11. Есенгулова С. А. Письмо-предложение в Комитет по законности, правопорядку и борьбе с преступностью ЖК КР.

*Isajewa Klara Asangasyjewna,
Dr. iur., Professorin
Kirgisische Nationale Balasagin-Universität
Toktorow Tgemberdi Samidinowitsch,
Dr. iur., Dozent
Rektor der Osch-Gu-Rechtshochschule
Oskenbaj Gulmira, Dr. iur.
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

Problematische Aspekte der Anwendung von speziellen Psychologisch-pädagogische Kenntnisse im Strafverfahren der GUS-Länder bei der Teilnahme der minderjährigen Personen

Kurzbeschreibung: Im Artikel werden die aktuellen Probleme der Strafprozessgesetzgebung verhandelt, die mit der Rechtsregelung der Anwendung der psychologisch-pädagogischen Kenntnisse gegen die minderjährigen Personen verbunden sind.

Schlüsselwörter: unterliegende der Beweisführung Umstände, Rechtsregelung, Diagnostik, psycho-pädagogisches Begutachten.

Zweifellos sind die Rechte der minderjährigen Personen Schutzgegenstand seitens beliebigen Staates. Und deshalb ist es logisch, dass „... nach den Fragen über die Rechte der Frauen und Kinder hat Kirgistan zur Reihe der Konventionen beigetreten hat, und zwar: der Kinderrechtskonvention im Jahre 1993, der Ausschuss für Kinderrechte ist ein Vertragsorgan, die Überwachung der Erfüllung der Kinderrechtskonvention durchgeführt; im Jahre 2003 zur Kinderrechtskonvention, die Erste Konvention betraf die Kinderteilnahme an den bewaffneten Konflikten und die zweite Konvention betraf den Kinderhandel, die Kinderprostitution und Kinderpornographie; zur Konvention über die Beseitigung der Diskriminierung der Frauen im Jahre 1997, Ausschuss über die Beseitigung der Diskriminierung der Frauen ist ein Vertragsorgan, die Überwachung der Erfüllung der Beseitigung der Diskriminierung der Frauen durchgeführt; Kirgistan hat auch der Konvention über die Beseitigung aller Formen der Rassenverfolgung im Jahre 1997“ [1, S. 2228].

Unbedingt umfassen nämlich die persönlichen Rechte und Freiheiten in den Verfassungen der GUS-Länder die ganze Reihe der grundlegenden Aspekte, jeweils nur komplexweise gleich wichtig ist, zusammen bilden sie das einheitliche System,

welches sich mit dem Verstehen der Stelle der Person in der verhandelnden Rechtsinstitution identifiziert [2, S. 338].

Es ist zu betonen, dass für die Verbrechenuntersuchung beim Ermittlungsführer der Mangel der beruflichen Kenntnisse festgestellt werden kann. Deshalb ist er gezwungen, die Hilfe der Fachmänner und Experten anzurufen, um die Beweise nach der Sache festzustellen, zu sichern und zu ziehen, einschließlich über die Feststellung des Alters von der minderjährigen Person. Und wie ist es richtig betont, „... um den Alter der minderjährigen Person festzustellen, muss ihr Alter nicht nur chronologisch, sondern auch psychologisch bestimmt werden, aber es ist aktuell nur unter Bedingungen, wenn einerseits erfolgt die Akzeleration der minderjährigen Personen, und andererseits erfolgt der Entwicklungsrückstand der Jugendlichen. Es ist nicht zufällig, dass in der Rechtssprechung die Situationen nicht selten entstehen, aufgrund derer das gerichtsmedizinische Gutachten für die Feststellung des Alters der minderjährigen Person erforderlich ist“ [3, S. 92].

Wir teilen die Meinung, dass unter spezielle Kenntnisse „die nicht rechtlichen Kenntnisse in verschiedenen Tätigkeitsbereichen gedeutet werden müssen, welche im Rahmen der beruflichen Bildung erhalten

wurden, und zwar: Theoriekenntnisse, Fähigkeiten und Fertigkeiten, die von den Teilnehmern des Zivil-, Arbitrage-, Verwaltung und Strafverfahrens für die Feststellung der unterliegenden der Beweisführung Umstände nach der bestimmten Sache gemäß der Prozessgesetzgebung angewandt werden“ [4, S. 69].

L. A. Miftachowa sondert vier Formen der Realisierung der psychologischen Kenntnisse im Strafprozess ab: Durchführung des psychologischen Gerichtsgutachtens, Teilnahme des Psychologen an den Ermittlungs- und Gerichthandlungen; Teilnahme des Psychologen, der dem Pädagogen alternativ ist, am Prozesshandlungsverfahren gegen minderjährige Personen; Erteilung der Auskunft und Beratungen nach den Fragen, die zur beruflichen Kompetenz des Psychologen gehören [5, S. 13–14].

Die Strafprozessgesetze der Republik Kasachstan und der Kirgisischen Republik im Abschnitt 52 und im Abschnitt 44 zwischen den Teilnehmern der Einvernehmung des minderjährigen Verdächtigten (Beschuldigten) nennen den Pädagogen und Psychologen. In dem Art. 396 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik und Art. 488 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik werden die Fälle der pflichtigen und fakultativen Heranziehung zur Ermittlungshandlung der genannten Personen bestimmt.

Die Figur des Pädagogen, der an der Einvernehmung der minderjährigen Personen teilnimmt, sind die Gegenstände der wissenschaftlichen Streite hinsichtlich seines Rechtsstatus [6, S. 266].

Einzelne Wissenschaftler meinen, dass es ist absolut unrichtig ist, den Pädagogen, der vom Ermittlungsführer auf die Einvernehmung eingeladen wird, mit dem Spezialisten, dessen Teilnahme gemäß der Strafprozessgesetzgebung der kirgisischen Republik und der Republik Kasachstan vorgesehen sind, zu identifizieren. Aber diese Position wurde wahrscheinlich mit der gesetzgebenden Widersprüche in der Regelung der Tätigkeit vom Spezialisten und Pädagogen begründet.

Die Neueinführung der Strafprozessordnung der Russischen Föderation, Kasachstans und Kirgistans beseitigen, obwohl nicht vollständig, einzelne Problemomente.

Die Analyse der Vorschriften des Strafprozessgesetzes der genannten Länder lässt konstatieren, dass der Gesetzgeber den Kreis der gelösten vom Spezialisten Aufgaben beschränkt hat, was den

Erfahrungsbedürfnissen nicht entspricht. Absolut richtig schreiben darüber W.W. Stepanow, J.W. Strechtsowa, dass „es zweifellos ist, dass der Pädagoge oder Psychologe ein Träger der speziellen Kenntnisse ist. Und sie werden zur Einvernehmung als Spezialisten herangezogen“ [6, S. 266].

Die Teilnahme des Pädagogen an den Normen der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik (Art. 64, 396) ist nur in der Einvernehmung vorgesehen, abgesehen davon, dass in der wissenschaftlichen Literatur nicht einmal auf die Zweckmäßigkeit ihrer Teilnahme an der Einvernehmung und an anderen Ermittlungshandlungen, die die Elemente der Einvernehmung — Gegenstellung — haben, an der Prüfung der Angaben am Ort, an der Vorlegung für die Identifizierung. Die gesetzgebende Regelung der Teilnahme des Pädagogen (Psychologen) an der Einvernehmung der minderjährigen Personen lässt auch konstatieren, dass der Umfang und die Rechtsregelung der Teilnahme der genannten Personen sich abhängig von dem Prozessstatus des einzuvernehmenden Jugendlichen und seinem Alter unterscheiden.

W.W. Stepanow, J.W. Strechtsowa vermuten, dass z. B. der Abs. 1 Art. 58 der Strafprozessordnung der Russischen Föderation mit den Worten „für die Unterstützung bei ihrer (*Prozesshandlungen*) Ausübung...“ ergänzt werden muss“ [6, S. 267].

Wie zeigt die Analyse verzichtete der Gesetzgeber der Republik Kasachstan auf die Absonderung im Abschnitt 24 der Strafprozessordnung der Republik Kasachstan, in welchem die Allgemeine Bedingungen der Vorermittlung vorgesehen sind, einzelner Theorie über die Teilnahme des Spezialisten. Dabei beschränkte er sich damit, dass im Art. 84 der Strafprozessordnung der Republik Kasachstan nicht nur des Begriffs Spezialist vollständig erklärt, sondern auch im Abs. 2, 3 und 4 der genannten Norm seine Rechte und Pflichten bei dem Strafprozessverfahren regelt.

Im Unterschied von der Strafprozessgesetzgebung der Russischen Föderation und Kirgisischen Republik, wo die Teilnahme des Spezialisten durch getrennte Norm im Abschnitt 22 (Art. 168 Strafprozessgesetzgebung der Russischen Föderation und Art. 174 Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik).

Deshalb aufgrund der Dargelegten stellen wir fest, dass die Änderungen und Ergänzungen in den Abs. 1 Art. 84 der Strafprozessgesetzgebung der Republik Kasachstan zweckmäßig gemacht werden müssen und der Art. 174 Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik Abs. 2 mit folgendem Inhalt ergänzt werden muss:

„Bei der Vorbereitung der Ermittlungs- und Prozesshandlungen bei der Teilnahme der minderjährigen Person oder der volljährigen Person, aber welche die psychische Störung hat oder psychisch zurückbleibt, ist die Teilnahme des Spezialisten im Bereich der jugendlichen Psychologie oder Pädagogik pflichtig ist. Als Spezialist kann auch der Arzt sein, der an den Ermittlungs- und Prozesshandlungen teilnimmt, außer der Fälle seiner Ernennung als Spezialist“.

Die Änderungen dieser Weise in der Kirgisischen Republik könnten etwas der Einheitlichkeit der Rechtsprechung bei ihrer Anwendung begünstigen und für die Teilnahme des Pädagogen (Psychologen) an anderen Ermittlungshandlungen die Rechtsbasis, Möglichkeit der Teilnahme der Spezialisten im Bereich der Kinder- und Jugendpsychologie bei der Vorbereitung und Durchführung der Ermittlungshandlungen nach Ermessen des Ermittlungsführers bilden.

Einzelne Autoren vorschlagen, den Prozessstatus des Psychologen und Pädagogen zu erweitern, mit ihrem Recht auf die Eintragung ins Einvernehmungsprotokoll der Bemerkungen über die festgestellten Verletzungen der Rechte und gesetzlichen Interessen des Jugendlichen [7, S. 40]. Gleiche Vorschläge, wie kann man vorstellen, stehen im bestimmten Widerspruch gegen Bestimmung des Pädagogen und Psychologen bei der Einvernehmung. Mehrere Wissenschaftler anerkennen unter Teilnahme des Pädagogen (Psychologen) an der Einvernehmung die zusätzliche Prozessgarantie, die aber seine „Rechtsschutzfunktion“ nicht bedeutet, auf welche S.A. Scheifer einmal hingewiesen hat [8, c. 56].

Verhandelnd die Teilnahme des Pädagogen (Psychologen) an der Einvernehmung der minderjährigen Person als eine der Verwendungsarten der speziellen Kenntnisse bei der Verbrechenuntersuchung ist es augenfällig, dass sie nicht fähig sind, aufgrund der vorhandenen Kenntnisse die Verletzungen der Prozessrechte und gesetzlichen Interessen des einzuvernehmenden minderjährigen

Jugendlichen festzustellen. Es ist die Funktion des Rechtsanwaltes, dessen pflichtige Teilnahme an dem Verfahren nach den Sachen der minderjährigen Personen imperativ im Gesetz festgestellt ist, und teilweise zum gesetzlichen Vertreter gehört. Wie ist es vorgestellt, ist die Aufgabe der Teilnahme vom Pädagogen (Psychologen) an der Vermittlungshandlung gemäß der allgemeinen Regel besteht in der Mitwirkung dem Ermittlungsführer bei der Feststellung und Beschlagnahme der Beweise.

Deshalb können wir nicht die Meinung von O.J. Skitschko teilen, der zu den Aufgaben des Pädagogen, der an der Einvernehmung teilnimmt, die Aufgabe des Rechtsschutzes der minderjährigen Person hinbringt [7, S. 40].

Diese Zusammensetzungen unserer Meinung nach sind Ergebnisse des Wegfalls der deutlichen Position in der Rechtsregelung der Ziele, für welche der Pädagoge (Psychologe) eingeladen wird.

Diese Lage wirkt auch bei der Ermittlung der Strafsachen. Die praktischen Mitarbeiter ziehen sehr selten zur Teilnahme an der Einvernehmung des Pädagogen heran. Einige von den abgefragten von uns Ermittlungsführer sagen, dass die Abwesenheit des zusätzlichen Teilnehmers der Ermittlungshandlung dem Gespräch mit dem Jugendlichen verhindert [9, S. 110].

Die Ergänzung des Art. 391 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik mit dem Abschnitt 2, und entsprechend Abs. 4 Art. 530 der Strafprozessordnung der Republik Kasachstan ist zweckmäßig, und sie müssen folgenderweise dargelegt werden: „Bei der Vorbereitung und Ausübung der Ermittlungs- und anderer Prozesshandlungen bei der Teilnahme der minderjährigen Personen haben der Staatsanwalt, Ermittlungsführer, Untersuchungsführer Recht nach eigener Initiative zur Teilnahme an diesen Handlungen den Psychologen oder Pädagogen für die Unterstützung bei der Prüfung dieser Personenkategorie, für die Kontaktaufnahme mit diesen Personen, Formulierung der Fragen, der an der minderjährigen Person gestellt sind, Fixierung seiner Beweisaussagen sowie für die Lösung anderer Fragen, die spezielle Kenntnisse aufgrund der psychologischen Besonderheiten der minderjährigen Personen brauchen, heranzuziehen“ [10, S. 10].

Aus den Artikeln 193 und 195 und 395 der Strafprozessordnung der kirgisischen Republik und

dem Art. 488 der Strafprozessordnung der Republik Kasachstan ist bemerkbar, dass die gegenwärtigen Gesetzgeber Kirgistans und Kasachstans auch keine deutliche Position nach dieser Frage haben.

Das Fehlen der Bestimmtheit in den Funktionen des Pädagogen (Psychologen) bringen dazu, dass wenn während der Einvernehmung der minderjährigen Personen auf sich die Funktionen des Ermittlungsführers übernimmt und die Ermittlungshandlung ausübt, so entsteht der Extremfall während der Einvernehmung der minderjährigen Personen — der Pädagoge (Zeuge), der mit seiner Unterschrift im Protokoll die Richtigkeit der gemachten von dem Ermittlungsführer Eintragungen bestätigt.

Außerdem ist die Position ganz richtig, dass es unmöglich ist, „... ohne Diagnostik der psychologischen Hauptangaben, die möglichen Konflikt beweisen, die Handlungen auszuüben. Nicht nur die Situation selbst der Verhältnisse, die zwischen den Teilnehmern der Ermittlungshandlung entstehen, muss diagnostiziert werden, sondern auch das voraussichtliche Benehmen der einzunehmenden, untersuchenden und anderer Person. Die voraussichtliche der möglichen Varianten des Benehmens von den genannten Personen kann im Stadium der Vorbereitung zur Ermittlungshandlung erfolgen und im Laufe des Verfahrens korrigiert werden“ [10, S. 22–23].

Wie ist in der Literatur angegeben, müssen die psychologische Kenntnisse auch zur Prüfung der Persönlichkeit der minderjährigen Verdächtigten, Beschuldigten in Form der Anrufung die Schulpsychologen, speziellen Psychologen der sozialen Rehabilitationszentren für Minderjährige herangezogen werden.

In der Literatur ist das erfolgreiche Praktikum der Anrufung der Unterstützung seitens der Schulpsychologen angegeben [11, S. 213]. Andere Form der Anwendung der speziellen Kenntnisse nach dieser Kategorie der Strafsachen ist das Gerichtsgutachten. Bei der Anordnung des Gutachtens muss man verstehen, welche neue bedeutende Information der Ermittlungsführer erhalten kann.

Die Gründe für die Anordnung des psychologischen Gerichtsgutachtens sind zwei Gruppen der Faktoren. Die erste Gruppe gehört zur Persönlichkeit des minderjährigen Beschuldigten, den Bedingungen seiner Entwicklung und Erziehung,

dem Benehmen nach der Tötung, die zweite Gruppe gehört zum Charakter der ausgeführten Tat.

Hinsichtlich der letzten zwei Gründe und Möglichkeit der Klärung dieser Fragen in der kriminal- und psychologischen Literatur gibt es zwei verschiedene Meinungen.

So meint W. W. Strebisch, dass das psychologische Gerichtsgutachten für die Feststellung des psychologischen Motivs der Handlungen des minderjährigen Verbrechers, für die Analyse der Besonderheiten seiner Begründungen, besonders bei der Ermittlung der schweren Verbrechenstaten, die von der Gruppe gemacht wurden, angeordnet werden muss. Seiner Meinung nach gehört die Feststellung des Verbrechensmotivs zur Kompetenz des Psychologen als Experten [12, S. 62]. Diese Meinung unterstützen andere Wissenschaftler und Praktiker [11, S. 213].

Andere sind gegen diese Meinung. Das Motiv und Ziel der Person, die die Straftat ausgeführt hat, können nicht zum Gegenstand des psychologischen Gerichtsgutachtens gehören, weil sie durch die Untersuchung der Sachspuren des Benehmens und subjektiven Angaben, die vom Beschuldigten erhalten wurden, festgestellt werden, was keine Anwendung der Kenntnisse der allgemeinen und gerichtlichen Psychologie auf dem Niveau vom Experten braucht [13, S. 16].

Die Anfechtbarkeit der ersten Position besteht in dem unrichtigen Verstehen der Bedeutung und Rolle des psychologischen Gerichtsgutachtens. Zweifellos haben die Autoren Recht, dass die Lösung dieser Frage im Bereich der wissenschaftlichen Begründung gesucht werden muss, einschließlich durch die Heranziehung der Angaben der allgemeinen und gerichtlichen Psychologie, aber nicht im Bereich des Gerichtsgutachtens [13, S. 17]. Die Rolle des psychologischen Gerichtsgutachtens besteht darin, dass es die vielseitige Charakteristik der Persönlichkeit des Beschuldigten geben kann, ohne Untersuchung dieser Persönlichkeit ist es ziemlich schwer nach einzelnen Kategorien der Strafsachen das Motiv der Straftat zu bestimmen.

Gleicher Weise muss man die Frage und bei der Untersuchung des Grundes der Ungenauigkeit lösen.

Deshalb ein der pflichtigen gestellten dem Psychologen-Experten Fragen ist die Frage über die *individuellen psychologischen Besonderheiten des minderjährigen Beschuldigten*.

Bei der Ermittlung der Kapitalverbrechen mit der Teilnahme der minderjährigen Personen, die, in der Regel, von der organisierten Verbrechensgruppe ausgeführt wurden, entstehen die wesentlichen Schwierigkeiten, die mit der Feststellung der Struktur dieser Gruppe verbunden sind, mit der Festlegung der Besonderheiten der Verhältnisse zwischen ihren Teilnehmern, sowie mit der Bestimmung der bestimmten Rolle von jedem Teilnehmer dieser Verbrechensgruppe in verschiedenen Episoden. Wie zeigt die Analyse, die Unterstützung der Rechtspflege- und Gerichtsorgane bei der Lösung der genannten Fragen besteht in der richtigen Anordnung und Durchführung des psychologischen Gerichtsgutachtens.

Aber nicht alle Autoren unterstützen diese Meinung. Einige wissenschaftliche haben negative Meinung über diese Forschungen. [14, S. 6].

Wir teilen die Meinungssicht von N.N. Kitajew, w.N. Kitajewa [15, S. 101–102], die die Meinung der oben genannten Autoren analysieren. Dies wird mit dem Kreis der Fragen bestätigt, die bei der psychologischen Analyse der organisierten Verbrechensgruppe der minderjährigen Personen gelöst werden können. So der Psychologe (Gutachter) kann bestimmen: **a)** individuelle psychologische Besonderheiten des bestimmten Teilnehmers der Gruppe, dessen Wirkung den Status in der Gruppe und das Benehmen jeden von diesen Teilnehmern in einer oder anderer Situation bestimmt; **b)** Festlegung der Motive der Teilnehmer von der Verbrechensgruppe und ihre Richtung; **c)** Bestimmung der sozial-psychologischen Charakteristik der Struktur der Verbrechensgruppe; **d)** Modellbau und -Voraussicht des möglichen Musters vom Benehmen der Teilnehmer der Verbrechensgruppe aufgrund ihrer individuellen psychologisch-physiologischen Besonderheiten im Moment des Verbrechensanschlags und danach.

Die Lösung dieser Fragen lässt die Teilnehmer der Verbrechensgruppe richten und ausführlich ihre Funktionen trennen und die Rolle der minderjährigen Person, die die Verbrechenstat in der Gruppe ausführt, konkretisieren. So gemäß den Normen der Strafgesetzgebung muss man feststellen, ob der Teilnehmer der Verbrechensgruppe als ihr ständiges Mitglied oder Organisator ist. Die nicht ausreichende Differenzierung der Rolle der minderjährigen Person in dieser Gruppe erschwert die Qualifizie-

rung der ausgeführten Verbrechenstat und bringt zu den wesentlichen Fehlern im Ermittlungs- und Gerichtspraktikum.

Letzte 15–20 Jahre führen die Psychologen auch die Forschungen in der Rechtswissenschaft durch, aufgrund derer kann man über die Zweckmäßigkeit der Untersuchung der Unterschiede zwischen den Frauen und Männern sprechen. Aufgrund des Dargelegten folgt, dass ein der Kriterien der Durchführung des psychologischen Gerichtsgutachtens das Geschlechtszeichen ist, so muss man das Gutachten der Männer und das Gutachten der Frauen durchführen. Man kann die gegenwärtigen Tendenzen der Forschungen beobachten, was durch die statistischen Angaben über die Erscheinung der diagnostizierten psychologischen Gerichtsgutachten sowohl der jungen Frauen, als auch der jungen Männer bewiesen wird [16, 17].

Die durchgeführte Untersuchung nach dieser Frage lässt uns über einzelne psychologische Aspekte sagen, die auf die Bildung der Persönlichkeit, Besonderheiten der psychologischen Entwicklung der Männer im Vergleich zu den Mädchen wirken [16, S. 10–20]. Was zweifellos die Erfassung der psychologischen Besonderheiten bei der Ausübung der Prozesshandlungen fordert, einschließlich müssen die Grenzen der zulässigen Benutzung der psychologischen Mittel der Mitwirkung zusammen mit den nicht traditionellen Methoden festgestellt werden.

Aufgrund der Dargelegten sowie der Erhöhung der Effektivität der Strafgesetzgebung der Kirgisischen Republik auf ihrem Konzeptniveau unserer Meinung nach ist zweckmäßig:

1. Den Artikel 396 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik in folgender Fassung dargelegt werden muss:

1. Bei der Ausübung der Prozesshandlungen bei der Teilnahme des minderjährigen Verdächtigten, Beschuldigten, der noch nicht sechzehn ist, oder diesen Alter schon erreichen hat, aber die psychischen Störungen hat oder psychisch zurückbleibt, ist die Teilnahme der Pädagoge oder Psychologe erforderlich.

2. Nach den Strafsachen mit der Teilnahme der Personen, die schon den sechzehnjährigen Alter erreichen haben, ist der Pädagoge oder Psychologe zur Ausübung der Prozesshandlungen nur aufgrund der Genehmigung des Ermittlungsführers, Staats-

anwalts oder aufgrund des Antrags des Verteidigers, gesetzlichen Vertreters zulässig.

3. Der Pädagoge, Psychologe sind berechtigt aufgrund der Genehmigung des Ermittlungsführers und Staatsanwalts diese Fragen dem minderjährigen Verdächtigen, Beschuldigten zu stellen, und nach der Ausübung der Prozesshandlung das Protokoll der ausgeübten Prozesshandlung kennenzulernen und die schriftlichen Bemerkungen über die Richtigkeit der Eintragungen im Protokoll zu machen, sowie sind berechtigt, aufgrund des Ermittlungsführers die Materialien, die zur Charakteristik der Persönlichkeit der minderjährigen Person gehört, kennenzulernen.

Diese Rechte muss der Ermittlungsführer dem Pädagogen und Psychologen vor der Ausübung der Prozesshandlung erläutern, darüber muss der Vermerk im Protokoll der Ermittlungshandlung stehen.

4. Die festgestellte durch den Ersten, Zweiten und Dritten Abschnitt vorliegenden Artikels Ord-

nung erweitert sich auf die Ausübung der Prozesshandlungen bei der Teilnahme des minderjährigen Angeklagten“.

2. Auch muss man gesetzlich gemäß der Strafprozessordnung Kasachstans, im Abschnitt 44 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik die Normen, durch welche deutlich die Anordnung des psychologisch-psychiatrischen und psychologischen Gutachtens der minderjährigen Person (Art. 489 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik), die Einlieferung der minderjährigen Person in der Sonderanstalt (Art. 490 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik), Aussonderung der Sache über die minderjährige Person in einzelnes Verfahren (Art. 483 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik), sowie Einhaltung solchen Prinzips wie „Beschränkung der Öffentlichkeit nach den Sachen der minderjährigen Personen“ (Art. 482 der Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik) geregelt wird, vorsehen.

References:

1. Issayeva K. A., Zheenaliyeva A. Z., Kamalova L. N., Dyusebayev T. T. Problems of Human Rights Ensuring and Standards of Unprejudiced Legal Proceedings in the Course of Development and Reforming of Criminal Procedure Legislation of the Kyrgyz Republic//The Social Sciences (Pakistan) 10 (9): 2278–2283, – 2015. – ISSN: 1818–5800//<http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.2278.2283>
2. Исаева К. А., Дюсебаев Т. Т., Воронцова И. Н., Каженова А. С. Права и свободы личности: современные аспекты содержания//В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 9th International symposium. – 2016. – С. 337–346.
3. Isaeva K. A., Abdukarimova N. E., Oskenbai G., Vorontsova I. N. Die Eigenschaften des Beweisgegenstandes in den Sachen über die Jugendstraftaten Laut Gesetzgebung der Kirgisischen Republik//В сборнике: The Ninth International Scientific Conference on Private and Public Law Proceedings of the Conference. Orzechowska K. (Ed.). – 2015. – С. 88–100.
4. Шапиро Л. Г. Специальные знания в судебной экспертизе/Л. Г. Шапиро, В. В. Степанов//Судебная экспертиза. – 2004. – № 1. – 66–69.
5. Мифтахова Л. А. Проблемы участия психолога в уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уфа, – 2001. – 222 с.
6. Степанов В. В., Стрельцова Е. В. Участие специалиста в допросе несовершеннолетнего//Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции. – Часть 2. – Уфа, – 2003. – С. 265–270.
7. Скичко О. Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: Саратов, – 2005. – 222 с.
8. Следственные действия. Система и процессуальная форма/Шейфер С. А. – М.: Юрлитинформ, – 2001. – 208 с.
9. Гуковская Н. И. Участие третьих лиц в допросе несовершеннолетнего обвиняемого//Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 21. – М., – 1974. – С. 110.
10. Исаева К. А. Теоретические аспекты «конфликтного следствия»//Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2012. – Т. – 12. – № 12. – С. 21–25.

11. Цымбал В. И. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних в психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Следственная практика. Вып. 1. – М., – 2004. – С. 212–215.
12. Стребиж В. В. Использование эксперта при подготовке судебно-психологической экспертизы несовершеннолетний // Тактика и психология взаимодействия следователя и эксперта. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, – 1989. – С. 61–65.
13. Петелин Б. Роль эксперта в установлении мотива преступления // Советская юстиция. – 1974. – № 8. – С. 15–17.
14. Исаенко В. Организация расследования серийных убийств // Законность. – М., – 1999, – № 2. – С. 2–7.
15. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Монография / Китаев Н. Н., Китаева В. Н. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, – 2002. – 432 с.
16. Исаева К. А. Тактические особенности допроса женщин – подозреваемых и обвиняемых: автореф. канд. юрид. наук: 12,00,09. – Москва, – 1995.
17. Камалова Л. Н. Следственные действия в свете современных психологических исследований: автореф. дис. ... канд. юриди. наук: 12.00.09. – Бишкек, – 2011. – 27 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-71-76>

*Saliev Almambet Abdimalipovich,
Deputy Head of the Department of Defense,
Law and Order and Emergency Situations
of Government Office of the Kyrgyz Republic
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

To the matter of implementation of fundamental principles in the field of criminal proceedings in particular European countries in the modern period

Abstract: this article provides an overview of main problematic aspects that affect the implementation of basic principles of criminal proceedings by the example of particular European countries in the modern period.

Key words: criminal procedural system, principles of criminal procedure, legal system, judicial proceeding.

*Салиев Алмамбет Абдимиталипович,
Заместитель заведующего отделом обороны,
правопорядка и чрезвычайных ситуаций Аппарата
Правительства Кыргызской Республики
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

К вопросу о реализации основополагающих принципов в сфере уголовного судопроизводства в отдельных странах Европы на современном этапе

Аннотация: В статье рассмотрены основные проблемные аспекты затрагивающие вопросы реализации основных принципов уголовного судопроизводства на примере отдельных стран Европы в современный период.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная система, принципы уголовного процесса, правовая система, судебное разбирательство.

В настоящий период в зарубежных странах сама содержательная сторона уголовно-процессуального права, иерархия и виды его источников характеризуются существенным многообразием, обусловленные различными специфическими факторами, которые оказывали и продолжают оказывать влияние на формирование и развитие правовых систем в целом, в том числе в странах СНГ. Логично, что нет стран, где бы они руководствовались абсолютно одинаковыми предписаниями уголовно-процессуальных кодексов, регулирующие действия конкретных законодательных институтов.

Но при этом, их можно сгруппировать исходя из схожих подходов к регулированию уголовно-процессуальных институтов, к толкованию круга правовых источников и их оценки и т. д.

Следует отметить, что в Европе традиционно выделяются две исторически сложившиеся правовые системы. Во-первых, это страны с англосаксонской правовой системой, и, во-вторых, страны с континентальной правовой системой.

К первой группе, с англосаксонской правовой системой, относятся: Северная Ирландия, Соединенное Королевство Великобритании. Специфичность уголовно-процессуальной системы, заключается в том, что в данном случае особая роль отводится так называемым нормам неписанного права, о чем свидетельствуют своеобразное формирование деталей механизма, обуславливающие определенные основополагающие положения и нормы данного права. К таким нормам (*unwritten law, common law, case law, или judge made law*), относятся сформировавшиеся на основе решений королевских судов по конкретным делам нормы и принципы английского общего права и нормы судебного права, сложившиеся и продолжающие складываться под воздействием судебной практики [1, С. 45].

Ко второй группе относятся страны континентальной Европы (Германия, Франция), где не единственным, но основным источником уголовно-процессуального права является УПК. Но при этом, излагая в УПК исчерпывающую регламентацию судопроизводства по уголовным делам, существенная часть положений, касающаяся прав

человека в области уголовного процесса, получила свое закрепление в конституциях этих стран. Отличительной особенностью УПК этих стран является их стабильность и то, что судебные прецеденты в континентальной Европе, как правило, не имеют доминирующего значения. Указанным странам также присуще обязательное применение судами и другими органами норм, которые содержатся в международных документах, в особенности относительно прав и свобод человека.

Вместе с тем, анализ различных источников показывает, что в ряде стран с англосаксонской системой права, наблюдается процесс возрастающего влияния в сфере уголовного судопроизводства писаного права. При этом значение и роль общепризнанных норм международного права и принципов уголовного процесса в целом, в таких странах проявляются по-разному. К примеру, одни страны безоговорочно применяют такие нормы и принципы, другие же, считают их обязательными лишь в том случае, если они нашли свое отражение в положениях внутреннего законодательства, либо признаются судами, что существенно влияет на содержание и форму источников уголовно-процессуального права [2, С. 84].

Необходимо обратить внимание, что при наличии большего спектра стандартных принципов уголовного процесса, признаваемых во всех правовых системах государств Европы, их толкование содержания порой неоднозначно. Ярким свидетельством этого является как: право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, гласность судебного разбирательства и т. д. На сегодняшний день, такой процессуальный институт, как право обвиняемого на защиту, провозгласили во многих международных актах и практически во всех конституциях Европейских стран и по мере его реализации и обеспечения судят, как о демократичности уголовного процесса, так и политической составляющей конкретного государства.

Поэтому не случайно некоторыми авторами стран СНГ, говоря о современных аспектах содержания прав и свобод личности, подчеркивают что «... в ходе длительного противостояния между

личностью и властью происходит поиск наиболее оптимальной модели их взаимоотношений, под воздействием этого менялся и объем прав и свобод граждан государств. И это сложнейшая вечная проблема остается и на сегодняшний день неразрешенной по целому ряду причин и объективного и субъективного характера» [3, С. 338].

Наиболее «животрепещущим» вопросом, как для богатых, так и для бедных государств, встает материальный аспект обеспечения этого права. Практически все современные государства стремятся к состязательной модели уголовного судопроизводства, которая требует, чтобы юридическая помощь была доступна всем без исключения гражданам, и сторона защиты могла формировать равнозначное «адвокатское досье» финансируемое за счет государственного бюджета. В этой связи прав А. В. Чумаков, который пишет о том, что: «... данной стороне необходимо изыскивать средства не только для оплаты труда защитника, но и для покрытия расходов по поиску свидетелей и обеспечению встреч с ними, выявлению письменных и вещественных доказательств, по выплате вознаграждения частным детективам, экспертам и т. д. Без средств такого рода полноценная защита по целому ряду дел будет неосуществима. Но нехватка их осуществляется всюду, даже в самых благополучных в экономическом отношении странах Западной Европы. И данное обстоятельство вынуждает считать проблему реального обеспечения права на защиту не решенной полностью как для англосаксонского, так и для континентального судопроизводства» [4, С. 50].

Справедливо подчеркивается, что «... с момента распада социалистической системы, в странах СНГ возникла необходимость построения самобытных, уникальных правовых систем, где в основу были бы положены принципы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, особенно в сфере уголовно-процессуальных отношений. Закономерно, что правительства стран СНГ, старались минимизировать негативные последствия проводимых и планируемых правовых реформ, для чего внимательно изучались нюансы структуры права уже устоявшихся государств и были предприняты попытки имплементации ряда положений из зарубежного законодательства» [5, С. 130]. И как ука-

зывает профессор К. А. Исаева, одним из таких направлений, является внедрение состязательности уголовного процесса широко распространенный в странах дальнего зарубежья [6].

Также группой ученых, в этой связи отмечается «... о необходимости пересмотра целого ряда институтов, препятствующих реализации данного конституционного принципа, что потребует слома всей структуры правоохранительных органов, что сделать на сегодняшний день достаточно сложно» [7, С. 2280].

Что касается принципа презумпции невиновности, то он закреплен в ч. 2 ст. 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», которое получило свое неофициальное название Европейская Конвенция прав человека (далее ЕКПЧ), где закреплено, что: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом» [8]. Также данный принцип нашел свое отражение в таких международных документах о правах человека, как: Международный пакт о гражданских и политических правах, Всеобщая декларация прав человека, Африканская Хартия прав человека и народов, но толкуется он во всех перечисленных документах не однозначно [9].

Причем существенные различия можно увидеть и при анализе законодательных актов и в правоприменительной практике отдельных государств. Так, согласно Конституции Италии ч. 2 ст. 27 по содержанию аналогично формулировке принципа презумпции невиновности изложенной в ЕКПЧ, но при этом уголовно-процессуальное законодательство данной страны допускает отдельные отступления из общепризнанного правила.

Например, законодатель может перенести бремя доказывания на самого обвиняемого в случае если он утверждает о наличии о него алиби. Кроме того, его при этом ограничивают жесткими условиями: законодательство обязывает представить обвиняемого доказательства, подтверждающие его алиби, не позднее, чем за семь дней до начала судебного разбирательства. В случае же непредставления их в указанный срок лишает его возможности исправить свою оплошность в ходе

судебного разбирательства, и в случае если ему не удастся показать, что предлагаемые вниманию суда доказательства алиби являются вновь открывшимися (они стали известны обвиняемому по истечении требуемого срока или в ходе судебного разбирательства) [10].

В соответствии же с УПК Бельгии действие презумпции невиновности не распространяется полностью на уголовные дела с «формальным составом преступлений», эти деяния связанные с нарушением или несоблюдением каких-то конкретных, предусмотренных в нормативных актах правил [11]. Основанием так называемых, «формальных преступлений», являются протоколы, составляемые сотрудниками судебной полиции, показаниям которых законодательством придается особое доказательственное значение. С целью недопущения на основании такого протокола осуждения, обвиняемый должен представить необходимые доказательства, опровергающие содержащиеся в данном протоколе утверждение о допущенном нарушении правил [12].

Может иметь место и различные варианты трактовки данного принципа. Примером может служить ее формулировка в ст. 9 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., который гласит: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом».

Судя по цитате данное Ф. Арданом следует, что основное внимание в данном случае уделяется именно по недопустимости обращаться с обвиняемым как с осужденным, т. е. приоритет отдается соблюдению гарантии прав личности в ходе судопроизводства, а не на последующих признании виновным, либо бременем доказывания, как предусмотрено согласно УПК Кыргызской Республики.

Так, в соответствии со ст. 15 УПК КР презумпция невиновности, в большей степени основывается на правилах доказательственного права, о чем свидетельствует ее содержание

Неоднозначен подход в Европейских странах и к такому принципу, как гласность судебного разбирательства, хотя наряду с другими принципами, он преимущественно нашел свое отражение

в Конституциях этих государств, а также в отдельных международных документах.

Следует отметить, что страны Европы с континентальной правовой системой после ратификации ими ЕКПЧ, исходя из интересов правосудия, придерживаются определенных правил, но в целом, изложенная в ст. 6 Конвенции формулировка, осталась расплывчатой о чем свидетельствует ее содержание: «судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или его часть по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также, если это требуется в интересах несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

Но, нельзя не обратить внимание, что в кыргызский законодатель не дает исчерпывающий перечень обстоятельств, определяющий пределы гласности, при которых суд может ограничить ее. В соответствии с трактовкой ч. 2 ст. 22 УПК КР (Гласность судебного разбирательства) «закрытое судебное разбирательство допускается по мотивированному определению суда или постановлению судьи также по делам о половых и других преступлениях в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц и в случаях, требующих обеспечения безопасности потерпевшего». Следует, что председательствующим судьей, вопрос о проведении закрытого судебного разбирательства может быть решен и им самим исходя из интересов правосудия, что открывает простор для расширения границ закрытых заседаний.

Но, как указывалось ранее, российский законодатель вообще в новой редакции УПК, не предусматривает данный принцип, что вызвало неоднозначную оценку среди юридической общественности.

Как указывают авторы, рабочая группа по разработке законопроекта УПК Кыргызстана, также «... исходила также из позиции, чтобы новый УПК отвечал бы по форме и содержанию духу времени, общественным потребностям, науч-

ным подходам, практическому опыту, а также соответствовал международно-правовым стандартам» [13, С. 660].

Безусловно, мы разделяем мнение, что «... с момента распада социалистической системы, в странах СНГ возникла необходимость построения самобытных, уникальных правовых систем, где в основу были бы положены принципы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, особенно в сфере уголовно-процессуальных отношений. Закономерно, что правительства стран СНГ, старались минимизировать негативные последствия проводимых и планируемых правовых реформ, для чего внимательно изучались нюан-

сы структуры права уже устоявшихся государств и были предприняты попытки имплементации ряда положений из зарубежного законодательства. Но вместе с тем, провести кардинальную реформу, которая бы освобождала от репрессивного порядка применения, противодействовала бы коррупционным проявлениям, установила бы контроль над преступностью и при этом обеспечивала бы реальное соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в полной мере, ни в одной из государств-участников СНГ, на наш взгляд не получилось» [14, С. 130].

Такое положение дел, требует без сомнений дальнейшей работы в данном направлении.

Список литературы:

1. Романов А. К. Правовая система Англии. 2-е изд., испр. – М.: Дело, – 2002. – 344 с.
2. Лузин В. В. Принцип разделения властей как основа конституционализма: сравнительное исследование на примере США, Великобритании и Франции. – Нижний Новгород, – 1997. – 115 с.
3. Исаева К. А., Дюсебаев Т. Т., Воронцова И. Н., Каженова А. С. Права и свободы личности: современные аспекты содержания// В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 9th International symposium. – 2016. – С. 337–346.
4. Чумаков А. В. Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Санкт-Петербург, – 2005. – 207 с.
5. Isayeva K. A. A., Seylkhanova S. A., Shimeyeva Z. Sh., Oskenbay G. The main factors causing the need for international cooperation to combat criminal phenomena in the CIS countries// В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 8th International symposium. – 2015. – С. 126–135.
6. Isaeva K. A., Abdugarimova N. E., Oskenbai G., Vorontsova I. N. Die eigenschaften des beweisgegenstandes in den sachen über die jugendstraftaten laut gesetzgebung der Kirgisischen Republik// В сборнике: The Ninth International Scientific Conference on Private and Public Law Proceedings of the Conference. Orzechowska K. (Ed.). – 2015. – С. 88–100.
7. Issayeva K. A., Zheenaliev A. Z., Kamalova L. N., Dyusebayev T. T. Problems of human rights ensuring and standards of unprejudiced legal proceedings in the course of development and reforming of criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic// Social Sciences (Pakistan). – 2015. – Т. 10. – № 9. – P. 2278–2283.
8. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от – 4 ноября – 1950 года. Рим, – 4.XI.1950 г./URL: <http://www.psychopravo.ru/>
9. Clayton R., Tomlinson X. The law of human rights. Oxford: Oxford univ. Press, – 2000.
10. Cappelletti M. The Italian Legal System: An Introduction. Stanford, California, – 1967. – P. 19–28; Certoma G. L. The Italian Legal System. L., – 1984. – P. 256.
11. Limpens J. Belgium II International Encyclopedia of Comparative Law. – Vol. 1. – 1972. – P. 311.
12. Robertson C D. Introduction to the Belgian Legal System II Juridical Review. – 1983. – December. – P. 224–256.
13. Isaeva K. A., Zheenaliev A. Z., Balymov E., Smoilov S. Debatable questions bound to reorganization of separate procedural institutes at the stage of pre-judicial production in the conditions of reforming of the criminal procedure code of the Kyrgyz Republic// Social Sciences (Pakistan) – 2015. – 10 (5), – P. 660–665.

14. Isayeva K. A., Seylkhanova S. A., Shimeyeva Zh. Sh., Oskenbay G. The main factors causing the need for international cooperation to combat criminal phenomena in the CIS countries // В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 8th International symposium. – 2015. – С. 126–135.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-76-80>

*Saliev Almambet Abdimalipovich,
Deputy Head of the Department of Defense,
Law and Order and Emergency Situations
of Government Office of the Kyrgyz Republic
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

To the concept of role of special knowledge used in crime investigation

Abstract: this article is devoted to disclosure of the concept “special knowledge” used in crime investigation and its role in practical activity of law enforcement agencies.

Keywords: special knowledge, psychological knowledge, case investigation, crime, specific expertise.

*Салиев Алмамбет Абдимиталипович,
Заместитель заведующего отделом обороны,
правопорядка и чрезвычайных ситуаций
Аппарата Правительства Кыргызской Республики
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

К понятию о роли специальных знаний используемых в ходе расследования преступлений

Аннотация: статья посвящена раскрытию понятия специальных знаний, используемых при расследовании преступления и их роли в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: специальные знания, психологические знания, расследование дела, преступление, специальные познания.

Следует отметить, что рассмотрению вопросов использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве стран СНГ посвящено немало работ, но в науке этих стран до сих пор нет единого подхода к определению указанного понятия. Затрудняет понимание сути специальных знаний законодательное толкование. Так, законодатель Кыргызской Республики использует термин «специальные знания» (ст.ст. 62, 64 и ч. 1 ст. 84 УПК КР), такое же понятие используется в Республике Казахстан (ст. 83 и 84 УПК

РК), а в нормах уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (ст.ст. 57, 58 УПК РФ), используются понятия как «специальные знания», а наряду с этим (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) так и «специальные познания»

В связи с этим возникает немало споров о том, какое из указанных понятий представляется более правильным. Ряд ученых предлагают употреблять термин «специальные знания» [1, С. 38–39], другие считают необходимым использование термина «специальные познания» [2, С. 18].

Е. В. Селина свою позицию аргументирует тем, что термин «познания» более точный, охватывающий собственно знания, навыки и умения [3].

Некоторые исследователи полагают, что оба термина имеют право на существование, поэтому используют как понятие «специальные знания», так и «специальные познания» в пределах одного исследования, придавая им синонимичное значение [4]. Например, С. В. Тетюев отмечает, что «с позиции законодательной техники не является принципиальным, какой термин (знания или познания) правильнее использовать в уголовно-процессуальном законе применительно к знаниям сведущих лиц, поскольку оба термина могут обозначать совокупность сведений в той или иной области науки, техники, искусства и ремесла» [5 С. 10–11].

Существует и такое мнение, согласно которому совмещать понятие данных терминов нельзя. В частности, В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий дают следующее разграничение исследуемых понятий: «специальные знания в уголовном процессе — система сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях ... и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т. п.»; специальные познания — «знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, при котором они приобрели также необходимые навыки для ее осуществления» [6, С. 4].

Исходя из анализа различных источников, следует, что «знания» — это совокупность сведений в какой-либо области, «познания» — это знания, полученные соответствующими лицами в результате обучения. Для устранения коллизии представляется целесообразным употреблять в законодательных актах термин «специальные знания», как это предусмотрено в УПК Казахстана и Кыргызстана, что будет безусловно способствовать единообразному пониманию и толкованию данного понятия.

В юридической литературе нет единого мнения о том, какие знания следует считать специальными.

И. И. Трапезникова, определяя понятие «специальные знания», указывает на то, что «специальные

знания — система научно обоснованных и практически апробированных знаний, теоретического и прикладного характера (исключая специальные знания в области права, связанные с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и с принятием решений процессуального характера) и специальных умений, используемых сведущими лицами в порядке и целях установленных уголовно-процессуальным законом» [7, С. 7–8].

Л. М. Исаева отмечает, что «правильно будет считать специальными знания, полученные лицом в рамках какой-то определенной профессии, подкрепленные соответствующим образованием и опытом работы» [8, С. 74].

В приведенных определениях авторы дают различную трактовку понятия «специальные знания», обращая внимание на те или иные существенные признаки. Из указанных определений следует, что к специальным знаниям нельзя относить общеизвестные и общедоступные знания. В связи с этим на практике возникает вопрос о разграничении специальных и общеизвестных, общедоступных знаний. По мнению Ю. А. Калинкина, «понятие «общедоступные знания», противопоставляемое понятию «специальные знания», само нуждается в объяснении» [9, С. 16].

Соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, «зависит от уровня развития социума и степени интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека». Поэтому, недавно было только предметом исключительно специальных знаний, на сегодняшний день может стать общедоступным и широко известным.

Полагаем, что специальные знания отличаются от общеизвестных тем, что они приобретаются человеком только в ходе специальной подготовки или профессионального опыта. Именно такая подготовка предусматривает углубленное изучение только тех знаний, которые потом могут быть применены в конкретной профессиональной деятельности. Точку зрения на природу специальных знаний как знаний, которые приобретены в результате специального образования или специального опыта разделяют и другие ученые [10, С. 3].

Поэтому является логичным высказывание профессора К. А. Исаевой, когда она пишет, что

при расследовании заказных убийств «... положительные результаты дает использование возможностей комплексных медико-криминалистических экспертиз. Результаты таких экспертиз дают возможность с большой точностью судить об обстановке на месте происшествия и действиях преступников в момент совершения преступления. На основе заключения эксперта и путем сравнения с результатами осмотра места происшествия и показаниями свидетелей необходимо смоделировать картину происшедшего события в динамике его развития и установить всех лиц, участвовавших или присутствовавших при преступном деянии, и попытаться определить роль и степень вины каждого из них» [11, С. 39].

Одним из критериев отнесения знаний к специальным является то, что они не должны содержать в себе сведений правового характера. Однако в науке нет единообразной позиции по этому вопросу. Большинство ученых считают, что решение правовых вопросов относится к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора, судьи.

Существует и другая прямо противоположная точка зрения. В частности, Е. Р. Россинская этот подход считает сейчас устаревшим [12]. Она отмечает: «... нигде в законе прямо не указывается, что юридические знания не могут быть специальными» [12, С. 12–13].

Правовым основанием использования специальных знаний являются нормы Уголовно-процессуальных кодексов как Казахстана, России, так и Кыргызстана, регламентирующие отдельно деятельность эксперта и специалиста.

Мы разделяем точку зрения Н. А. Курмаевой, которая выделяет следующие **пять признаков специальных знаний**: «... эти знания не являются общеизвестными и общедоступными; они приобретаются в ходе специальной теоретической и практической подготовки; относятся к категории научных знаний; находятся за пределами профессиональных знаний дознавателей, следователей, прокуроров, судей; используются в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.» [13, С. 36].

Нельзя не отметить о некоторых проблемах, которые возникают при использовании специаль-

ных познаний в ходе расследования преступлений [14].

В последние 15–20 лет психологи активно проводят исследования также в юридической науке, которые позволяют говорить о целесообразности изучения различий между мужчинами и женщинами. Исходя из этого, следует, что одним из критериев проведения СПЭ следует считать половой признак, то есть экспертиза мужчин, экспертиза женщин. Проведенное исследование по данному вопросу позволяет нам говорить об отдельных существенных психологических аспектах, влияющие на формирование личности, особенностей психологического развития мальчиков по сравнению с девочками. Что безусловно требует учета психологических особенностей при проведении процессуальных действий, в том числе должны быть учтены пределы допустимости использования психологических средств воздействия включая и нетрадиционные приемы [15, С. 10–20; 16].

Поэтому, является логичным высказывание группы ученых, что «... результат исследований криминологов и психологов все больше стали использоваться криминалистами, хотя ранее как известно, это носило далеко не повсеместный характер. На основе крепнущего и углубляющегося взаимодействия криминологов, психологов и криминалистов, представляется, что и началась деятельность по разработке принципиально новых подходов и специфической научной продукции. Никто не претендует на оттеснение традиционного криминалистического арсенала, речь в данном случае лишь идет о том, что в систему прикладной «синтезирующей» науки криминалистики могут органично вписаться ряд теоретических положений, разработок, достижений таких отраслей, как криминология, психология, что позволит существенно увеличить ее потенциал, несколько обновив тактику и методику расследования преступлений, в том числе и носящих насильственный характер» [17, С. 2124].

Т. В. Аверьянова полагает, что «приобретенный в процессе практической деятельности опыт играет значительную роль при определении критериев специальных знаний» [18, С. 31]. С указанным автором сложно согласиться. Так, психологическое

знание, используемое в ходе производства по уголовному делу, в той или иной степени представляют все категории реальности, в том числе реализуемые и в ходе оперативно-розыскной деятельности.

К примеру, речь идет об использовании полиграфа, в отношении которого возникает немало споров. Но при этом, следует согласиться, что «... не решив на психофизиологическом уровне проблему достижения необходимой валидности и надежности результатов, получаемых непосредственно с помощью полиграфа, мы не сможем качественно решить проблему правильного методического обеспечения его использования, потому что хорошие методики могут создаваться и эффективно работать только на основе правильного понимания и грамотного учета подлежащих психофизиологических законов и закономерностей» [19, С. 24].

Значительная роль специальным познанием относится и несовершеннолетним, но при котором вопрос разрешается неоднозначно. К примеру, достаточно обоснованно указывается, что «... в отдельных случаях само отставание в психическом развитии подростка определяется безапелляционно, но при этом его степень не является юридическим основанием для его освобождения от уголовной

ответственности. В данной ситуации установления такого обстоятельства может быть основанием для решения такого вопроса как степень ответственности несовершеннолетнего обвиняемого. Также характер отставания несовершеннолетнего лица в психическом развитии, степень интеллектуального, а также эмоционально — волевого развития подростка могут оказать влияния на установление мотива и правильной квалификации его вины в совершенном преступном деянии» [20, С. 99].

Сложно не признать, что психологические знания являются специальными в том смысле, что ими владеет ограниченный круг специалистов, имеющих соответствующую профессиональную психологическую подготовку. Эти знания не являются общедоступными, общеизвестными и без серьезной специальной профессиональной подготовки ими нельзя овладеть.

Использование психолого-психиатрических знаний позволяют следственным и судебным органам получить всестороннюю и объективную информацию об специфических особенностях психической деятельности лица имеющих значение для принятия соответствующего решения по расследуемому делу.

Список литературы:

1. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Монография – М.: Изд-во РУДН, – 2000. – 296 с.
2. Константинов А. В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Москва, – 2006. – 217 с.
3. Селина Е. В. Специальные познания в уголовном процессе // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 45–46.
4. Гришина Е. Использование специальных познаний психолога на предварительном следствии // Законность. – 2004. – № 5. – С. 25–26.
5. Тетюев С. В. Использование педагогических и психологических знаний в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Монография // Под ред.: Кудривцева А. В. М. Юрлитинформ – М., – 2009. – 336 с.
6. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Монография. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, – 1986. – 152 с.
7. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (Понятие, признаки, структура): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: Челябинск, – 2004. – 232 с.
8. Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве – М.: ЮРМИС, ЛД, – 2003. – 304 с.
9. Калинин Ю. А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – М., – 1981. – 187 с.

10. Россинская Е. Р. Теоретические и прикладные проблемы судебной экспертизы // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». г. Москва, 14–15 февраля – 2007 г. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, – 2007. – С. 3–11.
11. Исаева К. А. Использование специальных познаний в форме экспертизы при расследовании заказных убийств с применением огнестрельного оружия // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. – Т. 13. – № 5. – С. 38–41.
12. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Рос. федер. центр судебной экспертизы при М-ве юстиции РФ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, – 2009. – 687 с.
13. Курмаева Н. А. Использование специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Саранск, – 2010. – 249 с.
14. Абдукаримова Н. Э. К вопросу о проблемах противодействия незаконного оборота наркотических средств // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 9 (14). – С. 93–99.
15. Исаева К. А. Тактические особенности допроса женщин – подозреваемых и обвиняемых: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Москва, – 1995. – 197 с.
16. Камалова Л. Н. Следственные действия в свете современных психологических исследований: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Бишкек, – 2011. – 27 с.
17. Issayeva K. A., Avgustkhan S. A., Kalbayev A. T., Alisherov A. Theoretical preconditions for criminological and criminalist approach on ensuring of investigation of the violent crimes, committed in correctional facilities of CIS countries // Social Sciences (Pakistan) – 2015. – 10 (7), – P. 2120–2124.
18. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. Вып. 2. – М., – 2001. – С. 31.
19. Исаева К. А. Отдельные проблемы использования полиграфа Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 20–24.
20. Isaeva K. A., Abdukarimova N. E., Oskembai G., Vorontsova I. N. Die eigenschaften des beweisgegenstandes in den sachen über die jugendstraftaten laut gesetzgebung der kirgisischen republik В сборнике: The Ninth International Scientific Conference on Private and Public Law Proceedings of the Conference. Orzechowska K. (Ed.). – 2015. – С. 88–100.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-80-83>

*Toktorov Egemberdi Samidinovich, LL. D.,
associate professor rector of the OshSU Law Institute*

Oskembai Gulmira, LL. D.

Kamalova Leila Narimanovna, LL. D.

Balasagyn Kyrgyz National University

*Zholdoshaliev Midin Turdumamatovich,
judge of the Pervomaisky Court in Bishkek*

E-mail: n.abdykarimova@mail.ru

On the operative and search support to investigation of particularly serious crimes involving minors in the CIS countries

Abstract: the article discusses issues associated with operative information application and OSA possibilities when investigating the special category of crimes participated by persons under the age of majority.

Keywords: counteraction, minors, inquiry body activities, operative information, operative and search activity.

It is difficult to argue that "... not only in Kyrgyzstan, but also in the entire world, the situation is characterized by aggravation of organized crime, terrorism growth, the ISIL creation, sometimes merging of criminal groups with public authorities, and criminologists' prognosis is unfavorable. We speak about absolute and relative increase in crime; in such circumstances, we should seek adequate measures of counteraction" [1, P. 2280].

As emphasized by K. A. Isaeva and N. E. Abdulkarimova, "... intensification of terrorism both in Kyrgyzstan and other CIS countries was facilitated by the destruction of the administrative-command system with its total strict control over activities of social and political institutions in general and individual's behavior in particular. Of course, such a situation can cause disputes, but we cannot escape from the reality that is evidenced by the world experience of social development. Various sources indicate that societies characterized by an open democratic type of development are the most favorable environment for the terrorist activities" [2, P. 2194]. A. S. Bazarbaev is absolutely right when writing that "... today it is hard to tell where the criminal extremism ends and the political one starts. At least, it has become apparent that the organized crime has introduced and keeps introducing its representatives in the executive and legislative authorities in various regions of the country; frankly speaking, even major political parties have people with criminal past in their ranks" [2, P. 2195]. No doubt, special concern is caused by the fact that in such circumstances minors are involved in the commission of such crimes.

It should be noted that the organizational form of interaction between the investigating authorities and the IAB operative units is created for optimal interaction to combat criminal acts committed by proceeding participants in order to ensure the concentration of manpower and resource use efforts inherent in the investigation, as well as for full and objective investigation of the case circumstances and implementation of the punishment inevitability principle for persons guilty of committing crimes [3, P. 70].

We should also keep in mind that the inquiry bodies' activities are not to violate such fundamental rights as the individual's right to be free from any illegal encroachment of the state on his or her life and the individual's right to free disposal of his or her life [4, P. 341].

The operative unit employees' possibilities of preparing and carrying out the investigation are essential; at the same time, when getting the information they need to pay attention to the following points: content of the operative and search information indicating the group of minors, including senior ones, involved in the commission of particularly serious crimes; established socio-psychological atmosphere in the investigated criminal group of minors; "estimated real behavior of interested persons in general and particular individuals in the forthcoming investigative actions (interrogations, presentations for identification, verification and clarification of testimonies on site) during the investigation" [5, P. 12]; deliberately conceived methods of counteraction to the investigation in order to evade criminal responsibility [6, P. 13].

Being timely transmitted to the investigating authorities, the information of the above content facilitates their preparatory actions for carrying out the procedural activities.

During the operative information use, certain problems usually appear being related to its application for proving and ensuring the conspiracy of the source and means of its acquisition. Much more difficult activity is encryption of the very sources of this information, which, of course, requires the application of tactical techniques including elements of investigation, operative and search tactics. It should be emphasized that K. K. Goryainov, Yu. F. Kvasha, K. V. Surkov note that all previously mentioned elements "... are necessary for successful confrontation with criminals, especially with the category, which actively uses various forms of resisting the criminal justice authorities" [7, P. 32]. It concerns both the Russian Federation and Kyrgyzstan, where the legal practice has not yet legislatively fixed practically

functioning procedures of legalizing the data obtained from covert sources.

We share the view by V. G. Bobrov, V. V. Karaulova who indicate that the state of affairs is primarily due to the solution of the “double problem of the most complete transformation of the actual data obtained outside the criminal process into the evidence and effective protection of the information sources” [8, P. 32].

This issue is indicated by K. A. Isaeva and N. E. Abdulkarimova: “... today the OSA and investigation are carried out in different legal modes”. This is evidenced by the fact that legal basis for the pre-trial case investigation is the criminal procedure law, while the OSA is carried out on the basis and in accordance with the law on the OSA. In this connection, information received on the OSA basis is not procedural, it can become a proceeding evidence only after its procedural fixing [9, P. 245]. As known, the legislator of Kazakhstan did otherwise providing covert investigative actions in accordance with the new CCP. These rules correspond to the official position of law enforcement officials in advanced foreign countries on this issue.

No doubt, in the conditions when the crimes remain unsolved for a number of reasons indicated by K. A. Isaeva, S. A. Seilkhanova, Zh. Sh. Shimeeva, G. Oskenbai, the ways of incorporation for the two types of government activities are reasonable [10, P. 129].

The information collected should be used by the investigator not only after its legalization, but also as a reference point for him in order to prepare and effectively carry out particular investigative actions. And here we should note that the crimes are becoming more organized and problems will arise in the case of legal assistance by law enforcement agencies from foreign countries. Not coincidentally, the focus is made on the fact that “... complexity of carrying out such investigative actions for the requested party will be due to the fact that introduction of the new institution in these states (e. g., Kazakhstan, Kyrgyzstan, Ukraine) is accompanied by a whole layer of unresolved problems, which will undoubtedly affect the request execution by other countries. No one denies that cooperation between the law enforcement agen-

cies of the CIS countries is carried out effectively enough” [11, P. 2118].

As stated by V. P. Khomkolov and M. I. Mironychev: “... investigator’s knowledge of the microclimate in the group, norms of behavior, value orientations of the personality, facts of reality in which the interrogated person showed positive qualities, skillful use of this data and character traits help to overcome the alienated position of the interrogated persons making psychological contact to them” [12, P. 10–12].

In order to ensure effective investigative actions, the collected operative information should contain maximally accurate and complete data on the details of prior criminal events. Moreover, the information collected should not necessarily be directly related to the investigated criminal case. It is advisable to use the information about non-criminal facts having occurred during the criminal act commission, such as the content of conversations between individual members of the minors’ criminal group.

Often, the issue of using a polygraph for these purposes is raised both for adults and minors involved in the crime.

To legalize the survey results, it is proposed to adopt the law on polygraph. At the same time, it is difficult to disagree with K. A. Isaeva that “... we must not forget that there are legal aspects, which are very difficult to include in the general law, because they are of purely local nature and able to change depending on the situation of polygraph using. Today, when discussing the future of the law on polygraph, the main emphasis is made on the legal determination of conditions, under which it is possible to use the polygraph without violating the citizens’ rights. At the same time, there is a much more complex legal question — what to do with the polygraph examination results if they are of accusing kind? What are legal criteria and boundaries for their possible application?” [13, P. 21].

We agree with the above authors that the information obtained through covert surveillance is also important, “in this context, it is necessary to reflect even seemingly insignificant information on the persons who may be considered as a link in reports”. Using this type of information allows creating an impression of law-enforcement bodies’ total awareness

among criminals; it can also serve as a link in the “associative memory of the facts” [12, P. 10, 15].

It is advantageous to directly involve the operative services in carrying out certain investigative actions. For instance, in addition to ensuring the investigatory action participants’ safety and technical assistance to the investigator, it is possible to use the operatives’ help for immediate verification of information obtained during the investigation. The operative’s opportunities in this matter are much wider than investigator’s ones since the latter is sometimes limited in the use of particular methods, tools and techniques due to his procedural position.

It is necessary to take into account that “... even greater problems arise during investigation of crimes committed by representatives of Asian or Caucasian criminal groups from other countries and nationalities. In this case, people seldom cooperate with the law enforcement authorities due to customs and traditions in addition to their representatives from adjacent territories” [14, P. 141].

Another important aspect of the OSA organization in the preliminary investigation is secrecy, which is especially significant for the criminal acts committed by a group of persons.

During the operative support for investigation of this case category, it is advisable to effectively use confidential opportunities of the investigation OSA, as previously emphasized, in order to collect and use the information for predicting the behavior of the criminal proceeding participants in the investigation, on the signs of violent crime committing by the minors in the group, its particular participants and their roles performed in the period of preparation and the act of violence against victims, on crime instruments and other evidence proving their criminal activity, etc.

The level of information quality received from the undercover personnel is directly dependent on the confidants’ opportunities and abilities.

Besides, there are cases when the members of criminal groups deliberately try to get in touch with the operative staff in order to «fail» the disinformators. Therefore, one of the most effective tactics is to convince individual members of the minors’ criminal groups to surrender.

Despite the difficulties in the selection and use of confidants to ensure the evidentiary process during

the preliminary investigation, today it is one of the most efficient and successful methods and means used in the initial stage of investigation. The operative information obtained in compliance with the secrecy rules can be immediately used in the evidentiary process by carrying out certain investigative actions allowing this information to gain the power of procedural evidence.

Following the typology of acquisitive and violent criminals, the operatives work with confidants able to establish psychological contact and get information strengthening the evidential base for persons involved in criminal acts and their criminal links remaining free.

By carrying out the operative work with the minors involved in the commission of particularly dangerous violent crimes, we can fix, as indicated by G.A. Dymov, “... an objective picture of the crime committed by them with other accomplices; their functional role (in the form of situational complicity, prior agreement of actions, in the organized criminal group or organized criminal community); presence of hierarchical structure in the criminal group and individuals acting as organizers and executors of criminal acts; availability and use of technical means and weapons to eliminate the victims and resist the law enforcement agencies; actual roles and functions of people acting in these groups; facts of conflict situations and ways of their actual intra-group resolution” [16, P. 30].

It is reasonable that “... Effectiveness of combating the organized crime is largely determined by quantitative parameters of crime detection. However, high levels of crime latency in this category today can just indicate that the legal practice needs to be improved. A prominent role in resolving the arising problems is played by reformation of the criminal procedure legislation. Therefore, not by chance, radical renewal of the criminal procedure legislation was and is carried out in the entire post-Soviet space” [16, P. 660].

Of course, regarding the provisions of new CCPs in some CIS countries and the CCP bill in Kyrgyzstan, the operative and search activity will undergo significant changes requiring in-depth scientific research.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-84-89>

*Umirkulov Abduwali Gulamovich,
Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law
Faculty of Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

Criminal law measures against crime of underage convicts in the Kyrgyz Republic

Abstract: this article is devoted to disclosure of criminal law measures for crime prevention of underage convicts by the example of the Kyrgyz Republic.

Keywords: underage, juvenile, convicts, preventive measures, criminal and penal legislation, crime prevention.

*Умиркулов Абдували Гуламович,
доцент кафедры Уголовного права и процесса
Юридического факультета КНУ им. Ж. Баласагына
E-mail: n.abdykarimova@mail.ru*

Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних осужденных лиц в Кыргызской Республике

Аннотация: Статья посвящена раскрытию уголовно-правовых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних осужденных на примере Кыргызской Республики.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подросток, осужденные, профилактика, уголовное, уголовно-исполнительное, законодательство, предупреждения преступности.

В теории и практике борьбы с преступностью наряду с понятием «предупреждение» употребляется термин «профилактика». Попытки придать этим словам различное смысловое значение и обозначить ими разные уровни, виды, формы предупредительно-профилактической деятельности не увенчались успехом. Понятия «предупреждение преступлений» и «профилактика преступности» являются совершенно идентичными [1, С. 165]. Поэтому в дальнейшем изложении указанные термины будут рассматриваться как синонимы.

В советское время в улучшении профилактической работы значительное место отводилось широкого участия общественности, созданию и правовому регулированию деятельности негосударственных структур. Особенно в 70–80-годы XX века, предупреждение преступности не только была бумага, но и реально действовало как главное направление в борьбе с преступностью, оказывая заметное противодействие

криминальным проявлениям в различных сферах общественной жизни, обеспечивая воспитание конкретных лиц и в духе законопослушания. Теперь иное положение. Сегодня, произошла коммерциализация отношения к подрастающему поколению. Фактически воспитание несовершеннолетних стало почти полностью зависимым от материальных возможностей семей, а большинство из них обнищало, дезориентировано. Дети все чаще становятся объектом преступных сделок: усыновления, приватизации квартир, детских садов, школ и пр., нередко используются и в порнобизнесе.

Следует отметить, что сегодня, в отношении несовершеннолетних преобладает подход: лишь после совершения преступления в действие вступают исправительно-карательные учреждения. Такая политика ведет к тому, что, во-первых, нужно ждать совершения преступления, чтобы реагировать на него; во-вторых, не учитывается тот факт, что многие преступления подростков

носят латентный характер; в-третьих, забыта ранняя профилактика, связанная с выявлением ранних признаков антиобщественного образа жизни, с определением его деформированных сфер, т. е. того, что является основой профилактической деятельности. Можно сказать, что мы боремся со следствием, с преступностью, а не с ее причинами, коренящимися в образе жизни, в связи с чем коэффициент борьбы с преступностью находится на весьма низком уровне.

Между тем в последние десять лет преобразования осуществляются на качественно иных принципах: демократизма, гуманизма, реального расширения прав осужденных, учета международно-правовых актов по вопросам исполнения наказаний, участия общественных и правозащитных организаций в выработке и реализации мероприятий по реформированию уголовно-исполнительной системы (УИС). Действующие — уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство, а также реформирования в различных сферах общественной жизни — это только некоторые шаги в этом направлении.

К содержанию предмета теории предупреждения преступности относятся: взаимодействие субъектов предупреждения преступности; социально-экономические, методические, ресурсные условия, обеспечивающие деятельность по предупреждению преступности; комплексные профилактические мероприятия и целевые программы для различных уровней, масштабов и структур; разработка специальных мер и системы индивидуальной профилактики преступлений; координация и планирование мер предупреждения преступности; оценка результативности предупреждения преступности; соотношение, взаимосвязь и взаимодействие общих и специальных мер предупреждения преступности [2, С. 10].

Система мер борьбы с преступностью состоит из трех самостоятельных групп: 1) общие меры социального предупреждения преступности; 2) организационные и правовые меры обеспечения социального предупреждения преступности; 3) специальные меры социального предупреждения преступности. Меры борьбы с преступностью — более широкое понятие, чем меры социального

предупреждения преступлений, поскольку к последним не относится организационная деятельность по обеспечению применения мер социального предупреждения преступлений [3, С. 126].

К общесоциальным мерам предупреждения относятся: экономические, социальные, политические, идеологические, культурные, организационные меры. Общесоциальные меры представляют собой основу любых усилий по предупреждению антиобщественных явлений. «Общесоциальное предупреждение, по сути, служит основой, базой для всей совокупности мер, прямо и непосредственно направленных на недопущение преступлений, то есть специального предупреждения» [4, С. 194].

Именно такой характер предупредительных мер предопределяет их исключительную важность для решения проблем преступности, и подростковой, в том числе.

Профилактика преступлений выглядит в виде определенной системы. В эту систему входят общая профилактика, индивидуальная, ранняя, оперативно-розыскная и т. д. [5].

В рамках общей профилактики выделяются различные сферы или направления: уголовно-правовая сфера, уголовно-процессуальная, криминологическая и т. д. Кроме того, здесь огромное поле деятельности для общей социальной профилактики, например, моральная профилактика, психологическая, педагогическая, медицинская (в том числе психиатрическая) и т. д. Сюда же можно отнести общепрофилактическую деятельность правоохранительных органов, направленную на недопущение преступлений. В указанных рамках вполне допустимо вести речь об общей виктимологической профилактике, когда вопросы касаются потерпевших от преступлений. Все это — масштабная работа государства и общества.

Общая профилактика обращена к широким массам. Смысл общей профилактики в том и заключается, что она в равной мере (одинаково) направлена на всех членов общества. Общая профилактика преступлений это реально выполняемая работа, смысл которой заключается в соответствующем общепредупредительном воздействии на членов общества, это сдерживающее воздей-

стве. До членов общества доводится понятие о правилах (нормах) поведения, особо подчеркивается тот факт, что преступное поведение наказуемо. Иначе говоря, населению посылаются «сигналы» о том, как надо вести себя, чтобы не быть наказанным в уголовно-правовом порядке и как нельзя поступать, чтобы не пострадать от преступления. Проводить общую профилактику надо так, чтобы она доходила до тех людей, которые в ней нуждаются. Задача, безусловно, очень трудная, но, выполнимая [6, С. 143–149].

Если же осужденные во время отбывания лишения свободы совершают преступления вновь, особенно однородные или более тяжкие, то это явно свидетельствует о недостатках в работе того или иного учреждения, о слабой эффективности применения мер уголовного наказания. Меры предупреждения преступного, аморального поведения несовершеннолетних должны составлять часть комплексной системы мер борьбы с безнадзорностью и правонарушениями среди молодежи.

При анализе норм Уголовно-исполнительного кодекса КР, регулирующих материально-бытовое и медико-санитарное состояние для осужденных, отчетливо просматривается ряд существенных недостатков: неполное обеспечение медицинскими препаратами, однообразные продукты питания, приобретаемые для осужденных, неполное обеспечение установленной формы одежды и т. п. Исправительное учреждение в состоянии обеспечить лишь 50–60% осужденных необходимой спецодеждой, медикаментами, гигиеническими средствами и т. п. Остро стоит проблема санитарного состояния спальных и рабочих мест осужденных. Ее нерешенность причина появления таких заболеваний, как туберкулез, ревматизм, дизентерия, гепатит и др. А ведь осужденному, как и каждому другому человеку, необходимы и гигиенические средства, и медикаменты. Видя бессилие администрации и имея возможность получить помощь со стороны отрицательной группировки осужденных (как правило, со стороны лидеров-авторитетов), он нередко сознательно начинает пользоваться возможностями, предоставляемыми отрицательной средой, со всеми вытекающими из этого обязательствами перед ней.

Естественно, даже непосвященному человеку понятно, что игнорирование данных вопросов может привести и часто приводят к забастовкам, массовому неповиновению, беспорядкам среди осужденных и заключенных под стражу, захватам заложников, поджогам и разрушениям тюремных зданий и сооружений со всеми сопутствующими процессами и последствиями. Яркий пример тому, побег осужденных к ПЛС из СИЗО № 50. В ночь на 12 октября 2015 года из СИЗО № 50 в селе Нижний-Нооруз в Чуйской области 9 человек совершили побег. По данным пресс-службы ГСИН, при попытке остановить преступников были убиты трое сотрудников ГСИН, еще один тяжело ранен. Во время побега один из осужденных был ранен часовым [7].

Представляется, что основными направлениями повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) в КР в настоящее время являются: а) создание современной материально-ресурсной базы УИС; б) совершенствование правовых основ деятельности УИС; в) совершенствование форм и методов хозяйственной деятельности системы и привлечения осужденных к труду;

Трудовая деятельность осужденного должна позволять ему овладеть навыками, с помощью которых осужденный сможет честно зарабатывать себе на жизнь после освобождения. Кроме того когда все осужденные заняты производительным трудом, обстановка в исправительных учреждениях будет более спокойной. Это особо имеет значение для Чуйской области, где дислоцирована основная часть исправительных учреждений [8]; г) развитие социальной сферы УИС; д) совершенствование взаимодействия УИС с другими правоохранительными органами и общественностью в борьбе с преступностью; е) проведение научных исследований по проблемам УИС, в том числе разработка критериев оценки эффективности деятельности УИС и ее отдельных элементов.

Представляется, что следует обратить более пристальное внимание на специальные меры предупреждения (специальную профилактику).

Специальная профилактика, как известно, охватывает мероприятия, непосредственные направленные на устранение либо нейтрализацию

причин и условий совершения преступлений, в целях устранения конкретных криминогенных факторов.

Среди специализированных государственных субъектов криминологической профилактики первостепенную роль играют правоохранительные органы: внутренних дел, прокуратуры, службы национальной безопасности, таможенной и пограничной служб и некоторые другие, а также органы юстиции и суды. Они осуществляют контроль и надзор за исполнением законов, реагируют в установленном порядке на их нарушения, привлекают к юридической ответственности виновных. Предупреждение преступлений и других правонарушений является одной из основных функций каждого правоохранительного органа, как и правоохраны в целом.

Правоохранительные органы несомненно влияют на состояние преступности и способны сдерживать ее на определенном уровне некоторое время, но не более того. Внести же какие-то существенные изменения в ее состояние и структуру, значительно снизить ее уровень правоохранительные органы, по нашему мнению, не могут. Давно доказано, что состояние преступности в стране напрямую зависит от уровня общественных отношений, прежде всего экономических. «Общество со стабильно неустойчивыми социальными отношениями — это общество со стабильно высокой и растущей преступностью» [9, С. 184].

Преступность — явление социально-правовое, следовательно, пути борьбы с ней должны лежать в области социально-правовой работы, а ее эффективность во многом зависит от успехов в решении социальных проблем. Однако можно ли надеяться на снижение уровня преступности, если не будут решены вопросы занятости и повышения благосостояния населения, снабжения необходимыми товарами и услугами по доступным ценам, не будет значительно улучшена воспитательная работа и снижена социальная напряженность в обществе? *Как раз эти обстоятельства особенно болезненно сказываются на подростках.*

Как известно, социальное назначение правоохранительных органов, действующих в при-

сущих каждому из них формах — именно ослабление криминальных проявлений путем нейтрализации противодействия преступного мира, успешного раскрытия преступлений, изобличений преступников, наказания виновных. Ведь правоохранительные органы призваны охранять и укреплять законность и правопорядок, не допускать преступления, а если они совершаются, раскрывать их и т. д. Однако если говорить об отдельных направлениях работы рассматриваемых органов, то в каждом конкретном случае речь идет об особенностях и специфике, различных функциях, пределах «вторжения» в сферу борьбы с преступлениями и т. д. Особенности обладают, например такое направление работы, как борьба с подростковой преступностью. Специфика здесь вполне очевидна. Но в целом — это комплексное воздействие на преступность, успех которого зависит от умения правильно объединять усилия (взаимодействие) от получаемой и используемой информации (информационное обеспечение) и т. д. Мы согласны с тем, что работники правоохранительных органов должны обладать специальными, профессиональными знаниями, иметь опыт работы в подразделениях указанных органов, особенно когда речь идет о борьбе с подростковой преступностью. Этим органам нужны профессионалы. Если борьбу с преступностью будет вести «всякий», то и результаты будут «всякие». Главное в деятельности правоохранительных органов компетентность.

Каждый из правоохранительных органов выполняет свою работу в пределах своих полномочий и с учетом стоящих перед ним специфических задач.

Прокуратура занимает особое место в системе правоохранительных органов. Специальное ее назначение состоит в охране единой законности от каких бы то ни было посягательств. А к числу наиболее действенных гарантий законности относится прокурорский надзор. Важнейшую задачу прокуратуры составляет своевременное принятие мер к недопущению нарушений закона от кого бы они ни исходили. Выполнению этой задачи, ее практическому решению, и подчинены все направления прокурорского надзора.

Свою специфику имеет надзор за законностью в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Здесь важно обеспечить соблюдение законности при рассмотрении конкретных материалов, осуществлении комиссией своих координационных функций и контроля за перевоспитанием подростков с аморальным и правонарушающим поведением, а также осужденных условно или с отсрочкой исполнения приговора.

Судебные органы осуществляют борьбу с преступлениями в основном в связи с их правоохранительной деятельностью. Все здесь определяется особыми задачами и функциями суда как органа, осуществляющего правосудие. Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому физическому и юридическому судебную защиту его прав и свобод. Суд осуществляет надзор за законностью, обеспечивает приоритет прав и свобод граждан перед любыми акциями государства.

Другие правоохранительные органы также выполняют свою работу, исходя из конкретных задач, функциональных прав и обязанностей. Специфика же их работы тесно связана со средствами, формами и методами деятельности по борьбе с преступностью.

Безусловно, среди правоохранительных органов основной объем работы по предупреждению преступлений выполняют милиция и органы внутренних дел в целом. Они находятся на переднем крае этой борьбы.

Их особая роль в этом деле определяется разнообразием компетенции, широким спектром полномочий в сферах уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной и иных видов деятельности по борьбе с правонарушениями, наличием в структуре разноплановых служб, включая такие, которые специализируются на криминологической профилактике, например, подразделений по делам несовершеннолетних.

Именно в области борьбы с преступностью и профилактики преступного поведения с наибольшей полнотой раскрываются **социальные функции органов внутренних дел**, их активное участие в решении общесоциальных задач — очищение общества от различных негативных

явлений. На органы внутренних дел возложены ответственные задачи, решение которых невозможно без широкого государственного подхода к вопросам общественной жизни. Деятельность этих органов нельзя, таким образом, рассматривать в отрыве от целенаправленной деятельности государства в борьбе с преступностью.

Большую роль в решении задач криминологической профилактики призваны играть органы социального обслуживания (социальной помощи и защиты), здравоохранения, образования, по делам культуры и спорта. Содержание и формы их деятельности таковы, что можно говорить о непосредственном осуществлении ими определенных функций профилактики преступлений и других правонарушений (мер по недопущению преступлений со стороны наркоманов и алкоголиков, лиц, находящихся в сложных жизненных условиях, подростков с отклоняющимся поведением и др.)

Участие органов местного самоуправления в криминологической профилактике осуществляется путем использования их полномочий по управлению муниципальной собственностью, утверждению и исполнению местных бюджетов, решению иных вопросов местного значения, а главным образом — по обеспечению охраны общественного порядка.

Гуманность социальной политики государства проявится в сокращении вмешательства закона в жизнь подростков, находящихся с ним в конфликте; в предупреждении преступности несовершеннолетних, ориентируясь не на правовые, а на социальные меры. Проблему подростковой преступности надлежит рассматривать не как обязанность органов внутренних дел, а как межведомственную, реально работающую систему государственных органов, общественных и религиозных организаций, которые обеспечивали бы проведение целенаправленного предупредительного комплекса воздействия. Благополучие подростков обеспечивает хорошо налаженная, разветвленная, высокопрофессиональная служба, имеющая сеть специализированных учреждений, органов управления.

Таким образом, при решении вопроса о значимости каждого субъекта в предупреждении

и профилактике преступлений следует учитывать, что в данной деятельности должны принимать непосредственное участие не только органы внутренних дел, но и различные органы государственной власти, местного самоуправления, учреждения и т. д. Это будет способство-

вать развитию и совершенствованию антикриминальной стратегии государства, снижению социально негативных явлений, связанных с преступностью и в конечном счете — более успешной деятельности по предупреждению преступности в целом.

Список литературы:

1. Зарубин С. В., Устинов В. С. Профилактика преступлений/Ю. Д. Блувштейн, М. И. Зырин, В. В. Романов. – Минск, 1986//Социально-правовые проблемы борьбы с посягательствами на социалистическую экономику. Сборник трудов. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, – 1987. – С. 164–169.
2. Воронин Ю. А. Курс советской криминологии. Кн. 2/Под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – М.: Юрид. лит., – 1986. – 351 с.
3. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. Отв. ред.: Кудрявцев В. Н. – М.: Наука, – 1990. – 272 с.
4. Хармаев Ю. В. Особенности общесоциальной профилактики преступлений. – В кн.: Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. – Калининград, – 1999–215 с.
5. Миндагулов А. Х. Профилактика преступлений: Учебник. – Алматы, – 2005.
6. Боков А. В. Организация борьбы с преступностью. Монография/Под ред.: Аванесов Г. А. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, – 2003. – 175 с.
7. Интернет – источник: URL: <http://rus.azattyk.org/a/27301104.html>
8. Умиркулов А. Г. Развитие уголовно-исполнительного законодательства Кыргызской Республики//Таврический научный обозреватель. –2016. – № 9 (14). – С. 124–127.
9. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность//Право и власть. Человек, право, государство. Человек, закон и правосудие. – М.: Прогресс, – 1990. – С. 355–382.

Section 8. Finance law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-90-92>

*Ulanova Aigerim Ulanovna,
Far Eastern Federal University,
student, School of Economics and Management
E-mail: a.ulanova95@gmail.com*

*Babkina Aleksandra Mikhailovna,
Far Eastern Federal University,
student, School of Economics and Management
E-mail: babkina1718@mail.ru*

*Alpysbaev Timur Bayambekovich,
Far Eastern Federal University,
student, School of Economics and Management
E-mail: tima.football@mail.ru*

*Ponomarev Oleg Vladimirovich,
Far Eastern Federal University,
senior professor, Juridical School
E-mail: o.v.ponomarev@mail.ru*

The realization of budget system's principle of transparency (openness) in the Russian Federation

Abstract: The article is dedicated to aspects of providing budgets' transparency (openness) and accessibility in the Russian Federation's budget system. Authors considered realization of the principle of transparency (openness) in the Russian Federation. In conclusion, it proposed recommendations for improvement of providing principle of budgets' transparency (openness).

Keywords: budget, budget law, budget system, principle of transparency.

The budget system in the Russian Federation is the key link of the state financial system, whereby the national income redistribution is carried out, so as the government continues acting.

The construction of any system is based on certain principles and the state budget system is not an exception. The principles are legislated in the article 28 of the Russian Federation's Budget Code [1]:

- budget unity in the Russian Federation;
- delimitation of income and expenditure, budget gap's sources of funding between different levels of the Russian Federation's budget system;

- budget autonomy;
- equality of budget rights of the Russian Federation's subjects and municipal units;
- fullness of income, expenditure and budget gap's funding sources' disclosure;
- budget balance;
- budgetary funds' efficiency of utilization;
- total budget expenditures' coverage;
- transparency (openness);
- validity of the budget;
- targeting and purposive character of the budgetary funds' utilization;

- jurisdiction of budget expenditure;
- cash unity.

One of the main objectives of fiscal policy is the increase of level of information accessibility and openness of budgets to the citizens. Nowadays the Ministry of Finance accepts the need of the establishment of the mechanisms which provide budget openness for the development of country's fiscal system [8].

The principle of the budget transparency (openness), which fixed in the article 36 of the Russian Federation's Budget Code, signifies compulsory publication in mass media approved budgets and budget execution reports, the budget projects, which are itemized into the representative public and local authorities, the information accessibility's provision, which is set in the information and telecommunication network «Internet» in the unified portal of the Russian Federation's budget system. Herewith, in this article secret budget items, containing the National Security Information, could be set as an exception of the transparency's principle [1].

It should be noted that the main idea of the budget openness consists in calling citizens into active participation of budget matters' discussion. That is to say, the state budget should partially depend on public opinion [3, P. 63].

However, the realization of the transparency's principle faces some problems. So far, there is no certain system of quantitative parameters. Therefore, the realization presents itself as problematic.

Furthermore, Ktsoeva E. R. draws attention to that the following positions are not legislated [6, P. 288]:

- Requirements to the amount of information available to public access;
- Certain statutory standards which evaluate the character and the fullness of information concerning to the formation and realization of the different levels' budgets;

Nevertheless, we cannot claim that currently there is a lack of any characterization factors of the budget system's transparency. In 2015 Scientific Research Institute of Finances in partnership with the Centre of applied economics by the order of the Russian Federation's Finance Ministry drew up a rating of the Russian Federation's subjects on

the budget data's openness level. In terms of the rating's data we calculated the mean score through the subjects which figures up to 77.86 of 210. Here-with Krasnodar Region heads the rating as it got 185 points, and Sevastopol takes the last position as it got 9.50 points [7].

In reference to the budget process's openness in Russia in the aggregate, so, according to the international rating «Open Budget Index», in 2015 Russia took the 11th position, in 2012–10th, in 2010–21th [9]. It approves the fact that the Finance Ministry's activity over recent years is targeted at the budget openness's improvement. Nevertheless it is noted in the research that the budget project in Russia is insufficiently full: there is a lack of data of certain financial activity's types, including non-budget funds' data, tax expenses, contingent and future liabilities as well as financial and other assets. The significant disadvantage made by the experts is the failure to the civil budgeting process, intended to the society, which is unaware of public finances.

Boltinova O. A. also claims the problem of the information delivery's accessibility. She states that the federal budget is getting more complicated from year to year, and it has a hard time understanding of its corresponding income and expenditure's items for a member of the public. Now therefore, the transparency's principle does not realize in full extent in the budget activity's practice [5, P. 813].

In order to implement the transparency's (openness) principle it is critically important to follow the procedure of the provision of the national accounts of all level. However, particularly on the municipal unities' level, the national accounts' furnishing and approval are of an official nature. So in a number of works it is suggested to introduce the public hearing of the annual national accounts' project, on the stage of emergency, external test, approval of the budgetary accounts and the assignment of this institute in the Russian Federation's Budget Code [4].

The budget targets are to be transparent and intelligible for a member of the public, business, the subjects and local authorities, and particularly those, which refer to the sorting out regional and local problems, and refer to business support. One of the tools of the budget system transparency's improvement could be an electronic budget which aim to provide

transparency, openness and accountability of the public and local authority's activity. Moreover, it could help to improve quality of the financial management of the general government sector due to creating a single information space and using information and telecommunication technology in the sphere of the public treasury management [2]. Nevertheless, at present the implementation of the electronic budget's development has such obstacles as general economic factors and a set of objective causes:

- State and municipals legal framework's imperfection in the sphere of information and communication technology;
- Unpreparedness of the public authorities for the implementation of the effective technologies of cooperation with the citizens and commercial entities;
- Imperfect level of the internal skills in the context of creation and implementation of information and communication technologies;
- Underdevelopment of the material and technical;

At the same time the use of the electronic budget's system provides the following advantages:

- unitizing of budget process, arrangement and presentation of the regulated accounts which excludes the need of frequent manual information's entering;
- Adoption to the legally valid workflow in the matter of public treasury management;
- Automatization of the document processing and control of the commissions' execution, formation of the central storage's regulatory and other documents. «The electronic budget» allows to use the unified registers and classifiers and raises the possibility of central cooperation with federal registers and portals.

To sum up, considering the practical accomplishment of one of the budget system's principles in Russia we can lead to an important conclusion that currently this principle is not fully held. However, the policy of public authorities leads to expect solving actual problems.

References:

1. Federal law "The Russian Federation's Budget Code" from 31.07.1998 – No 145 – FL//Access mode: <http://www.consultant.ru>
2. Russian Federation's Government edict from – 20.07.2011 г. – No 1275-p//Access mode: URL: <http://www.consultant.ru>
3. Dementev D. V. "Russian Federation's Budget System": book/D. V. Dementev. – KNORUS, – 2016. – 332 p.
4. Beher B. B. Public hearings as one of the mechanisms of the implementation of the budget transparency's principle//Leningrad law journal. – 2013. – No 1. – P. 203–209.
5. Boltinova O. A. To the question of the accomplishment of the transparency's principle.//Contemporary issues of Russian law. – 2013. – No 07. – P. 810–815.
6. Ktsoeva E. R. The analyses of practical accomplishment of the budget system's principles in the Russian Federation.//Science Time. – 2014. – No 12. – P. 287–290.
7. Method of the subjects' rating in the Russian Federation on the level of budget data's openness [Electronic resource] Access mode: URL: <http://open.gov.ru/>
8. Main trends of the budget policy for and for the planned period of 2017 and 2018 [Electronic resource] Access mode: URL: <http://minfin.ru/>
9. Open Budget Survey. «The Open Budget Index» [Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.internationalbudget.org/>

Konstantina Vadasi,
University of the Aegean, Department
of Mediterranean Studies, Informatics Laboratory
E-mail: msd14005@rhodes.aegean.gr

Frantzi Katerina T.,
University of the Aegean,
Associate Professor of Informatics – Corpus Processing
Department of Mediterranean Studies, Informatics Laboratory
E mail: frantzi@rhodes.aegean.gr

The BanCo Corpus for the Greek Bank Contracts Special Language Study

Abstract: Corpus-based approaches are highly appreciated, nowadays, for the complete and accurate study of the language. On the other hand, there is an increasing need for the study of dynamic Special Languages, such as the Language of Bank Contracts, due to its important applications, such as specialized monolingual and multilingual dictionaries, human and machine-translation, etc. This work presents the Corpus of the Greek Bank Contracts (BanCo), constructed for the quantitative and qualitative analysis of the SL of bank contracts.

Keywords: Languages for Specific Purposes, Corpus-based studies, Bank Contracts.

1. Languages for Specific Purposes

A Language for Specific Purposes (LSP) or a Special Language (SL) is a language used in a particular scientific or professional field. According to Hoffmann [6, 16], an LSP provides “*a complete set of linguistic phenomena that occur within a defined communication sphere, limited by specific areas, intentions and conditions*”. Hoffman stresses that “*each LSP represents all the language resources used in a limited communication sphere in a specific knowledge area, so it is possible to achieve cognitive work and performed exchange of information between specialists in the same field*” [7, 298, 28, 2, 2]. Many studies on LSPs are on the construction of glossaries and specialized dictionaries, dealing with three main stages: the lexical stage, the terminology for specialized glossaries; the morpho-syntactical stage; and the text-oriented stage, the study of specialized texts for both linguistics and extra-linguistic purposes.

Although there is a variety of definitions for LSPs, Kocourek [10, 21] finds that they all share a common basis, since all LSPs are characterized by the concept of variety, a communicative use, and a relation to a specific field of knowledge. Howev-

er, researchers use various terms to describe what Kocourek essentially considers a unitary concept, with the most popular among them being Special Language, Language for Specific Purposes [14] and Sublanguage [5, 9; 1, 22:17].

The difficulty of a clear distinction between an LSP and the General Language (GL) has been an issue for researchers [2, 71]. It is generally accepted that the GL and LSPs overlap, while the definition of an LSP is always in relation to the GL. Sager, Dungworth and McDonald [14, 17] note that the difference is actually on the degree that language characteristics of the GL appear in an LSP. Researchers point out the preference of the written form of LSPs and their synchronic rather than their diachronic status [10, 26–27]. The study of an LSP, even when carried out using traditional rather computerized means, is important for the construction and updating of specialized dictionaries, automatic specialized text processing and human or automatic translation.

An LSP minimizes emotion and maximizes the communication and taxonomic feature [14; 18]. The practical value of studying an LSP is manifest, as evidenced by its various applications. These mostly

relate to the teaching of the LSP, the construction of monolingual or multilingual specialized dictionaries for the best communication among experts, and the elimination of ambiguities and misinterpretations that result to translation errors. Moreover, the need for common terminology to allow for more efficient communication is made more imperative than ever, due to the advances of multiculturalism and multilingualism, especially in modern systemic contexts such as that of the European Union [16; 28; 20; 21; 24, 26].

2. Corpus-based Studies

Language studies mainly focus on language structure or language use. Traditional Linguistics emphasizes on structure. Currently, however, linguistics is interested on the real language use as well, and is focusing on what is happening rather than what should happen.

Corpus Linguistics (CL) is the area that has contributed much to the innovative approach of language study. The momentum (impetus) that the field has enjoyed in recent years has been achieved largely thanks to the adoption and advances of automatic procedures of analysis. However, the practice of searching words in their context dates back to the 13th century, when biblical scholars and their groups manually' composed the first concordance lists for content words of the Bible [11], without the use of automated technological tools. The advance of digital technology has fueled the growth of CL, since use of computers provides precise and complete analysis of corpora with speed, organizing on capabilities, and ease on data processing [1, 1].

A Corpus is a structured, statistically correct collection of texts, systematically designed for language analysis, and should be distinguished from the concepts File, Data and Collection of Texts [31, 61–62]. Corpus analysis consists of creation of the corpus, a large collection of real texts collected and structured following certain design criteria, and, subsequently, of the analysis which makes extensive use of computers for the processing and the quantitative and qualitative analysis. The most common products of corpus processing are the word and collocation frequency lists, the concordance tables, and the examples for the description of the phenomena revealed — which are not any more based on the intuition of the researcher [17].

The design criteria must ensure representativeness which depends on the sampling, the balance, the size of the individual texts and the body as a whole. A special language corpus is designed to give information about an LSP and, as such, it consists of LSP texts. As with a general language corpus, the larger the corpus, the more comprehensive the description of the LSP it represents tends to be [31, 73–74]. The representativeness, highly dependent on sampling when constructing a GL corpus, is also highly dependent on saturation in LSPs [3, 12, 18].

3. The Special Language of Greek Bank Contracts

It has been suggested that Law, as a field of research, aims to examine the problems created by socialization and the formation of human communities, through the scope of their regulation by rules set by an organized society [29, 33]. Banking law is composed of those rules that regulate banking practice by credit and financial institutions. Banking practices involve the establishment, organization and operation of credit and financial institutions as commercial corporate enterprises, the practice of all appropriate actions, and the supervision and control of companies and their operations. These form the “Law of the banking system” and the “Law of banking contracts” [32, 1].

Modern banking law is fluid and has undergone substantial change internationally, over the last decades. Because of its complexity and the increasing range of banking activities, its study and detailed exploration has therefore become a necessity. Law is generally characterized by dynamics dictated by its temporal, geographic, and systemic social context, which affect the legal system as a whole. In the Greek context, according to Rokas and Gortsos [30, 2], these dynamics depend on the formulation of rules for European banking law, as well as on technological evolution, the globalization of the economy, and the prevalence of the universal banking system.

The study of an LSP is of special interest for terminology, translation and language teaching [7]. The legal language seems to have morphosyntactic, semantic and stylistic traits that distinguish it from both the general and other LSPs. This clear distinction does not mean, however, neither tight separation from the GL nor internal coherence [23, 336].

Items of differentiation and internal consistency are apparent, i. e. routine expressions, technical terms, lexical archaisms as well as other elements that “give the impression of objectivity and distance between the transmitter and receiver” [4, 9].

The importance of legal language study stems from the purpose and the specific objectives it serves. According to Sadrini [15, 11], the use of legal language serves legal communication which, in turn, serves social factual situations within a legal system, and the legal consultation, debate and deliberation, both informally or academically (between lawyers, judges, legislators, academics etc.) and within the formal an institutional framework (comprised of the legislative, executive, and judicial branches).

Banking Contracts are basically legal documents between Banking Institutions and individuals that consolidate mutual obligations arising under specific agreements. Therefore, the language of such documents could be suggested to belong to the legal language in the broad sense. However, in addition to *stricto sensu* legal terms, banking contracts regularly, and to a certain degree, contain terms from the fields of finance and economics, as well as from areas such as public administration and sociology.

In the words of Trosborg and Jorgensen [19] “*the world of business is rapidly changing into a smaller place, where individuals from different backgrounds and of different nationality develop common generic frames of reference for producing and understanding of communication of the market place*”. As business environments become more homogeneous, and global economy transcends national borders, detailed understanding of an LSP is of particular interest and importance [31]. Regarding the language of the Law, the globalization of the market and the economy gives rise to novel issues and relationships, especially between individuals and financial institutions, highlighting the dynamic feature of the relevant language.

Banking Law language in particular appears as especially dynamic, due to the constant and swift rise of new forms of banking products and, subsequently, types of relevant contracts. As a result, new terms, which are not listed in the specialized dictionaries, tend to emerge. This situation of constant evolution and fluidity makes the description and

analysis of this LSP a necessity. Within this context, the language of Bank Contracts is an LSP, differentiated not just in relation to the GL, but also in relation to other legal LSPs. However, until now, not much work has been done on the study of the Greek Bank Contract Language, which is restricted to Bounaki’s study on the banking terminology in general [25].

4. The BanCo Corpus

The objective of any relevant study should be to completely describe the Banking Contracts LSP’s distinct terms, with an aim to update the respective specialized dictionaries. As a first step, it is important to recognize and extract from the relevant texts the terms that characterize the LSP in question. The clarification of the language of banking contracts, especially through automatic tools, can be useful in avoiding ambiguity and misinterpretation of the contents of the contracts, and in contributing to their full understanding by both experts and non-experts.

The term ‘Convention’, in addition to the main text of contracts, refers to all documents that relate to a conventional practice that complements the main text of the contracts as such. Consequently, elements of such ‘conventions’ may include pre-contractual information, requests letters to the bank, additional contracts for various services to supplement or amend the main agreement, etc.

The BanCo Corpus consists of texts of the main convention contract and all kinds of documents that accompany it. The types of documents that were retrieved for the corpus came from:

a). bank websites of the four systemic Greek Banks, i. e. ALPHA BANK (URL: <http://www.alpha.gr>), EUROBANK (URL: <http://www.eurobank.gr>), NATIONAL BANK OF GREECE (URL: <http://www.nbg.gr>), PIRAEUS BANK (URL: <http://www.piraeusbank.gr>), b. authentic contracts that were provided to us by the above mentioned banks (The authors wish to thank all four Greek Banks for their contribution to this research).

The corpus is monolingual, consisting of conventions in the Greek language. Accessing authentic bank contracts was a rather hard task, since they include personal data, the protection of which had to be assured. It should be noted that not all banks provided the whole text of contracts requested. However, we need to stress that in each case we

formally committed that utter anonymity would be maintained regarding all parts of the contracts, for the duration of the full study.

Some of the contracts were provided to us in printed form, while others in electronic. Regarding those we acquired in printed form, they had to be scanned, turned into image files and converted into plain text files for compatibility with most automatic processing systems.

The BanCo Corpus includes various types of legal documents regarding contracts, i. e., requests, notifications, pre-contractual updates, etc. Legal texts can be generally classified into prescriptive and descriptive, [8] or into documents containing legislative provisions or other types of text having legal consequences (such as contracts), on the one hand, and theory texts, texts popularizing legal concepts and articles or newspapers where legal issues are discussed, on the other [13]. The BanCo Corpus only includes texts which have legal consequences and a contractual rather than a legislative or regulatory content. Therefore, they are characterized by stylistic elements not only of the legal language, but of their property to serve communication purposes as well. Such texts are mainly those relating to the advertising of banking products. Moreover, the use of economic and financial terms adds characteristics to the language of Bank Contracts that differentiate it from 'strict' legal language.

Metadata for the description of the corpus include information for each text regarding the text type, the bank, the source of the file, the size, the title and its brief description. Texts are categorized in seventeen (17) text types, i. e. application, application approval, notification, statement, bulletin, letter, contract annex, index, summary, proxy, corporate law act, complementary contract act, pre-contract notice, contract, contract supplement, attached letter, form of guarantee notice. Sixteen of the text types are in Greek language while the form of guarantee notice is in English.

Regarding the number of text for each text type, currently the corpus consists of eighty nine (89) contracts, seventy five (75) pre-contract notices, nineteen (19) complementary contract acts, eight (8) application approvals, five (5) contract annexes, four (4) letters, three (3) statements, three (3) bulletins,

two (2) summaries, one (1) notification, one (1) index, one (1) proxy, one (1) corporate law act, one (1) contract supplement and one (1) form of guarantee notice. Currently, the dynamic corpus consists of 598,906 words, 598,345 of which are in Greek Language and 561 words of the form of guaranteed notice are in English. The size of the texts ranges from 109 to 23,357 words with an average text size of 2,773 words. One hundred and one (101) of the texts were obtained directly from the banks while one hundred and fifteen (115) were retrieved from the official bank web sites. Regarding the year of issue, one hundred and twenty (120) of the texts were retrieved in 2014 and one hundred and six (106) in 2015. Thirty seven (37) texts were obtained by the Alpha Bank, one hundred and forty five (145) from the National Bank of Greece, nineteen (19) from the Piraeus Bank and fifteen texts (15) from the Eurobank.

BanCo Corpus is a dynamic corpus, easily updated with new language material. BanCo Corpus is ready to be processed by off-the-self or do-it-yourself corpus processing tools for the extraction of Bank Contract LSP features.

5. Conclusions and Future Work

The language of bank contracts is an LPS of the Banking Law. Due to the evolution of the field of bank contracts and the consequent need for specialized monolingual as well as multilingual dictionaries and semi/fully automatic translation systems, the exploration and detailed study of the language of bank contract is a necessity. Nowadays, corpus-based studies give researchers the tools to study a language or an LSP in the most accurate and complete way and with incomparable speed when compared to traditional manual study. The BanCo Corpus, created for the exploration of the Greek Bank Contract Language, it has been proven sufficiently dynamic, since it is continuously updated as new language material is periodically acquired and added to it.

Besides the continuous updating of the BanCo Corpus, future work will focus on the language and stylistic characteristics of the Greek Bank Contract Language, extracted using corpus processing automatic and semi-automatic tools. The extracted features will be explored for similarities and differences to the general Banking Law Language.

References:

1. Aijmer K. & B. Altenberg (eds.) *English corpus linguistics: Studies in honour of Jan Svartvik*. London: Longman. – 1991.
2. Cabré, M. T. *Terminology: Theory, Methods, and Applications*. Amsterdam: John Benjamins. – 1999.
3. Deville, G. (2001). *Modelization of Task-oriented Utterances in a Man-Machine Dialogue System*. Proceedings of the International Colloquium on Trends in Special Language and language Technology. Bruxelles. From URL: http://perso.fundp.ac.be/~gdeville/gdeville_paper.pdf (15-9-2015).
4. Didier E. *Le langage du droit et la nouvelle traduction juridique*. *L'actualité terminologique*, – 1987. – 20 (5), – 7–11.
5. Harris Z. S. *The two systems of Grammar: Report and Paraphrase*. TDAP 79, University of Pennsylvania Linguistics Department, Pennsylvania. – 1969.
6. Hoffmann, L. *Towards a theory of LSP. Elements of a methodology of LSP Analysis*. *Fachsprache* – 1979. – 1, 1–2, 12–17.
7. Hoffmann, L. *Language for Special/Specific Purposes*. In: U. Annon, N. Dittmar, & K. Mattheire (eds.), *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*. Berlin, New York: de Gruyter, – 1987. – 298–302.
8. Kelsen H. *General Theory of Norms* (transl: M. Hartney). Oxford: Clarendon. – 1991.
9. Kittredge R. & Lehrberger J. (eds.) *Sublanguage: Studies of Language in Restricted Semantic Domains*. Berlin: Walter de Gruyter. – 1982.
10. Kocourek R. *La Langue Francaise de la Technique et de la Science*. Oscar Brandstetter Verlag GmbH & Co KG. – 1991.
11. McCarthy M. & O’Keeffe A. *Historical Perspective: What are corpora and how have they evolved*. *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. New York: Routledge, – 2010. – 3–13.
12. Moskovich, W. *What is a sublanguage? The notion of sublanguage in modern Soviet linguistics*. Kittredge, R., & Lehrberger, J. (eds.) *Sublanguage: Studies of Language in Restricted Semantic Domains*. Berlin: Walter de Gruyter, 1982. – 191–205.
13. Politis M., & Canellopoulou-Botti M. *Le sort des référents pragmatologiques dans le texte d’arrive en traduction juridique*, *International Conference Traduction juridique: Histoire, Théories et Pratique*, Genève, – 2000. – 19–21 février – 2000, URL: http://www.gitrad.uji.es/sites/default/files/Politis2000_0.pdf (8/6/2016)
14. Sager J. C., Dungworth D. & McDonald P. F. *English Special Languages: Principles and Practice in Science and Technology*. Wiesbaden: Brandstetter. – 1980.
15. Sandrini P. *Translation zwischen Kultur und Kommunikation: Der Sonderfall Recht*. In: P. Sandrini, (ed.), *Übersetzen von Rechtstexten, Fachkommunikation im Spannungsfeld zwischen Rechtsordnung und Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, – 1999. – 9–44.
16. Schröder, H. *Linguistic and Text-theoretical Research on Languages for Special Purposes. A thematic and bibliographical guide*. In: Schröder, H. (ed.) *Subject-Oriented Texts: Languages for Special Purposes and Text Theory*. Berlin: Walter de Gruyter, – 1991. – 1–48.
17. Sinclair J., & Ball J. *Preliminary Recommendations on Text Typology*. Pisa: EAGLES. – 1996.
18. Teubert W. *Corpus Linguistics – a partisan view*. TELRI Newsletter – No. 8, URL: <http://telri.nytud.hu/telri2/newsletter/news8.html> – 1999. (9–10–2011).
19. Trosborg A. & Jørgensen P. E. *Business Discourse: Texts and Contexts*. Bern: Peter Lang. – 2005.
20. Αναστασιάδη–Συμεωνίδη Α., Κυριακοπούλου Τ., Νικολάου Γ., Παναγιώτου–Τριανταφυλλοπούλου Α. & Φούφη Β. (2005). *Ορολογία και ηλεκτρονικός ορθογραφικός έλεγχος*. Ανακοινώσεις 5ου Συνεδρίου ΕΛΕΤΟ, Αθήνα (in greek) URL: http://www.eleto.gr/download/Conferences/5th%20Conference/5th_21-42-AnastasiadiKyriakopoulouPanagiotouFoufiNikolaou.pdf. (20/9/2016).

21. Καλλέργης Μ. & Γεωργουλέα Μ. (2009). Τυπική και άτυπη χρήση της μετοχής σε επιλεγμένα μεταφράσματα από όργανα της Ευρωπαϊκής Ένωσης. Ανακοινώσεις 7ου Συνεδρίου ΕΛΕΤΟ, Αθήνα (in greek) URL: http://www.eleto.gr/download/Conferences/7th%20Conference/7th_19-28-KallergisMi-GeorgouleMa_Paper2_V03.pdf
22. Κατσογιάννου Μ. (1999). Μεθοδολογικές αρχές για τη δημοσίευση λεξικών ορολογίας. Ένα παράδειγμα από τον χώρο της Αστρονομίας. Ελληνική Γλώσσα και – Ορολογίας: Ανακοινώσεις 2ου Συνεδρίου ΕΛΕΤΟ, Αθήνα (in greek) URL: http://www.eleto.gr/download/Conferences/2nd%20Conference/2nd_017-025_KatsoyannouMarianna.pdf (20/9/2016).
23. Κουτσιβίτης Β. (1994). Η μετάφραση νομικών κειμένων. Terminologie et Traduction 1:325-348 (in greek).
24. Κριμπάς Π. (2009). Νομική ορολογία του Δικαίου της Ευρωπαϊκής Ένωσης στην Ελληνική, την Λιθουανική και την Λεττονική: ο αναλογικός κανόνας, η ορολογική ισοδυναμία και τα σχετικά μεταφραστικά ζητήματα. Ανακοινώσεις 7ου Συνεδρίου ΕΛΕΤΟ, Αθήνα (in greek) http://www.eleto.gr/download/Conferences/7th%20Conference/7th_28-23-KrimpasPanagiotis_Paper3_V02.pdf (22/9/2016)
25. Μπουνάκη Ε. (2010). Ένα σύστημα αυτόματης ανάλυσης κειμένων της Νέας Ελληνικής: μέθοδος μορφολογικής περιγραφής και ηλεκτρονικής κωδικοποίησης των τραπεζικών όρων, Μεταπτυχιακή Εργασία. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (in greek).
26. Ξυδόπουλος Γ. (2005). Η «διπλή» γλώσσα της επικοινωνίας. Ανακοινώσεις 5ου Συνεδρίου ΕΛΕΤΟ, Αθήνα (in greek) URL: http://www.eleto.gr/download/Conferences/5th%20Conference/5th_03-16-Xydo-poulosGiorgosPaper.pdf (20/9/2016).
27. Παναρέτου Ε. (2009). Νομικός Λόγος – Γλώσσα και Δομή των Νόμων. Αθήνα: Εκδόσεις Παπαζήση
28. Παπακωνσταντίνου-Κυριαζή Μ. (2001). Το ειδικό λεξιλόγιο της Ηλεκτρολογίας-Ηλεκτρονικής. Διδακτική, Διδακτορική Διατριβή. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (in greek).
29. Παπαστερίου Δ. (1994). Γενικές αρχές του αστικού δικαίου. Θεσσαλονίκη: Σάκκουλας (in greek).
30. Ρόκας Ν. & Γκόρτσος Χρ. (2012). Στοιχεία τραπεζικού δικαίου: δημόσιο και ιδιωτικό τραπεζικό δίκαιο. Αθήνα: Νομική Βιβλιοθήκη (in greek).
31. Τζιάφα Ε. (2012). Μελέτη της Ειδικής Γλώσσας του Χρηματιστηρίου με βάση σώματα κειμένων και στόχο την αυτόματη μετάφραση, Διδακτορική Διατριβή. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (in greek).
32. Ψυχομάνης Σπ. (2011). Τραπεζικό δίκαιο: δίκαιο τραπεζικών συμβάσεων. Αθήνα: Σάκκουλας (in greek).

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-98-103>

*Ponomarev Oleg Vladimirovich,
Fedorova Ekaterina Vitalevna,
Protokovilova Anastasiia Andreevna,
FEFU, School of Economics and Management,
“Finance and credit”, B1401F
E-mail: o.v.ponomarev@mail.ru*

Legal regulation of the market participant’s work with securities

Abstract: In this article the current state of the market participants’ work with securities is analyzed. Also it’s main disadvantages and problems are identified. The ways of improving the legislation with the aim of increasing the efficiency of the market securities’ operation and with the aim of risk reduction in its participants’ activities are offered in this work.

Keywords: securities, risk, market participants, legal regulation.

Economically, the securities' market is a mechanism of capital redistribution between participants of business, individuals and legal entities [15; 17]. Its effective performance contributes an acquisition of the enterprises' extra revenue due to the financial operations, as well as the growth of their capitalization. On the other hand, transactions in the securities' market are an important source of income for individuals who are shareholders of a company and may receive income both in the form of dividends or as due to the resale of shares.

At the same time, securities' market activity is related to the higher risk level not only because of possible sharp fluctuations of a conjuncture, but also due to the potential dishonest activities of market participants. Beyond that, a significant degree of monopolization of securities' market is a risk factor for many small companies and for the holders of their shares, too. That's why a legal regulation by the state is necessary for providing the operation transparency in the market, for development the healthy competition and for reducing the risk of the unfair activities of the individual market participants.

Today from a formal point of view the legal framework of the securities' market regulation in Russia has already been sufficiently developed. Among the basic regulations are the Civil Code of the Russian Federation (the list of the officially recognized securities is given in Article 143) [1], the Federal Law "On Securities' Market", in which the procedures of issue, registration, accounting and storage of securities are considered [8]. In addition, as O. P. Pahutko notes that the basic federal laws to regulate the securities' market infrastructure were adopted in 2011. They are laws respecting the organized trading, the central depository, the clearing and its activities [21].

Federal Law from 05.03.1999 No 46 FZ "On protection of rights and legal interests of investors at the security market" [6] has special emphasis for the capital safekeeping and legal interests protection of investors at the security market. Also, as for limiting monopolistic activity and developing business competition Federal Law from 26.07.2006 No 135-FZ "On business competition protection" [5] plays an important role.

This act establishes base requirements of price setting and render services quality at the services market, initiates limitations, restraining individual companies to exclude a competitor from the stock market. To this effect the Law determines the conception "competitive price" and "financial services" [21].

Code of Administrative Offences includes articles, which establishes sanctions for security market participants' violations. Those are articles 15.18 "Illegal operations with equity securities", 15.19 "Infraction of the law on presenting and information disclosure at financial markets", 15.29 "Infraction of the law on security market professional participants..." [2]. Also Code of Administrative Offences includes article 185 "Abuse on security issuing", 185.1 "Persistent evasion on opening or making available the information, which is determined by the Federal Law", 185.2 "On violating of security right stock-taking", 185.4 "On blocking to provide or illegal limit security holders rights" [3].

However nowadays legal regulation of the security stock market in Russia can not be considered to be formed. D. A. Kurazova notices, that investors' guarantees are still insufficient [18]. Preservation of capital, which were spent on buying securities, is not hundred-per-cent, because market swings as up, as down. But reliable and transparent rules must be provided. They should not be changed in point of the investor during all the term of holding equity.

It should be noted that nowadays Moscow Stock Exchange performs the main function on the regulation in the securities' market in Russia. It was formed as a result merging of the Russian Trade System and Moscow Interbank Currency Exchange. But its activity regulation is poorly developed.

E. A. Shulga notices that key problem of security stock is coordination mechanism of an issuer's and an investor's interests [22]. Today in the Russian Federation such coordination is provided by non-commercial organizations, which must obtain an approval from the Central Bank. These organizations develop rules and standards of the market participants' activity, provide its observance and its information support. The disadvantage of this system is an assumption of the government regulation func-

tion by these organizations. It may cause an activity risk as for investors and for issuers.

Insufficient corporate transparency is another main problem of the market activity. Because of it rates of some securities can become higher in comparison with real value of the company. It makes them high-risk product. So some authors reasonably offer to transfer joint-stock companies into international standards of business accounting.

Another problem of legal regulation is connected with the taxation system. On the one part, issuers must pay duty and it doesn't stimulate them and deters their activity. On the other part, there is a problem of a double taxation in making profit from operations with securities.

E. A. Shulga reasonably offers to introduce tax remissions at least for those issuers who buy securities from the priority economic sector or innovative companies [22].

Intensification of the state regulation of the unorganized securities' market, so-called secondary market, acting out of stock exchange has a great importance. As a rule, a stock price in such a market is significantly lower and with it and simultaneously the investors' risk is increasing including the fraudulent deals. It is necessary to develop legal acts making participants of unorganized market follow the rules of security trade. Introduction of obligatory auditing is possible.

It is necessary to notice that above mentioned and other problems of the securities' market legal regulation are realized at the state level. That is why different actions of order improvement in such a regulation have been taking. Particularly The Central Bank of the Russian Federation includes the special service of the financial markets. Its functions provide keeping the demands of the Russian Law in check conjunctions and in the controlling the financial stability of the market participants.

Since the 1st September, 2013 on the Central Bank basis the financial Mega regulator was established. This authority professionally initiate the legislation concerning the improvement of the legal regulation. At the same time S. A. Minligareeva notices that such activity may cause negative effects [19]. On the one part its activity is to limit market monopolization possibilities. On the other part, because of its initial connection with the Central Bank

and The Moscow Interbank Stock Exchange, it can be an apparatus of monopolization growth excluding small-scale and medium-scale business from the security market.

By 2015 Central Bank security market service has worked out more than 100 subordinate regulatory acts, which are aimed at the market transparency and its infrastructure improvement [22]. But problems of choosing the certain ways of its perfection are still exist. For instance, it is necessary to perfect licensing. On the one part its strict requirements, which are compulsory for professional activity at the market, limit entry into the market and business competition. On the other part, if the licensing procedure is soften it will cause the risk of unfair players and shareholders.

Nowadays certain steps for improving the procedures of licensing of the securities' market have been taken by the Central Bank of the Russian Federation. An Instruction № 168-I «On licensing procedure of professional activity at the securities' market and order of keeping the register of securities' market professionals of the Bank of Russia » was adopted on the 13th September, 2015 by the Bank of Russia. This instruction sets the list of the required documents, the procedure for a license renewal, forms and rules of filling the relevant forms and so on. [10]. A Regulation № 529-P dated 18 January, 2016 has established the procedure of suspending, resuming and cancellation of licenses [11]. According to the Directions of the Central Bank of the Russian Federation № 3937-U (12), 3938-U [13] dated 18 January 2016 and № 3956-U dated 05 February 2016 [14], order of licensing and order of passing the qualifying examinations has been changed [20]. However while the sub-legislative acts adopted in this sphere are more concerned with the formal side of the licensing procedure, but a qualitative development of the criteria of licenses' issuance is necessary for the professional activity in this market.

Moreover, today there is a problem of money laundering of the proceeds and of the terrorism financing, which strengthens the importance of monitoring the movement of securities. The Federal Law "On securities' market" assigns responsibilities in making necessary changes into the registry system [8]. At the same time, the Federal Law "On Combat-

ing Money Laundering of the Proceeds got criminally and Terrorism Financing" [7] gives banks the right to abort this order. It increases the risk of using the securities as a legal instrument for laundering "shadow" or criminal proceeds.

Nowadays a great problem is the regulation of mutual funds. The Federal Law "On Investment Funds" [9] provides the right of confidential management of such funds to the management companies. However, a procedure of monitoring compliance with the established amount and term of compensation is defined insufficiently. It increases the risk of activities either for funds or for their depositors.

Formation of rating evaluation of issuers is a significant gap in the sphere of legal regulation of the securities' market activity. The investor often makes a decision about choosing the securities of a company according to this assessment. However, to date there are no guarantees that this ranking score has a high quality and that it is able to reflect the real circumstances, and doesn't just determine the interests of one or another company. It is necessary to have at least one official rating of issuers, in which the order of formation and evaluation indicators would be determined by law, as well as the criteria for calculation of these indicators. This step would help to reduce the risks and improve the image of the securities' market in Russia.

The Federal Law № 222-FZ "On the activities of credit rating agencies..." dated 13 July, 2015 became a certain step in this direction [4]. This law established the minimum requirements for such agencies, in particular, according to the size of their equity funds (not less than 50 million rubles), and according to the staff of founders and management bodies. Besides, the law forbade to combine this activity with other activities [16]. It is necessary to move further along this way and to impose a tougher order of formation such ratings. It can minimize risks for investors in the securities' market.

In our view, it is necessary to develop an insurance mechanism of funds invested in securities. Moreover, this system should operate in the manner determined by law. It is also important to create legislative minimum requirements for corporate transparency of joint stock companies, including non-public companies. To make a reasonable deci-

sion, the investor needs not only to know the official financial statements and current rate. He must be aware of the status of activities and business procedures of a company.

In addition, today a lot of operations in the securities' market are made on the Internet, where the risk to work with unconscientiously intermediaries engaged in the processes of purchase and sale of securities is higher. We believe it would be inappropriate to regulate Internet transactions in the securities' market by a special federal law.

As a result, according to the views of the modern Russian experts in the sphere of the securities' market, we can offer a few basic ways to improve the regulatory activities of market participants. Firstly, it is necessary to impose and regulate the official rating of issuers of securities in the Russian Federation by law. Secondly, we need a clear definition of the functions of mega-regulator to prevent its transformation into a mechanism of a market monopolization. Thirdly, it is important to adopt a special federal law regulating securities' transactions on the Internet in Russia. Fourthly, it is necessary to establish well-defined minimum of requirements for disclosure complementary information by joint stock companies, in addition to the obligatory financial statements, as well as their gradual transition to international accounting standards. Fifthly, it is required the development and legislative approval of the transparent rules of the mutual funds' functioning and their management companies, for example, by the adoption of the Mutual Funds Act. Sixthly, the establishment of the utmost definite requirements for the licensing of market participants, and toughen sanctions for their violation and imposition of the corresponding articles into the Code of Administrative Offences and the Criminal Code. Also it is necessary to strengthen the regulation of the unorganized securities' market, to improve the tax treatment of issuers, as well as to impose tax advantages for investors who buy shares of companies with highest priority for the economy and innovative companies.

Implementation of these measures would help to reduce the risks and to improve the efficiency in the securities' market for either issuers or investors. Besides that, it would improve the image of Russian

securities' market, and it can lead to attraction of financial resources not only from Russian investors, but also from foreign ones. This will ensure the qualitative development of the securities' market, which should have a positive impact on the real sector of Russian economy.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994, – No 51-FZ (ed. of 03.07.2016) [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Administrative Offences Code of the Russian Federation of 30.12.2001, No 195-FZ (ed. of 03.07.2016, No 374-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, No 63-FZ at (ed. of 07.06.2016, № 375-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
4. Federal Law of 13.07.2015, No 222-FZ “On the activities of credit rating agencies, to amend article 76.1 of the Federal Law” On the Central Bank of Russian Federation (Bank of Russia) “and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182646
5. Federal Law of 26.07.2006, NO 135-FZ “On Protection of Competition” (ed. of 07.03.2016, No 264-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/.
6. Federal Law of 05.03.1999, № 46-FZ “On the Protection of Rights and Lawful Interests of Investors on the Securities Market” (ed. of 07.03.2016, No 292-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22219
7. Federal Law of 07.08.2001 No 115-FZ “On Combating Money Laundering of the Proceeds from Crime and Financing of Terrorism” (ed. of 06.07.2016, No 374-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834
8. Federal Law of 22.04.1996 No 39-FZ “On the Securities Market” (ed. of 07.03.2016, No 292-FZ). [Electronic resource]. Access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148
9. Federal Law of 29.11.2001 No 156-FZ “On Investment Funds” (ed. of 07.03.2016, № 292-FZ). [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237
10. Bank of Russia Instruction of 09.13.2015, No 168-I “On the Bank of Russia licensing of professional activity in the securities market and the procedure for keeping the register of professional participants of securities market.” [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190685
11. The Bank of Russia “On the order of suspension, renewal of the license to carry out professional activities in the securities market, the procedure for the adoption of the Bank of Russia’s decision to revoke the license for professional activity in the securities market, the timing of such a decision in the cases specified subparagraphs 2–12, paragraph 1 and subparagraph 3 of paragraph 2 of article 39.1 of the Federal law of – April 22, – 1996. – N 39-FZ “on the securities market”, as well as the establishment of an exhaustive list annexed to the cancellation of the license application documents from 18.01.2016 Mr.. number 529-P. [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194661/
12. Bank of Russia of 18.01.2016, No 3937-U “On Amendments to the Bank of Russia of April 18, 2014 N 3234-U” On unified requirements to the rules of the brokerage activities in the commission of certain transactions by customers’. [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194722
13. Bank of Russia of 18.01.2016, No 3938-U “On the non-use of certain regulatory acts of the Federal Service for Financial Markets”. [Electronic resource]. Access: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194721

14. Bank of Russia of 02.05.2016, No 3956-U "On the non-use of certain regulatory acts of the Federal Service for Financial Markets". [Electronic resource]. Access: URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=268911>.
15. Gorlovskaya I. G. Securities market as a service market//Herald of Omsk University. "Economy" series. – 2009. No – 1. – P. 134–137.
16. Kapkaev A. A. Overview of legal innovations in the securities market for – 2015 and expectations for – 2016//Line right. [Electronic resource]. Access: URL: http://lp.ru/files/filemanager/file/86_87.pdf
17. Korchagin Y. A. Securities market and state regulation. – Rostov-on-Don: Phoenix. – 2008. – 363 p.
18. Kurazova D. A. Problems of development of the market of securities in Russia//Economy and Society. – 2015. – No 6 (19).
19. Minligareeva S. A. Problems and ways of perfection of state regulation of securities market//Science Time. – 2014. – No 6 (6). – P. 122–131.
20. Overview of key performance indicators of professional participants of securities market. – 2016. – No 1.
21. Pahutko O. P. Problems of legal regulation of professional activity at the securities market//Young scientist. – 2013. – No 7. – P. 289–292.
22. Shulga E. A. The Russian securities market//Scientific and methodical electronic journal "Concept". – 2016. – P. 2381–2385.

Section 9. Environmental law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLPS-16-4-104-107>

*Obiiukh Nataliya Mykhaylivna,
PhD in Law, assistant professor,
Bila Tserkva Institute of Economics
and Management, Ukraine,
E-mail: obiju2nm@gmail.com*

The problems of legal definition of the concept “natural curative resources” in the European environmental legislation

Abstract: The article deals with analysis of the concept “natural curative resources” from the ecological and legal point of view. The author analyzes the environmental legislation of the Czech Republic, Slovakia, Georgia and Ukraine towards the natural curative resources in order to recognize their distinctive features.

Keywords: natural curative resources, spa, thermal water, mineral water, balneology.

Introduction

There is a quite variety of natural curative resources in the environment. In particular, the term “natural curative resources” includes mineral and thermal waters, peloids, clay, sea salt and other natural resources used in balneotherapy for a long time. Nowadays balneotherapy is a medical science that studies the properties and methods of using the natural curative resources, and it is based on the knowledge of their therapeutic effect on the human body.

Experience has shown that local thermal or just mineral waters have beneficial therapeutic effects e.g. on digestive tract or metabolic diseases. The contemporary division of balneology used in the continental Europe is the typical spa area with a great healing tradition. There are well known spa-centres, such as Karlovy Vary and Františkovy Lázně (the Czech Republic), Debrecen and Heviz (Hungary), Vichy (France) and others.

The natural curative resources are the important aspect of legal protection in the European environmental legislation. In particular, there are special laws regulated the use of mineral and thermal waters and other curative resources in Austria, Germany, Hungary and Slovakia. It is necessary to note that ad-

opted June 18, 2009 Directive 2009/54/EC “On the exploitation and marketing of natural mineral waters” [1] played an important role in establishing the common approaches to the definition of “mineral waters” and its use for the bottled water production.

The main purpose of this article is to consider the general scientific and legal approaches to the definition of the concept “natural curative resources” and to analyze the legislation of European countries in the sphere of use of natural curative resources.

Historical stages of the exploration and exploitation of natural curative resources in Europe

The baths had great importance for the ancient Greek civilization [2, 253]. In the works of Homer and Aristotle there is told of mineral water with healing properties in ancient Greece. As the oldest evidence of using the natural curative waters there are some capital facilities in the places of springs with carbonated water located close to modern St. Moritz resort, Switzerland. There are presented some facilities used by Romans for hydrotherapy in the places of famous resorts in Hungary, Austria, Germany and the United Kingdom.

Other written reports towards the use of mineral waters in continental Europe are concerned to such

a great spa town as Karlovy Vary. Recommendations to use the Karlovy Vary waters for curative purposes date back to the early 16th century. Doctor Vaclav Payer recommends alternating drinking thermal water and bathing in it. The spa's importance began to grow from the middle of 17th century.

It is important to notice that during 17th and 19th centuries there was the gradual development of spa towns in Europe showing the revival of public interest to the thermal and mineral water sources. As it is mentioned by B. Czellecz: “... places like Montecatini, Lucca (Italy), Varna (Bulgaria) were already known. In France, Vichy, Forges and Bourbon-Lucy were discovered, as well as Bath and Tunbridge Wells in the UK, Carlsbad, Ems, Marienbad in Germany, Spa in Belgium” [3, 68].

In the 20th century thermal and mineral waters have provided a significant part of producing the bottled water. The centres for production of bottled water were Vichy and Evian in France, Karlovy Vary and Františkovy Lázně in Bohemia and Buziaș in Romania [4, 14].

In the past decades, a large change in the use of mineral water for the treatment of several diseases has taken place in Europe. The medical significance of bathing is now acknowledged. Currently, among the most famous European spa there are Karlovy Vary, Mariánské Lázně, Františkovy Lázně in the Czech Republic, Baden-Baden and Wiesbaden in Germany, Bad Pyrmont and Baden bei Wien in Austria, and Vichy in France.

The studies of the legislation of European countries towards the legal definition of the concept “natural curative resources”

Natural curative resources are the basis of the development of spa and wellness tourism in the world. In our opinion, the natural mineral resources, such as thermal and mineral water, are extraordinary value to the countries where they are represented. This is due not only to use these resources in balneotherapy, but also in the energy sector and in the food industry. Natural curative resources allow developing the different areas of the economy.

It is interesting to note that the term “natural curative resources” is reflected on the legislation of various European countries. For example, Law of Georgia “On Tourism and Health-Resorts”, Act

No. 164/2001 “On natural healing sources, sources of natural mineral waters, natural health resorts and spa facilities, and on modifications and amendments to certain related acts” (“Spa Act” of the Czech Republic), Law of the Slovak National Council No. 538/2005 Z. z. “On natural curative waters, natural curative spas, balneal sites and natural mineral waters, and on change and amendment of some laws”, Bundesgesetzes über natürliche Heilvorkommen und Kurorte, 1958).

One of the leading countries of producing the bottled mineral water is Georgia. The Law “On Tourism and Health-Resorts” [5] contains the following definition: “Natural medical resources are mineral water, medicinal muds, karst caves fit for the treatment, sea, forests, medical climate and other natural resources used for the treatment, rehabilitation and prophylaxis” (Art. 2 (5)). But there is not found any specific characteristic towards natural curative resources.

Studying the Ukrainian legislation we should note that there is no special law regulating the use of curative resources. However, there is Law “On Resorts” adopted October 5, 2000 [6], in which the concept of natural curative resources is regarded as an integral part of the legal regime of resorts. This is owing to the fact that the identification of natural curative resources is the main condition for approval of the resort area. According to Art. 6 of this Law “natural curative resources include mineral and thermal waters, peloids and ozokerite, estuaries and saline lakes, sea water, other natural bodies and complexes with favourable climatic conditions for treatment, medical rehabilitation and disease prevention”.

In Ukraine the right to use natural curative resources occurs due to getting a special permission provided by the legislation. Clearly, it is depended to the fact that natural curative resources can be used only after carrying out the quality biomedical assessment by the Ministry of Health.

As already mentioned, the Czech Republic has a very long history of using the natural curative resources. This country is extremely rich in mineral springs and medical spas; the local use of natural healing springs and baths, in the form of spas, has been a long tradition for hundreds of years [7, 45].

According to the Act No. 164/2001 Coll. of April 13, 2001 “On natural healing sources, sources

of natural mineral waters, natural health resorts and spa facilities” [8] natural curative springs are defined as “... a naturally occurring mineral water, gas, or peloid which has a property suitable for therapeutic use” (Art. 2).

Mineral healing waters are determined as pure natural underground water containing dissolved solid substances in amount at least 1 g/l or no less than 1 g/l of carbon dioxide or other important therapeutic trace elements or minimal temperature of spring 20 °C. The *natural mineral water* is considered as natural underground water of original purity of the same composition and properties of minerals, chemical elements and other elements which allow using the water as food or the bottled water.

In Slovakia, there are about 1,500 natural mineral resources. In total, the Ministry of Health now monitors 156 objects. 105 from them are approved as natural curative or natural mineral resources. Besides, that there are monitored 53 resources which are not approved [9].

The Slovak Law of December 6, 2005 “On natural curative waters, natural curative spas, balneal sites and natural mineral waters, and on change and amendment of some laws” [10] is the first single law on natural healing resources in Slovakia. The Law defines the main requirements for certain types of natural curative resources and particular features of their use.

According to § 5 of the Law the mineral water can be approved as *natural curative water*, if during at least five years there were proven its curative effects in balneal practice and if fulfils the requirements stated by generally binding rule of law, issued by the Ministry of Health. Curative effects can be considered as proven also if such effects were verified in long term balneal practice when water with similar physical and chemical properties was used.

As “*natural mineral water*” can be declared only the water from spring monitored at least three years, and during this period it was proven the stability of all distinctive indicators; and it fulfils the requirements stated by the Ministry of Health.

We should note that the main specific feature of natural curative resources is their special origin

composition that is shown through the therapeutic effects of mineral substances. This means that natural mineral waters are the waters which come from natural underground springs or artificial opened; and they can be used for therapeutic purposes due to its unique composition [11, 28–29].

In European Union legislation there is used the term “mineral water”, but its meaning differs from the term “curative water”. There is determined the concept “natural mineral water” in the Directive 2009/54/EC: “natural mineral water means microbiologically wholesome water originating in an underground water table or deposit and emerging from a spring tapped at one or more natural or bore exits.

Natural mineral water can be distinguished from ordinary drinking water: (a) by its nature, which is characterised by its mineral content, trace elements or other constituents and, where appropriate, by certain effects; (b) by its original purity, both characteristics having been preserved intact because of the underground origin of such water, which has been protected from all risk of pollution”.

Conclusion

Concerning to environmental and legal approaches of studying the concept “natural curative resources” it is necessary to formulate its legal definition. Thus, the natural curative resources can be determined as concentrated under the ground, on the surface and in the sea environment natural mineral resources and springs which have unique chemical composition and sustainable beneficial properties reflected curative and therapeutic effects and can be used in balneal practice on the basis of balneal conclusion.

We can summarize that the concept “natural curative resources” takes an important place in natural resources law. As a result of the development of environmental and legal relations the natural curative resources are particularly important, because the public interest towards its using is growing constantly. Nowadays there is a real necessity for legal protection of these resources. Therefore it is important to determine the concept of natural curative resources and their main characteristics in the legislation.

References:

1. Directive 2009/54/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 'On the exploitation and marketing of natural mineral waters', available at: URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32009L0054> (accessed 10 November 2016).
2. Nunes S., Tamura B. M. Historical Review of Mineral Water//Surgical & Cosmetic Dermatology. – 2012. – V. 4, – No 3. – 252–258 p., available at: URL: <http://www.surgicalcosmetic.org.br/sumario/15> (accessed 30 September 2016).
3. Czellecz B., Petrea D. Mineral Water for Treatments: Summarized Presentation of the Bathing Culture//Studia UBB Geographia. – 2013. LVIII. – No 1. – 63–74 p.
4. Albu M., D. Banks. Mineral and Thermal Groundwater Resources. London: Springer, – 1997. – 430 p.
5. On Tourism and Health-Resorts: Law of Georgia of 06 March – 1997, available at: URL: http://www.unesco.org/culture/natlaws/media/pdf/georgia/geo_tourismandhealth_engtof.pdf (accessed 20 November 2016).
6. On Resorts: Law of Ukraine of 05 October – 2000, available at: URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2026-14> (accessed 20 November 2016).
7. Kraftova I., Mandysova I. Specifics of the Chez Spa Industry and Categorization of Model Spa Town//Scientific Papers of the University of Pardubice. – 2013. – No 28 (3). – 43–55 p., available at: URL: https://dk.upce.cz/bitstream/handle/10195/54032/KraftovaI_SpecificsOf_2013.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 01 December 2016).
8. Zákon o přírodních léčivých zdrojích, zdrojích přírodních minerálních vod, přírodních léčebných lázních a lázeňských místech a o změně některých souvisejících zákonů (13 dubna 2001), available at: URL: <http://www.zdrav.cz/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=1884> (accessed 20 November 2016).
9. Bozikova J. Natural Curative Waters of Slovakia in SPA. Proceedings of International Geothermal Days. Conference and Summer School. Session IV, Slovakia, available at: URL: <http://www.geothermal-energy.org/pdf/IGAstandard/ISS/2009Slovakia/IV.2.Bozikova.pdf> (accessed 30 September 2016).
10. Zákon č. 538/2005 o prírodných liečivých vodách, prírodných liečebných kúpeľoch, kúpeľných miestach a prírodných minerálnych vodách a o zmene a doplnení niektorých zákonov, available at: URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2005-538> (accessed 01 December 2016).
11. Gilles C. et al. Kommentierte Fassung der Begriffsbestimmungen – Erholungsorten und Heilbrunnen. Bonn, – 2005, available at: URL: <http://www.deutscher-heilbaederverband.de/Begriffsbestimmungen-12-Aufl-kommentierte-Fassung-aktualisiert-PDF-685371.pdf> (accessed 05 November 2016).

Contents

Section 1. Administrative law	3
<i>Ponomarev Oleg Vladimirovich, Sitchikhina Valeriya Yevgenyevna, Magay Anjela Igorevna</i> Problems of administrative liability for contravention of tax law	3
Section 2. Commercial law	7
<i>Gupi Marsidi</i> Joint stock company as a contract and an institution	7
Section 3. Criminal science	10
<i>Evdokimov Konstantin Nikolaevich</i> Comparative study of criminal legislation of Russia and foreign countries providing for liability for committing computer crimes	10
<i>Makushev Dmitry Ivanovich</i> Problematic aspects of international cooperation of the Russian Federation on the fight against cybercrime	13
<i>Miloshoska Danijela</i> Security roll of the Macedonian customs	16
Section 4. International law	21
<i>Kurashvili Avtandil Yurievich</i> Full powers of the head of Russian diplomatic mission in the conclusion of international treaties	21
<i>Lytvynenko Victor Ivanovich</i> International legal aspects of corruption eradication	25
<i>Matej Savić</i> Contemporary issues of legal personality in international law. Factual and normative problems	32
<i>Sarsembajew Marat Aldangorowitsch</i> Erstellung. Der datenbasen (datenbanken) in Kasachstan, eawu und eu. Für die analyse der energetischen probleme	37
Section 5. Political institutes, processes and technologies	45
<i>Alikhan Zhamsatov</i> Corruption as a political issue in the world today	45
Section 6. Theory and history of state and law	49
<i>Nazarkulova Lazzat Talgatovna</i> Prospects for improvement of law-making in the Republic of Kazakhstan in the light of international experience	49
Section 7. Criminal law and criminology	53
<i>Efremova Marina Aleksandrovna</i> Social conditionality of information security protection by criminal law in the Russian Federation	53
<i>Isajewa Klara Asangasyjewna</i> Problematische aspekte der entwicklung von einzelnen strafprozessinstitute in der Kirgisischen Republik	59
<i>Isajewa Klara Asangasyjewna, Toktorow Tgemberdi Samidinowitsch, Oskembaj Gulmira</i> Problematische aspekte der anwendung von speziellen Psychologisch-pädagogische kenntnisse im strafverfahren der gus-länder bei der teilnahme der minderjährigen personen	65
<i>Saliev Almambet Abdimitalipovich</i> To the matter of implementation of fundamental principles in the field of criminal proceedings in particular European countries in the modern period	71

<i>Saliev Almambet Abdimalipovich</i>	
To the concept of role of special knowledge used in crime investigation	76
<i>Toktorov Egemberdi Samidinovich, Oskembai Gulmira, Kamalova Leila Narimanovna, Zholdoshaliyev Midin Turdumamatovich</i>	
On the operative and search support to investigation of particularly serious crimes involving minors in the CIS countries	80
<i>Umirkulov Abduvali Gulamovich</i>	
Criminal law measures against crime of underage convicts in the Kyrgyz Republic	84
Section 8. Finance law	90
<i>Far Eastern Federal University, Babkina Aleksandra Mikhailovna, Alpysbaev Timur Bayambekovich, Ponomarev Oleg Vladimirovich</i>	
The realization of budget system's principle of transparency (openness) in the Russian Federation	90
<i>Konstantina Vadasi, Frantzi Katerina T.</i>	
The BanCo Corpus for the Greek Bank Contracts Special Language Study	93
<i>Ponomarev Oleg Vladimirovich, Fedorova Ekaterina Vitalevna, Protokovilova Anastasiia Andreevna</i>	
Legal regulation of the market participant's work with securities	98
Section 9. Environmental law	104
<i>Obiukh Nataliya Mykhaylivna</i>	
The problems of legal definition of the concept "natural curative resources" in the European environmental legislation	104

